20 5/241

ЖИЗНЕОПИСАНІЕ

АРХИМАНДРИТА МОИСЕЯ.

20 5/241

Ф8 жб 3-й

ЖИЗНЕОПИСАНІЕ

НАСТОЯТЕЛЯ

КОЗЕЛЬСКОЙ ВВЕДЕНСКОЙ

ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ

Архимандрита Моисея.

Изданіе въ пользу Св. Обители.

МОСКВА.

1882.

50/153 В 10/155

Отъ Московскаго Комитета для цензуры духовныхъ книгъ печатать дозволяется. Московская Духовная Академія. 17 Сентября 1881 года.

Цензоръ Протоіерей *Михаилъ Боголюбскій*.

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА
3536-07
+1 л. портр.
2006283312

Архимандритъ Моїсей

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Девятнадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ какъ скончался О. Архимандритъ Моисей, преобразователь и, можно сказать, основатель Оптиной Пустыни въ ея духовномъ значеніи; мужъ, рѣдкій по своимъ высокимъ качествамъ и добродѣтелямъ. Краткій некрологъ его былъ напечатанъ въ Калужскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ въ 1862 году, *) но полнаго, по возможности, жизнеописанія его до сихъ поръ не существовало.

Посторонній наблюдатель можетъ упрекнуть за это братство Оптиной Пустыни, въ средѣ котораго были и есть люди съ хорошимъ образованіемъ. Почему не занялись они этимъ дѣломъ ранѣе? Зачѣмъ медлили?—Нельзя сказать, чтобы не занимались. Нѣсколько человѣкъ изъ братіи давно уже собирали по немногу матеріалы для жизнеописанія О. Архимандрита Моисея, но дѣло это все не приходило къ желаемой полнотѣ, а потому и къ концу. Послѣднимъ изъ такихъ собирателей былъ іеромонахъ Климентъ Зедергольмъ, три года тому назадъ скончавшійся. Все собранное имъ и другими монахами вошло въ составъ настоящаго

*) См. Прибавл. къ Калуж. Епарх. Вѣдом. 1862 г. № 13-й, 15 іюля.

жизнеописанія, съ большими однако дополненіями и исправленіемъ неточностей.

О. Клименту принадлежитъ и статья о пустынножительствѣ въ Рославльскихъ и Брянскихъ лѣсахъ, помѣщенная въ приложеніи. Кромѣ всего подготовленнаго О. Климентомъ, монахомъ Порфиріемъ Севрюгинымъ, также недавно умершимъ, и сообщеннаго іеромонахомъ О. Евѳиміемъ Труновымъ, который былъ при покойномъ О. Архимандритѣ Моисеѣ письмоводителемъ въ теченіе 31 года и живъ еще доселѣ, матеріалами для біографіи Старца послужили:

Жизнеописаніе О. Игумена Антонія, настоятеля Малоярославецкаго Николаевскаго монастыря. Москва 1870 г.

Сказаніе о жизни и подвигахъ блаженныя памяти Старца Оптиной Пустыни Іеросхимонаха Макарія. Москва 1861 г.

Историческое описаніе Козельской Введенской Оптиной Пустыни. Изданіе третье. Москва 1876 г.

Историческое описаніе Скита во имя Св. Іоанна Предтечи Господня, находящагося при Козельской Введенской Оптиной Пустыни. Изданіе второе. С.-Петербургъ 1862 г.

Архивъ Оптиной Пустыни.

Нѣкоторыя собственноручныя записки и письма О. Архимандрита Моисея къ различнымъ лицамъ и другихъ лицъ къ нему.

Разсказы тѣхъ изъ братіи, которые жили въ его время, были очевидцами его дѣйствій и сами слышали его слова и наставленія.

Брошюра: «Послѣдніе дни жизни Отца Архимандрита Моисея» (извлечено изъ «Церковной Лѣтописи» отъ 6 Октября 1862 года).—

Полагаю, что задачу жизнеописателя добродѣтельнаго мужа составляетъ не обязанность только обрисовать въ общихъ чертахъ прекрасную фигуру его нравственнаго величія, часто недостижимаго для простыхъ смертныхъ, а изобразить, для духовной пользы читающихъ, его вѣрность въ маломъ (Ев. Луки 16, 10), выражавшуюся въ различныхъ случаяхъ жизни, и то какъ онъ, при помощи Божіей, чрезъ этотъ подвигъ въ маломъ, достигалъ постепенно духовно-великаго,—той побѣды надъ страстями души и тѣла, того очищенія сердца, которыя составляютъ цѣль внутренней жизни и дѣятельности христіанина.

Имѣя это въ виду, я старался какъ можно менѣе пускаться въ мои личныя разсужденія, а сопоставлять только факты, приводить по возможности болѣе устныя или письменныя слова самаго О. Архимандрита, чтобы читатель сколь возможно яснѣе видѣлъ передъ собою самаго Старца-подвижника и вѣрнаго раба Христова.

Соотвѣтственно главнѣйшимъ періодамъ

жизни покойнаго О. Архимандрита и біографія его раздѣлена на 4 главы. Послѣдняя изъ нихъ особенно замѣчательна. Это не сказаніе изъ отдаленныхъ временъ. Это картина жизни современнаго намъ духовнаго мужа, не отличавшагося по внѣшности великими подвигами, но всегда понуждавшаго себя, по слову Спасителя (Мат. 11, 12), трудившагося по преимуществу въ вертоградѣ сердца своего, шедшаго твердою ногою по пути заповѣдей Евангельскихъ, понесшаго *„тяготу дне и варъ“* (Мат. 20, 12) и умножившаго данные ему отъ Господа таланты.

Несомнѣнно, что всякій разумно внимательный читатель, ищущій душевной пользы, найдетъ ее въ словахъ и дѣйствіяхъ покойнаго О. Архимандрита Моисея, но особенно настоятельствующіе въ Обителяхъ иноческихъ встрѣтятъ здѣсь, въ поступкахъ покойнаго вождя духовнаго, великій примѣръ и образецъ того, какъ и въ наше грустное время возможно вести себя духовному Пастырю и съ успѣхомъ пасти стадо Христово.—

Архимандритъ Ювеналій *)

16 Іюня 1881 г.
Оптина Пустынь.

---

*) Постриженникъ и бывшій послушникъ О. Архимандрита Моисея въ теченіе десяти съ половиною лѣтъ.

ГЛАВА I.

—

ДѢТСТВО И РАННЯЯ МОЛОДОСТЬ.

(1782 г.—1811 г.)

Въ г. Мологѣ, Ярославской губерніи, на городскомъ кладбищѣ, близь алтаря церкви во имя Всѣхъ Святыхъ стоитъ скромный, осѣненный крестомъ, мраморный памятникъ, на которомъ съ одной стороны такая надпись: „Подъ симъ камнемъ погребено тѣло Московскаго купца Ивана Григорьевича Путилова. Житія его было 57 лѣтъ; скончался 1809 года, января 26-го дня“, а съ другой стороны начертаны имена лицъ, воздвигнувшихъ этотъ памятникъ: „Путилова дѣти: Моисей, Игуменъ Оптиной Пустыни, Исаія, Игуменъ Саровской Пустыни, Антоній, Игуменъ Малоярославецкаго Николаевскаго Монастыря“.

Прочтешь эту надпись и невольно остановишься на ней мыслью. Какое рѣдкое, замѣчательное семейство! Три сына, каждый въ ранней молодости оставилъ міръ, для того чтобы служить Богу, и жизнью строго-подвижническою приготовить себя къ вѣчности. Всѣ трое неуклонно прошли этимъ путемъ; всѣ трое преуспѣли въ добродѣтеляхъ на столько, что каждый изъ нихъ, въ свою очередь, за благочестивую жизнь былъ избранъ въ наставники и руководители другихъ многихъ, и, пася овецъ Христовыхъ, послѣ долголѣтней, плодотворной дѣятельности, святою кончиною запечатлѣлъ свя-

тую жизнь свою. Память каждаго изъ этихъ трехъ братьевъ какъ *память праведнаго — съ похвалами* (Притч. 10, 7). Много ли нынѣ такихъ семействъ?

Отецъ этихъ трехъ Игуменовъ, Иванъ Григорьевичъ Путиловъ, былъ родомъ изъ гражданъ г. Серпухова. Оставшись послѣ своего отца десяти лѣтъ отъ роду, онъ дѣтство свое и молодость провелъ въ большой бѣдности, пропитывая своими трудами и себя и бывшихъ на его попеченіи: мать вдову, сестру и младшаго брата. Сперва работалъ онъ на полотняной фабрикѣ, а потомъ перешелъ на службу по питейнымъ сборамъ, при которыхъ и служилъ въ разныхъ мѣстахъ и въ разныхъ должностяхъ до самой своей кончины. Онъ былъ православный христіанинъ въ истинномъ смыслѣ этого слова: строго соблюдалъ всѣ правила и постановленія Церкви Христовой, усердно посѣщалъ храмъ Божій, любилъ читать Св. Писаніе и другія духовныя книги, и проводилъ жизнь благочестивую въ страхѣ Божіемъ. При томъ Иванъ Григорьевичъ былъ человѣкъ умный, въ обхожденіи со всѣми почтительный и привѣтливый, умѣлъ со всѣми пріятно и кстати говорить, и всѣми былъ любимъ и уважаемъ.

На двадцать третьемъ году своего возраста онъ женился на Аннѣ Ивановнѣ Головиной, дѣвушкѣ, по происхожденію изъ Высотской подмонастырской слободы. Отецъ ея матери, Іоиль, жилъ въ Серпуховскомъ Высотскомъ монастырѣ, былъ тамъ іеродіакономъ и уважаемымъ святымъ Старцемъ, а племянница ея Максимилла Головина была замѣчательною по духовной жизни монахинею въ Московскомъ Вознесенскомъ монастырѣ, гдѣ и скончалась въ глубокой старости. Сама Анна Ивановна была женщина простая, но умная отъ природы; по тогдашнему обычаю грамотѣ не была учена, но была усердна къ молитвѣ, смиренна и очень любила нищую братію Христову и бѣдныхъ людей, и всегда имъ по возможности своей помогала. Во всю тридцатипятилѣтнюю брач-

ную жизнь свою Анна Ивановна была покорною помощницею и безпрекословною послушницею своему мужу.

Вскорѣ послѣ брака они переѣхали на жительство въ г. Воронежъ, гдѣ и прожили года три. Въ теченіе этого времени Иванъ Григорьевичъ удостоился разъ быть въ келліяхъ у великаго Святителя Тихона и принять его благословеніе.

Въ 1777 г. Путиловы возвратились въ Серпуховъ, а потомъ переселились въ Ярославскую губернію, гдѣ и прожили до кончины Ивана Григорьевича. Здѣсь въ Борисоглѣбскѣ 15-го января 1782 года родился у нихъ сынъ, названный Тимоѳеемъ, впослѣдствіи благочестивый и мудрый настоятель Оптиной Пустыни Архимандритъ Моисей. Имя Тимоѳея дано ему было въ честь Св. Апостола Тимоѳея, котораго память празднуется 22-го января. Иванъ Григорьевичъ строго придерживался правила, давать каждому ребенку имя того святаго, котораго память придется въ 8-й день по рожденіи. Въ Борисоглѣбскѣ у Путиловыхъ родились еще четыре сына: Кириллъ, Іона, Василій и Александръ. Была у нихъ еще старшая дочь Анисія, родившаяся въ Серпуховѣ, и еще четверо дѣтей ихъ скончались въ младенчествѣ.

Старшаго сына Тимоѳея, равно какъ и прочихъ дѣтей своихъ, Путиловы воспитывали въ страхѣ Божіемъ и по преданіямъ Святой православной Церкви. Грамотѣ, чтенію, письму училъ ихъ самъ отецъ, по достиженіи каждымъ семилѣтняго возраста, а когда подростали старшіе сыновья, тогда они учили младшихъ братьевъ. Въ училище Иванъ Григорьевичъ дѣтей не отдавалъ, изъ опасенія, чтобы нравственность ихъ тамъ какъ либо не испортилась. Въ отсутствіи отца, за дѣтьми присматривала Анна Ивановна. Она была нѣжная, но и благоразумная мать, и умѣла материнскія ласки соединять съ потребною строгостью.—По праздникамъ и воскресеньямъ Иванъ Григорьевичъ ходилъ въ церковь къ службѣ и сыновей своихъ водилъ съ собою. Они шли обык-

повенно всѣ вмѣстѣ впереди его, не смѣя ни разговаривать, ни оглядываться, и въ церкви также стояли впереди его и молились. Не довольствуясь однимъ хожденіемъ въ церковь, Иванъ Григорьевичъ внушалъ дѣтямъ, чтобы они внимательно слушали церковную службу и особенно чтеніе Евангелія и Апостола, и, пришедши домой, заставлялъ ихъ пересказывать, что они слышали и поняли. Иванъ Григорьевичъ хорошо зналъ церковные напѣвы, имѣлъ пріятный голосъ тенорбасъ, и въ церкви становился на клиросъ и пѣлъ, а съ нимъ стройно пѣли и дѣти. И у себя дома они нерѣдко, особенно въ праздничные дни, пѣвали разные духовные псалмы; а именно: „Хвалу всевышнему Владыкѣ потщися духъ мой возсылать;“ „Іисусе прелюбезный, сердцу сладосте“ и нѣкоторыя другія духовныя и церковныя пѣснопѣнія. Пѣли весьма стройно, такъ что идущіе по улицѣ иногда останавливались послушать пріятное пѣніе. Свѣтскихъ же пѣсней отецъ не позволялъ дѣтямъ пѣть въ своемъ присутствіи.

Иванъ Григорьевичъ былъ очень гостепріимный и радушный хлѣбосолъ. Кто бы передъ обѣдомъ ни посѣтилъ его, всякаго приглашалъ къ обѣду, и съ гостями, при дѣтяхъ, велъ назидательные и поучительные разговоры. Особенно любилъ онъ и уважалъ духовныхъ особъ, которыя чаще другихъ и посѣщали его домъ. Такимъ образомъ дѣти Путилова съ самой ранней молодости много видѣли въ родительскомъ домѣ монашествующихъ лицъ, и много слышали назидательныхъ бесѣдъ.

Младшій сынъ Путиловыхъ Александръ, впослѣдствіи Игуменъ Антоній, оставилъ послѣ себя келейныя записки, *) въ которыхъ содержатся его воспоминанія о родителяхъ и его

---

*) Записки эти (изъ которыхъ мы заимствовали свѣдѣнія о Путиловыхъ и ихъ семейной жизни) напечатаны въ приложеніи къ книгѣ: „Жизнеописаніе Настоятеля Малоярославецкаго Николаевскаго монастыря, Игумена Антонія. Москва 1870 г., стран. 135—174.

младенческомъ и отроческомъ житьѣ бытьѣ. Изъ этихъ любопытныхъ записокъ видно, подъ какими благими впечатлѣніями возрастали дѣти Путиловыхъ, какое духовное настроеніе господствовало въ ихъ семьѣ.

Когда Александру было четыре года, онъ, имѣя необыкновенно тонкій слухъ, каждую ночь просыпался при первомъ ударѣ въ колоколъ къ утрени и будилъ родителей и братьевъ своихъ, говоря: донъ! донъ! Ангелы поютъ. Вставайте молиться.

Единственная дочь Путиловыхъ Анисія, еще въ ранней молодости пожелала поступить въ монастырь къ двоюродной сестрѣ своей монахинѣ Максимиллѣ, но отецъ не согласился. Иванъ Григорьевичъ былъ человѣкъ благочестивый, но конечно имѣлъ и свои недостатки. Какъ глава семейства онъ былъ настойчивъ и привыкъ къ тому, чтобы дѣти во всемъ безпрекословно исполняли его волю. Несогласіе отца на исполненіе благочестиваго желанія дочери имѣло вліяніе и на образъ дѣйствій старшихъ сыновей его Тимоѳея и Іоны, какъ мы увидимъ ниже.

Въ началѣ 1800 года Анисія Ивановна, противъ своего желанія, была выдана замужъ за Пошехонскаго купца Козьму Дементьевича Крундышева; но не долго прожила она въ супружествѣ. Въ 1803 году отъ простуды занемогла и скончалась мирною, христіанскою кончиною, а мужъ ея, на другой же годъ послѣ ея кончины, какъ бы исполняя ея обѣтъ и желаніе, удалился въ Саровскую Пустынь и посвятилъ себя монашеской жизни. Этимъ онъ проложилъ путь въ Саровскую Пустынь и родственникамъ своимъ Тимоѳею и Іонѣ Ивановичамъ, а самъ послѣ долговременной чахотки скончался тамъ въ 1823 году.

Вскорѣ послѣ брака дочери, совершившагося противъ ея воли, дѣла Ивана Григорьевича на время разстроились. Въ августѣ мѣсяцѣ 1800 года хозяинъ почему то отказалъ ему,

а также и двумъ старшимъ сыновьямъ его Тимоѳею и Кириллу отъ должности и Ивану Григорьевичу пришлось ѣхать съ тремя старшими сыновьями въ Москву для пріисканія новыхъ должностей. Послѣ трехъ-мѣсячныхъ хлопотъ ему удалось наконецъ съ сыномъ Кирилломъ найдти мѣсто по питейнымъ сборамъ въ г. Угличѣ Ярославской губерніи, куда онъ и перебрался со всѣмъ семействомъ изъ Романова, а сыновей Тимоѳея и Іону опредѣлилъ въ Москвѣ къ откупщику Карпышеву.

Тимоѳею тогда былъ 19-й годъ отъ роду. До сего времени онъ жилъ въ своей семьѣ, на глазахъ у родителей, а теперь для него началась новая, болѣе самостоятельная и независимая жизнь. Но и на свободѣ, съ 14-и лѣтнимъ братомъ своимъ Іоною, онъ продолжалъ держать себя также благочестиво и богобоязненно, какъ въ родительскомъ домѣ, и своимъ пребываніемъ въ Москвѣ пользовался лишь для того, чтобы свободнѣе удовлетворять своимъ духовнымъ стремленіямъ. Съ ревностью предался онъ здѣсь чтенію духовныхъ и другихъ полезныхъ книгъ. Въ Москвѣ было ему удобнѣе доставать ихъ, нежели въ уѣздномъ городкѣ, гдѣ онъ прежде жилъ. Тимоѳей и во время трудовъ по должности, урывками, въ свободное время любилъ сидѣть за книгою. Когда приходилъ покупатель, онъ оставлялъ свое чтеніе и исполнялъ, что отъ него требовалось, а когда покупатель уходилъ, онъ снова принимался за книгу, такъ что никогда не былъ въ праздности. Такая привычка много помогала ему впослѣдствіи продолжать такимъ же образомъ чтеніе при недосугахъ настоятельской должности.—Тимофей, живя въ Москвѣ, читалъ много и читалъ внимательно: съ молодыхъ лѣтъ онъ привыкъ изъ прочитанныхъ имъ книгъ выписывать все, особенно замѣчательное, для памяти и назиданія своего.

Кромѣ чтенія книгъ душеполезнаго содержанія, духовное настроеніе Тимоѳея и Іоны поддерживалось знакомствомъ и бесѣдами съ замѣчательными духовными лицами.

По какому то особенному случаю имъ пришлось познакомиться съ благочестивою старицею Московскаго Ивановскаго дѣвичьяго монастыря монахинею Досиоеею.

Эта таинственная инокиня, *) по общему мнѣнію, была извѣстная княжна Августа Тараканова, дочь Императрицы Елисаветы Петровны, по повелѣнію Екатерины II, заточенная въ 1785 году въ Ивановскій монастырь, и постриженная въ монашество. Невольная затворница несла возложенный на нее Господомъ не легкій крестъ въ духѣ христіанской вѣры, въ терпѣніи со смиренною покорностью волѣ Божіей и съ упованіемъ на небесныя воздаянія, обѣщанныя въ будущемъ вѣкѣ невиннымъ страдальцамъ.—Жизнь свою монахиня Досиоея проводила въ духовныхъ подвигахъ, и слава о ея добродѣтеляхъ разносилась по Москвѣ. По смерти Императрицы Екатерины II, когда Досиоея стала пользоваться большею свободою, многіе стали приходить къ ея окнамъ и просили ея молитвъ и наставленій; нѣкоторыхъ она допускала и въ свою келлію. Тимоѳей не разъ бывалъ у нея и впослѣдствіи между прочимъ разсказывалъ, что видѣлъ у нея на стѣнѣ келліи акварельный портретъ Императрицы Елисаветы. Отъ этой духовно-мудрой старицы Тимоѳей и Іона получили наставленія, соотвѣтствовавшія тогдашнимъ ихъ потребностяхъ. На сколько они пользовались ея расположеніемъ, можно заключить изъ того, что и по отъѣздѣ изъ Москвы они писали ей и получили въ отвѣтъ письмо, которое помѣщаемъ ниже въ приложеніяхъ. Мать Досиоея, видя въ Тимоѳеѣ и Іонѣ стремленіе къ духовной жизни, направила ихъ въ Ново-Спасскій монастырь къ тамошнему Намѣстнику іеромонаху Александру **) и его духовному другу іеромонаху Филарету.

Кромѣ устнаго разсказа о семъ покойнаго О. Архиман-

*) См. Душеполезное чтеніе 1876 г., декабрь мѣсяцъ, стр. 412—426.

**) Впослѣдствіи архимандриту Арзамасскаго Монастыря.

рита Моисея, есть и письменное объ этотъ свидѣтельство его же. 21-го Марта 1859 года писалъ онъ къ строительницѣ Московскаго Ивановскаго монастыря М. А. Мазуриной между прочимъ слѣдующее: „Извѣстясь, что по промыслу Божію предназначено вашему особенному попеченію возобновленіе бывшаго Ивановскаго монастыря, радуюсь и Бога благодарю. Въ этомъ благотворномъ дѣлѣ для меня ближе всѣхъ душевная радость, потому что жившая въ прежнемъ Ивановскомъ монастырѣ духовно-мудрая старица блаженныя памяти Досиоея послужила мнѣ указаніемъ на избраніе пути жизни монашескаго званія. Она ознакомила меня со старцами Александромъ и Филаретомъ въ Ново-Спасскомъ монастырѣ, гдѣ она и похоронена.“

Старцы эти были весьма замѣчательные подвижники благочестія. Они находились въ духовномъ общеніи съ знаменитымъ Молдавскимъ Архимандритомъ Паисіемъ Величковскимъ; пользовались ученіемъ о внутренней христіанской жизни, содержащимся въ переведенныхъ имъ писаніяхъ Св. Отцевъ подвижниковъ, и сами были исполнены духовныхъ дарованій. Подъ руководствомъ сихъ опытныхъ духовныхъ мужей болѣе и болѣе утверждалось благое направленіе Тимоеся и Іоны. Они давно имѣли желаніе оставить всю суету міра сего, посвятить себя Господу Богу и проводить уединенную монашескую жизнь, но медлили, не видя возможности исполнить это желаніе. Наконецъ, когда зять ихъ Козьма Дементьевичъ Крундышевъ въ ноябрѣ 1804 года поступилъ въ Саровскую Пустынь и извѣстилъ ихъ о своемъ пребываніи тамъ, Тимоеей и Іона, по совѣту О. Александра, рѣшились также отправиться въ эту пустынную Обитель. Но, помня примѣръ несчастной сестры своей Анисіи, и, не надѣясь получить отъ отца своего согласіе на вступленіе въ монастырь, они не сочли нужнымъ открыть ему о своемъ намѣреніи, а написали просто, что они отъ хозяевъ своихъ

отошли за невозможностью у нихъ жить по чрезмѣрной строгости и несправедливости ихъ, и что есть у нихъ на примѣтѣ другой хозяинъ, человѣкъ хорошій и благочестивый, которому они и дали слово поступить къ нему въ услуженіе; но что прежде сего вознамѣрились проѣхаться въ Кіевъ, для поклоненія Святымъ угодникамъ, а оттуда и къ роднымъ побывать.

Въ 1804-мъ году, въ бытность свою въ Москвѣ, Тимоѳей хлопоталъ объ увольненіи отца своего со всѣмъ семействомъ изъ Серпуховскаго купеческаго общества и о приписке его въ Москву, также въ купцы по 3-й гильдіи. Послѣ того какъ это состоялось, въ декабрѣ 1804 года Тимоѳей и Іона, безъ вѣдома отца, взяли паспорты на три года и вмѣсто Кіева отправились въ Саровскую Пустынь. Прибыли они туда 13-го мая 1805-го года и были приняты тамошнимъ настоятелемъ іеромонахомъ Исаіею. Родные полгода не имѣли отъ нихъ никакого извѣстія и сомнѣвались уже, живы ли они. Наконецъ въ ноябрѣ 1805-го года Иванъ Григорьевичъ получилъ отъ нихъ письмо, въ которомъ они просили прощенья въ причиненномъ ему отъ нихъ оскорбленіи, а вмѣстѣ просили и благословенія на вступленіе въ монашество. Иванъ Григорьевичъ, прочитавъ это письмо, весьма разгнѣвался на сыновей своихъ, и не только не далъ имъ благословенія на монашескую жизнь, но и строго приказалъ, чтобы они, ни сколько немедля въ Саровѣ, скорѣе возвратились домой. Но Господь устроилъ все иначе. Не смотря на запрещеніе отца, оба брата остались въ Саровской Пустыни и два съ половиною года не показывались домой.

Между тѣмъ Богъ смирилъ Ивана Григорьевича, посѣтивъ его болѣзнью. Отъ ушиба, а потомъ отъ неудачнаго леченія очень разболѣлась у него правая нога и причиняла ему тяжкія страданія. Въ это самое время, въ концѣ 1807-го года, пріѣхалъ изъ Сарова Тимоѳей мириться съ отцемъ, а вмѣ-

стѣ и просить увольненія въ монашество, ибо срокъ ихъ паспортовъ, самовольно взятыхъ, уже истекалъ. Иванъ Григорьевичъ сначала не соглашался, но въ болѣзни сдѣлался нѣсколько сговорчивѣе. Послѣ долгихъ преній, въ которыхъ и отецъ и сынъ приводили въ защиту свою различные тексты Св. Писанія, Иванъ Григорьевичъ наконецъ убѣдился, что не можетъ поколебать Тимоѳея и рѣшился отпустить его въ монастырь. Младшаго же сына Іону не согласился уволить, говоря: „онъ молодъ, его подговорили. Я самъ хочу видѣть его и поговорить съ нимъ, и родительскою строгостью остановить его отъ этого намѣренія.“ Черезъ полгода въ маѣ 1808 г. Тимоѳей вторично пріѣхалъ изъ Сарова, на этотъ разъ уже съ Іоною. Между тѣмъ болѣзнь Ивана Григорьевича усилилась. Онъ такъ страдалъ отъ боли въ ногахъ, что уже отчаялся въ своей жизни. Особоровался, сталъ со всѣми прощаться, и, собравъ дѣтей своихъ, преподалъ имъ послѣднее родительское благословеніе и наставленіе. Готовясь къ смерти, не хотѣлъ болѣе удерживать Іону отъ вступленія въ монашество, но и тутъ выдержалъ свой характеръ. Самъ не рѣшился отпустить его, а назначивъ сына Кирилла попечителемъ надъ младшими братьями, поручилъ ему и Іону, говоря: „ты, какъ хочешь, можешь его уволить на поступленіе въ монашество и можешь его удержать; мнѣ же теперь не до того.“ Кириллъ на это прямо сказалъ: „если онъ въ сердцѣ своемъ положилъ твердое намѣреніе посвятить себя уединенной, иноческой жизни, то я, съ своей стороны, его отъ сего намѣренія не отвлекаю.“ Тогда уже наконецъ и Иванъ Григорьевичъ благословилъ Іонѣ, которому въ то время былъ 22-й годъ, вступить въ монашество. Послѣ этого Иванъ Григорьевичъ неожиданно сталъ поправляться отъ своей болѣзни, и черезъ нѣкоторое время почти совершенно выздоровѣлъ; но вскорѣ послѣ этого скончался отъ другой болѣзни.

13-го мая 1805 года, какъ мы сказали выше, Тимоѳей и Іона прибыли въ Саровскую Пустынь и были приняты Строителемъ іеромонахомъ Исаіею. Новоначальные послушники сперва потрудились въ хлѣбнѣ, а потомъ проходили и другія послушанія. Тимоѳей Ивановичъ былъ въ кухнѣ, гдѣ, какъ онъ самъ разсказывалъ впослѣдствіи, печь была огромная и повара лазили въ нее, для того чтобы укладывать дрова. Тимоѳею не разъ приходилось исполнять это послушаніе. Проводя по нѣскольку времени въ печи, среди сильнаго тепла, и вылѣзая изъ нея въ большомъ поту, онъ въ кухнѣ остывалъ, отъ чего и простудился. Былъ онъ и трапезнымъ, и какъ-то проговорился впослѣдствіи, что въ одинъ праздникъ хотѣлъ быть неупустительно у службы церковной, но и послушанія своего не могъ оставить, вслѣдствіе чего и пробылъ тогда четырнадцать часовъ на ногахъ. Это также неблагопріятно подѣйствовало на его крѣпкое здоровье, и можетъ быть было одною изъ причинъ, почему онъ не возвратился въ Саровъ. Потомъ Тимоѳей былъ приставленъ ходить за больнымъ Старцемъ Строителемъ Исаіею. Старецъ этотъ, разбитый параличемъ, доживалъ тогда послѣдніе дни своей жизни, окруженный общимъ уваженіемъ. Какъ братія, такъ и всѣ знавшіе его, глубоко почитали его за добродѣтельную, подвижническую жизнь. Митрополитъ Платонъ, Архіепископъ Астраханскій Никифоръ Ѳеотоки, фельдмаршалъ графъ Каменскій и многія другія знатныя особы духовныя и свѣтскія были съ нимъ въ перепискѣ. Тимоѳей, во время болѣзни О. Исаіи, по его порученію и указанію писалъ отвѣты на ихъ письма.

Саровская Пустынь въ то время процвѣтала духовно. Въ ней собралось много замѣчательныхъ духовныхъ лицъ, которыя и словомъ и примѣромъ назидали всѣхъ. Старецъ Серафимъ уже 37 лѣтъ находившійся въ Саровѣ, подвизался тогда въ дальней пустынѣ. Въ нѣкоторомъ разстояніи

отъ него, поближе къ монастырю, жили въ особыхъ келліяхъ: схимонахъ О. Маркъ и знаменитый Валаамскій Игуменъ Назарій, Саровскій постриженикъ, возстановившій Валаамскій монастырь и потомъ возвратившійся въ Саровъ, гдѣ и жилъ на покоѣ въ пустынномъ безмолвіи. Молодые послушники Тимоѳей и Іона пользовались назиданіями Саровскихъ Старцевъ подвижниковъ. Тимоѳей однажды слышалъ отъ Отца Серафима замѣчательное наставленіе: „стоя въ церкви, надобно творить молитву Іисусову; тогда будетъ внятно слышно и церковное богослуженіе“.

Въ первое время своего пребыванія въ Саровѣ Тимоѳей и Іона получали назидательныя письма и отъ первыхъ своихъ Московскихъ наставниковъ—О. Александра Ново-Спасскаго и Старицы Досиѳеи. *)

Іона навсегда остался въ Саровской Пустыни, принялъ тамъ монашескій образъ съ именемъ Исаіи; впослѣдствіи былъ тамъ монастырскимъ казначеемъ въ теченіе двадцати лѣтъ, а потомъ съ 1842 года и Настоятелемъ. Скончался въ 1860-мъ году въ санѣ Игумена. Тимоѳей же въ 1808 году отправился въ Москву для перемѣны увольнительнаго свидѣтельства, оказавшагося недостаточнымъ для форменнаго поступленія въ монастырь и потомъ уже не возвратился въ Саровъ. Почему Тимоѳей не остался въ Саровской Пустыни? Не знаемъ этого на вѣрно, но думаемъ—потому, что познакомившись въ ранней молодости съ духовными лицами, проводившими уединенную жизнь, онъ стремился къ такой жизни, предполагая, что въ ней будетъ дальше отъ грѣха, какъ самъ онъ выразился въ письмѣ своемъ къ Старцу Саровской Пустыни Иларіону. Въ этомъ же письмѣ онъ говоритъ: что

*) Письма эти помѣщаемъ въ приложеніяхъ. Письмо М. Досиѳеи, таинственное, какъ и она сама, замѣчательно, какъ единственное (сколько намъ извѣстно) сохранившееся письмо этой необыкновенной инокини.

„удалился изъ Сарова по недовѣдомымъ мнѣ судьбамъ“. Такъ или иначе, но намъ извѣстно, что познакомившись въ Москвѣ въ 1808 году съ ученикомъ Аѳонскаго Старца Василія Кишкина, Казначеемъ Брянскаго Свѣнскаго монастыря О. Серафимомъ, Тимоѳей, по его приглашенію и по совѣту О Александра Ново-Спасскаго, рѣшился отправиться въ Свѣнскій монастырь.

Брянскій Свѣнскій Успенскій монастырь, Орловской епархіи, приведенный въ благоустроенное состояніе трудами Игумена Амвросія II, скончавшагося въ 1833 году, и Архимандрита Смарагда (1842—1859), до 1810-го года управлялся большею частью Префектами Орловской Духовной Семинаріи, находившейся въ г. Свѣнскѣ, и особеннымъ благоустройствомъ не славился. Но Казначей, управлявшій монастыремъ за отсутствіемъ Настоятеля, О. Серафимъ былъ мужъ духовный, внимательный ученикъ опытнаго во внутренней жизни Старца Василія Кишкина. Около О. Серафима собралось въ Свѣнской Обители еще нѣсколько замѣчательныхъ подвижниковъ: Аѳонскій постриженикъ схимникъ Аѳанасій, изъ сенатскихъ секретарей, долго подвизавшійся на Св. Аѳонской горѣ и въ Молдавіи въ Обители Архимандрита Паисія Величковскаго; іеромонахъ Аѳанасій, бывшій духовникъ Оптиной Пустыни; іеродіаконъ Анастасій, ученикъ Старца Василія Кишкина; монахъ Варѳоломей изъ молдавскаго Нямецкаго монастыря; О. Арсеній пустынникъ, временно жившій въ Свѣнскомъ монастырѣ, и другой схимникъ Аѳанасій Захаровъ, ученикъ и постриженикъ Архимандрита Паисія Величковскаго.

Общество этихъ старцевъ вѣроятно и привлекло Тимоѳея въ Свѣнскій монастырь.

Кромѣ того, вблизи отъ этой Обители, въ Брянскихъ и Рославльскихъ лѣсахъ подвизались въ то время многіе пустынолюбивые иноки, и нѣкоторые изъ нихъ принадлежали къ

Свѣнскому братству. Такъ, упомянутый инокъ Арсеній, то трудился въ послушаніяхъ въ Свѣнской Обители, то удалялся на безмолвіе въ Рославльскіе пустынные лѣса. Также и іеромонахъ Аѳанасій, переведенный въ Свѣнскій монастырь изъ Бѣлобережской Пустыни въ 1806-мъ году, весною 1807-го года ушелъ въ Рославльскій лѣсъ на всегдашнее пустынножительство, а для свободнаго проживанія тамъ получалъ впослѣдствіи каждогодно билетъ отъ Свѣнскаго Настоятеля. Съ большею вѣроятностію можно предположить, что Тимоѳей поступилъ въ Свѣнскій монастырь, въ надеждѣ получить тамъ монашеское постриженіе и перейдти потомъ на давно желанное безмолвіе въ сосѣднихъ Рославльскихъ лѣсахъ.

3-го августа 1809 года Тимоѳей Ивановичъ Путиловъ по указу Орловской Духовной Консисторіи опредѣленъ въ Свѣнскій монастырь въ число послушниковъ. Проходилъ онъ послушаніе пономарское, занимался также монастырскимъ письмоводствомъ и читалъ въ церкви каноны и прочее во время богослуженія. Изъ жизни его въ Свѣнскомъ монастырѣ сохранился въ памяти Оптинской братіи только одинъ разсказъ О. Архимандрита Моисея о самомъ себѣ. Разъ, говорилъ онъ, живши въ Свѣнскомъ монастырѣ, пошелъ я за водою и возвращался съ полнымъ кувшиномъ. Въ воротахъ монастыря встрѣтился со мною Игуменъ и, увидавъ воду говоритъ: что, братъ Тимоѳей, вѣрно для чаю? Я съ удивленіемъ ему отвѣтилъ: нѣтъ, Батюшка, я еще имъ не заводился.— А, не заводился, такъ заведись. Да знаешь ли ты о чемъ я говорю? „Чаю воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка“—вотъ чѣмъ заведись.— Эти послѣднія слова Свѣнскаго Игумена О. Архимандритъ Моисей часто знаменательно повторялъ своей братіи въ Оптиной пустыни. — Такъ же разсказывалъ О. Архимандритъ, что одинъ старецъ разъ спросилъ его, когда онъ былъ еще Тимоѳеемъ: „знаешь ли ты грамотѣ? А я говорю: знаю, да и думаю про себя не читать

только умѣю, а и писать хорошо пишу. Ну скажи же мнѣ, что значитъ *азъ*? Я и замялся, и не зналъ, что ему отвѣтить. Ну такъ я тебѣ скажу, продолжалъ Старецъ. *) Азъ Адамля естества сый, тебѣ Адамля естества обоего пола совѣтую: смиренъ буди. Вотъ что значитъ азъ.

Въ 1810 г. Игуменъ Амвросій II представилъ послушника Тимоѳея къ постриженію въ монашество, но тутъ встрѣтились нѣкоторыя формальныя препятствія. Св. Синодъ обратилъ вниманіе на то, что Тимоѳей не прошелъ трехлѣтняго монастырскаго искуса, безъ котораго не дозволяется постригать въ монашество. Хотя Тимоѳей и жилъ въ Саровской пустыни около трехъ лѣтъ, но въ Свѣнскомъ монастырѣ находился только съ 1809 года, а по закону при переходѣ изъ одной Обители въ другую трехлѣтнее испытаніе начинается снова. Кромѣ того и увольнительное свидѣтельство Тимоѳеево оказалось недостаточнымъ. За Тимоѳея, при увольненіи его изъ Московскаго купеческаго Общества, обѣщался вносить повинности родственникъ его Московскій купецъ Н. А. Самгинъ, а по законамъ, отвѣтственность за исправный платежъ государственныхъ повинностей, вмѣсто увольняемаго, должно принять на себя все общество. По этимъ причинамъ Св. Синодъ указомъ отъ 8-го марта 1810 года опредѣлилъ: въ постриженіи послушника Тимоѳея Путилова въ монашество отказать.

Такъ не сбылись надежды Тимоѳея. Ему пришлось опять ѣхать въ Москву, брать новое увольнительное свидѣтельство. Но получивъ его, 16-го марта 1811 года, онъ не возвратился болѣе въ Свѣнскій монастырь, а расположился (какъ сказано въ собственноручной запискѣ О. Архимандрита Моисея, най-

---

*) См. Сочиненія Св. Дмитрія Ростовскаго. Часть 1-я: Алфавитъ духовный.

денной въ его бумагахъ, послѣ его кончины) *) испытать себя по первоначальному желанію своему въ пустынномъ уединеніи. По совѣту іеросхимонаха Алексія (Адріана), жившаго тогда въ Московскомъ Симоновомъ монастырѣ, Тимоѳей и отправился къ Рославльскимъ пустынножителямъ, о безмолвномъ пребываніи которыхъ онъ много слышалъ въ бытность свою въ Свѣнской Обители.

*) См. Приложенія.

ГЛАВА II.

ПРЕБЫВАНІЕ ВЪ РОСЛАВЛЬСКИХЪ ЛѢСАХЪ.

(1811 г.—1821 г.)

Прибывъ въ Рославльскіе лѣса, Тимоѳей помѣстился у старшаго изъ пустынножителей Іеросхимонаха Аѳанасія. Старецъ этотъ былъ Московскій уроженецъ, изъ канцелярскихъ чиновниковъ, постриженикъ Оптиной пустыни. Онъ принадлежалъ къ числу 12 человѣкъ, которые были отпущены Пѣсношскимъ Настоятелемъ старцемъ Макаріемъ, вмѣстѣ съ ученикомъ его О. Авраамiемъ, для возстановленія пустынной обители Оптиной, и въ 1796 году принялъ въ ней постриженіе, былъ посвященъ въ іеромонаха и сдѣланъ духовникомъ. Горя желаніемъ безмолвной жизни, онъ собрался было на Аѳонъ и уже получилъ увольненіе, но, услыша объ русскихъ пустынножителяхъ въ Рославльскихъ лѣсахъ, пришелъ туда и поселился между ними около 1805 года. Онъ прожилъ здѣсь безвыходно болѣе 20 лѣтъ, храня до смерти духовное трезвѣніе и имѣя даръ умной молитвы. Подъ его то руководствомъ Тимоѳей провелъ 10 лѣтъ въ лѣсной глуши и имъ былъ келейно постриженъ въ монашескій образъ, при чемъ нареченъ Моисеемъ. Воспріемнымъ его отцемъ отъ Евангелія былъ другой пустынный старецъ, О. Досиѳей, постриженикъ Площанскій, проживший болѣе сорока лѣтъ въ Рославльскихъ лѣсахъ.

Кромѣ названныхъ старцевъ, въ то время подвизались здѣсь до 6-ти пустынниковъ. Вотъ какъ впослѣдствіи О. Архимандритъ Моисей разсказывалъ о своемъ пребываніи съ ними:

„Когда я пришелъ въ Рославльскіе лѣса, тамошніе пустынники жили въ трехъ келліяхъ: въ одной іеросхимонахъ О. Аѳанасій, отъ него въ верстѣ О. Досиѳей, а въ верстѣ отъ него О. Дороѳей, который впослѣдствіи (послѣ 1812 года) переселился ближе къ намъ, поставивъ себѣ келлію отъ нашей саженяхъ въ пятидесяти. Поселясь съ О. Аѳанасіемъ, я построилъ для него и для себя новую келлію; это былъ первый опытъ моего зодчества. Келлія имѣла шесть аршинъ въ квадратѣ, съ крыльцемъ, подъ навѣсомъ; прихожая въ два аршина длины и два ширины, далѣе квадратная комната въ четыре аршина въ длину и ширину, ибо отъ нея была отгорожена перегородкою спальня, шириной также какъ и прихожая, въ два аршина; между прихожей и спальней въ углу находилась печка, которою нагрѣвалась вся келлія.

„Мѣсто, въ которомъ мы жили, принадлежало къ дачамъ Рославльскаго помѣщика Демьяна Михайловича Броневскаго. Сельцо его Якимовское находилось отъ насъ верстахъ въ пяти; а верстахъ въ тридцати было другое сельцо Межево, владѣльцы котораго, Тантыкины, были нашими благотворителями, особенно мать этого семейства, урожденная Княжна Сонцева,—старица благочестивой жизни.

„Отъ Межева верстахъ въ двѣнадцати находилось торговое мѣстечко Лагредино, также Рославльскаго уѣзда; отъ города же Рославля наше пребываніе было верстахъ въ сорока.

„Подъ самою нашею келліею протекала лѣсная рѣчка Болдачевка, а въ полутора верстахъ впадала въ нее рѣчка Фроловка. На берегу ея былъ колодезь; въ рѣчкѣ этой важивалась и рыбка. Бывало перегородимъ ее сѣжею и нерётки ставимъ. Однажды, какъ помню, на праздникъ Бого-

явленія, освятивши въ рѣчкѣ воду, мы пропѣли тропарь Св. Богоявленія: „во Іорданѣ крещающуся Тебѣ Господи“, и вынувъ нерётки, нашли въ нихъ шесть налимовъ, которые и приняли, какъ Божій даръ на праздникъ.

„Всю церковную службу мы правили каждодневно у себя въ келліи, начиная съ двѣнадцати часовъ ночи, полунощницу и утреню; послѣ утрени, черезъ часъ, соборный акаѳистъ Божіей Матери; послѣ акаѳиста, часа черезъ два, часы съ изобразительными, и наконецъ вечерню часовъ въ пять вечера. Въ воскресные и праздничные дни приходили къ службѣ ближайшіе старцы: О. Досиѳей, О. Дороѳей, а иногда кто-либо изъ другихъ Рославльскихъ пустынниковъ, жившихъ въ бо́льшемъ разстояніи отъ насъ. Отправя вмѣстѣ службу, пообѣдаемъ, что Богъ послалъ, и разойдемся до слѣдующаго праздника.

„На Пасху же и на Рождество и въ другіе нарочитые праздники, приходилъ изъ ближайшаго села Луговъ (верстахъ въ 7) старецъ священникъ и пріобщалъ насъ запасными дарами, дабы и мы не были лишены сего духовнаго утѣшенія.

„Въ свободное отъ молитвенныхъ правилъ время занимались рукодѣліемъ, кто какое умѣлъ: писали полу-уставомъ отеческія книги, занимались огородомъ, на которомъ, впрочемъ, по неблагопріятной почвѣ, не родилось другихъ овощей, кромѣ рѣпы. Лѣтомъ собирали грибы, ягоды и усердствовали благодѣтелямъ, а отъ нихъ получали печеный хлѣбъ, крупу, а иногда и бутылочку масла, для приправы пустынной трапезы. А когда случится недостатокъ, питались и сухояденіемъ, дорожа всего болѣе духовной свободой и безмолвіемъ. Волки постоянно выли около насъ, въ продолженіе цѣлой зимы; но мы уже привыкли къ ихъ вою, какъ бы къ вою вѣтра; а медвѣди иногда обижали насъ, расхищая наши огороды. Мы ихъ видали весьма близко и часто слышали, какъ они ломали по лѣсу деревья, но никогда они

насъ не трогали и мы жили съ ними въ мирѣ. И отъ разбойниковъ помиловалъ насъ Богъ, хотя и часто слышали, что они бродятъ у насъ въ околоткѣ. Впрочемъ насъ не легко было найдти, да и нѣчѣмъ было имъ у насъ поживиться. Однажды только, Божіимъ попущеніемъ, случилось искушеніе. Какъ теперь помню, это было 23-го ноября 1814 года, поздно вечеромъ. Старецъ мой О. Аѳанасій отдыхалъ, а я переписывалъ святцы, такъ какъ письмо, по уставу, было обычнымъ моимъ занятіемъ, и только что началъ писать молитву къ Божіей Матери: „подъ Твое благоутробіе прибѣгаемъ, Богородице, моленія наша не презри во обстояніихъ“, кто-то постучался въ дверь,—то были разбойники. Они, обобравши келлію бывшаго въ отлучкѣ О. Дороѳея, пришли втроемъ къ намъ. Не снимая крючка, я сталъ спрашивать: „кто тамъ“?—„Да вотъ работники въ лѣсу заблудились; нѣтъ ли вблизи селенія?“ И такъ вопросъ за вопросомъ; я со свѣчей въ рукахъ полу-отворилъ дверь и увидѣлъ неизвѣстнаго человѣка; онъ продолжалъ разговоръ со мною, снявъ шапку. „Ты говоришь—мы, а гдѣ же другіе? „спросилъ я. Въ это время изъ-за крыльца показался его товарищъ въ шапкѣ, на котораго первый тотчасъ прикрикнулъ: „сними шапку-то“! А издали приближался и третій съ рогатиною. Старецъ, услышавъ длившійся разговоръ, взглянулъ за дверь, и въ то же время получилъ тяжелый ударъ въ бокъ по рукѣ съ словами: „его-то намъ и надобно!“ Заслонивъ собою Старца, я силился припереть наружную дверь, но подпорка попала между дверью и стѣною, и насъ бы конечно убили, если бы, по счастью, не случился на тотъ разъ въ нашей келліи молодой здоровый крестьянинъ, который принесъ намъ пищу изъ селенія, и остался за ночнымъ временемъ. Проснувшись на шумъ, онъ схватилъ топоръ, и еще со сна закричалъ: „много ли ихъ тутъ? всѣхъ перебью“. Разбойники, подумавъ, что насъ много въ келліи, разбѣжались, оставивъ Старца

еле-жива, и долго болѣлъ онъ отъ полученнаго удара. Матерь Божія видимо спасла насъ. Кромѣ же сего случая, другихъ, въ продолженіе десяти лѣтъ нашего пустынножительства, благодаря Бога, не было.*) Но страшнѣе разбойниковъ бывали для насъ порывистыя бури, ломавшія вѣковыя деревья и грозившія задавить насъ. Однажды обрушилось огромное дерево подлѣ самой нашей келліи съ такимъ трескомъ, что я уже думалъ,—вотъ настала послѣдняя минута; но и тутъ

---

*) Однажды только угрожала имъ другаго рода опасность, которую отъ нихъ отвратилъ Промыслъ Божій. Рославльскій исправникъ, провѣдавъ, что въ лѣсу живутъ „богатые Московскіе купцы" (такъ называли О. Моисея съ братомъ) вздумалъ отправиться къ нимъ освидѣтельствовать, исправны ли ихъ бумаги и не раскольники ли они? и т. д. Узнали пустынники, что готовится имъ напасть. Что дѣлать? бѣжать некуда: рѣшились остаться на мѣстѣ и предаться промыслу Божію: И что же? Исправникъ цѣлый день проѣздилъ около нихъ, и не могъ найдти ихъ келліи, хотя съ разныхъ сторонъ весьма близко подъѣзжалъ къ нимъ; покрылъ Господь своихъ угодниковъ. Но вмѣсто О. Моисея исправникъ отыскалъ вышеупомянутаго О. Досиѳея и товарища его, которыхъ взялъ подъ стражу. Товарища Досиѳеева, имѣвшаго исправный паспортъ, вскорѣ отпустили. И у О. Досиѳея было вѣчное увольненіе, но оно отъ ветхости на сгибахъ разорвалось; Старецъ залѣпилъ его водою съ мукою, а тараканы обточили бумагу. Его посадили въ острогъ, гдѣ продержали три года. Сначала О. Досиѳей терпѣливо переносилъ постигшую его участь, потомъ сталъ малодушествовать, и подумалъ: „неужели грѣхи мои такъ велики, что я долженъ сидѣть и слушать рѣчи воровъ и разбойниковъ?" Тогда явился ему во снѣ нѣкій мужъ сѣдовласый и сказалъ ему: „Посиди здѣсь еще, тебѣ выстроены каменныя палаты, но они еще не оштукатурены; а вотъ какъ ты здѣсь посидишь, онѣ совсѣмъ готовы будутъ." Возрадовался О. Досиѳей и готовъ былъ по смерть свою остаться въ острогѣ. Вскорѣ узналъ о немъ Преосвященный Смоленскій, написалъ губернатору: О. Досиѳей былъ тотчасъ выпущенъ; проживъ на старомъ мѣстѣ нѣсколько лѣтъ онъ переселился во вновь устроенный его ученикомъ О. Моисеемъ скитъ Оптиной пустыни, гдѣ и скончался. (См. Ист. Описаніе Скита Опт. Пуст., изд. 2-е, стр. 91) Замѣчательно, что исправникъ искалъ О. Моисея, и нашелъ О. Досиѳея 31 Декабря 18** года; а въ новый годъ проигралъ все состояніе свое до нитки: не прошло сутокъ, и уже постигло его наказаніе Божіе, не напрасно сказано: *„не прикасайтеся помазанныхъ моихъ, и во пророцѣхъ моихъ не лукавнуйте"*. (Псал: 104, 15).

помиловалъ насъ Господь,—оно лишь вѣтвями задѣло крышу. Но страшенъ и самый ревъ бури въ вѣковомъ бору, когда она ходитъ по немъ и, какъ трости, ломаетъ то, что росло цѣлыя столѣтія. Невольно вспоминались тогда слова Псалмопѣвца: *„гласъ Господа, стрясающаго пустыни, и стрясетъ Господь пустыню Каддійскую.“* (Псал. 28, 8)

„Въ 1812 году страхъ нашествія французовъ понудилъ насъ оставить любезную пустыню. Я уѣхалъ въ Свѣнскъ, куда прибылъ 10-го августа, вслѣдъ за Преосвященнымъ Серафимомъ (бывшимъ впослѣдствіи Митрополитомъ С.-Петербургскимъ), ѣхавшимъ тогда изъ Минска. Вмѣстѣ съ возвращавшимся къ вечеру крестнымъ ходомъ вокругъ обители, мы вошли въ соборъ. Іеродіаконъ возгласилъ многолѣтіе Царской Фамиліи, а Настоятель О. Игуменъ Амвросій, замѣтивъ за столпомъ духовную особу со звѣздой на груди, самъ возгласилъ: „и о здравіи Преосвященнаго Владыки, здѣ присутствующаго.“ Онъ пробылъ въ Свѣнской обители около двухъ недѣль.

„Не много поживя въ Свѣнскѣ, я по приглашенію О. Серафима (бывшаго Свѣнскаго Казначея, а въ то время уже Настоятеля Бѣлобережской пустыни) переѣхалъ на жительство къ нему. Онъ сперва далъ мнѣ уединенную келлію за монастыремъ въ лѣсу, въ которой не задолго передъ тѣмъ (въ 1808 г.) добрымъ подвигомъ подвизались, въ пустынномъ безмолвіи, три Старца духовной жизни: бывшій строитель сей пустыни О. Леонидъ; его спостникъ схимонахъ О. Ѳеодоръ и іеросхимонахъ Клеопа*). А потомъ я перешелъ въ

*) Духовное безмолвіе этихъ Старцевъ вскорѣ стало нарушаться здѣсь молвою отъ многихъ посѣтителей и потому они, единъ по единому, перешли на жительство въ Скитъ Валаамской обители, гдѣ также прожили только около шести лѣтъ. Іеросхимонахъ Клеопа (изъ малороссіанъ, уроженецъ города Глухова) скончался тамъ въ 1816 г. Схимонахъ Ѳеодоръ почилъ о Господѣ на рукахъ О. Леонида въ Александро-

монастырь, гдѣ ходилъ за добродѣтельнымъ Старцемъ схимонахомъ Аѳанасіемъ (ученикомъ Молдавскаго Старца Паисія), скончавшимъ дни свои въ Площанской пустыни въ 1823 году на рукахъ іеромонаха Макарія*). Потомъ, когда миновался страхъ нашествія, я возвратился опять въ свою любезную Рославльскую пустыню, гдѣ и прожилъ еще восемь лѣтъ."

„Въ 1816 году (въ годъ поступленія брата моего Александра къ намъ въ пустынножительство) мы отправились съ нимъ на богомолье въ Кіевъ. Намъ сопутствовалъ нѣкто странникъ О. Павелъ, знавшій хорошо всѣ святыя русскія мѣста. Мы прибыли въ Кіевъ 4-го сентября, а 7-го пріѣхалъ туда Государь Императоръ Александръ Павловичъ. Онъ изволилъ слушать обѣдню въ пещерахъ; никого изъ постороннихъ не пускали; но мы, благодаря ходатайству всѣхъ знающаго и всѣми знаемаго проводника нашего, были допущены. Государь самъ подпѣвалъ пѣвчимъ и внималъ Божественной службѣ съ чувствомъ сердечнаго умиленія, выражавшагося слезами. Встрѣчалъ Императора, по чиноположенію, Митрополитъ Серапіонъ. Государь милостиво принялъ поднесенныя иконы. Когда мы пришли къ Митрополиту просить его напутственнаго благословенія, Старецъ удержалъ насъ еще на сутки, ибо намѣревался на другой день самъ служить литургію въ пещерахъ, и далъ намъ на благословеніе одинъ изъ большихъ, нарочито приготовленныхъ для Государя благословенныхъ хлѣбовъ, сказавъ: „это вамъ на благословеніе, и всѣмъ пустынножителямъ раздѣлите"! Были мы также обласканы и Намѣстникомъ Лавры, тогда еще іеромонахомъ Ан-

---

Свирскомъ монастырѣ въ 1822 г., въ вечеръ свѣтлаго пятка (7 Апрѣля), а іеросхимонахъ Леонидъ переселился въ 1829 г. съ 5-ю учениками въ скитъ Оптиной пустыни. См. о немъ ниже.

*) Старецъ іеромонахъ Макарій Ивановъ перешелъ изъ Площанской пустыни въ Оптину для жизни вмѣстѣ съ О. Леонидомъ въ 1834 году. См. ниже.

тоніемъ, скончавшимся въ санѣ Архіепископа Воронежскаго. Ѣхали обратно на Сафроніеву пустынь, гдѣ были знакомы намъ Старцы: Настоятель Игуменъ Варлаамъ, Казначей Германъ, Духовникъ Симеонъ,—всѣ изъ учениковъ О. Архимандрита Ѳеодосія, ученика мудраго Старца Василія Поляномерульскаго, котораго ученикомъ и постриженикомъ былъ и Старецъ Паисій Величковскій.

„Вмѣстѣ съ нами изъ Кіева выѣхалъ іеромонахъ Исаакій, по приглашенію коего заѣхали въ единовѣрческій Максаковскій монастырь, гдѣ онъ и остался на время *). Далѣе посѣтили Глинскую пустынь (Курской губерніи), гдѣ тогда жилъ О. Василій Кишкинъ, бывшій Бѣлобережскій Строитель; онъ принялъ насъ съ любовью и приглашалъ остаться здѣсь навсегда. Заѣзжали и въ Площанскую пустынь, гдѣ въ первый разъ видѣли О. Макарія, тогда еще бывшаго въ санѣ іеродіакона, а въ проѣздъ чрезъ Орелъ видѣли извѣстнаго Старца, Игумена Филарета, Настоятеля Глинской пустыни; наконецъ черезъ Бѣлые берега и Свѣнскій монастырь возвратились въ свое пустынное пребываніе.

„Въ 1819 году ѣздили вдвоемъ съ братомъ въ Оптину пустынь на одной лошадкѣ. При чемъ познакомились съ тамошними старцами іеросхимонахомъ Іеремією (духовникомъ обители), О. Ѳеофаномъ и ученикомъ его Варлаамомъ (въ схимѣ Вассіаномъ).

„Впрочемъ О. Ѳеофана мы уже знали: онъ еще прежде приходилъ къ намъ въ пустыню погостить, а въ этотъ разъ сказалъ, что придетъ провести весь великій постъ у насъ. Мы сказали: „добро пожаловать, милости просимъ“. О. Ѳе-

*) Сей маститый старецъ въ 1836 году перешелъ изъ Александро-Невской Лавры въ скитъ Оптиной пустыни, гдѣ принялъ схиму съ именемъ Іоанна; окончилъ жизнь свою въ 1849 г. Онъ извѣстенъ своими сочиненіями по части раскола.

офанъ, уроженецъ Владимірскій, былъ на службѣ Черноморскаго казацкаго войска; до постриженія именовался „казакъ Ѳеодоръ Талунинъ“. Жилъ первоначально въ Софроніевой пустыни, а потомъ ушелъ въ Молдавію, гдѣ пребывалъ у Старца Паисія, а по кончинѣ его возвратился въ Россію и поступилъ въ братство Оптиной пустыни въ 1800 году.

„Въ крайнемъ нестяжаніи и кротости духа, дѣятельную добродѣтель поста, молитвы и поклоновъ онъ проходилъ съ горячею ревностью. Въ продолженіе первой и послѣдней седьмицы великаго поста не вкушалъ ничего; въ прочіе посты принималъ пищу на третій день. Такъ приготовляясь постепенно, онъ, по ревности къ подвигамъ постническимъ, рѣшился наконецъ вступить въ великую мѣру вышесестественнаго подвига.

„Придя къ намъ въ пустыню передъ началомъ св. великаго поста (1819 года), онъ объявилъ мнѣ, что намѣренъ провести всю св. четыредесятницу безъ пищи: „я вѣрую, говорилъ онъ, что не умру отъ поста.—„Буди по вѣрѣ твоей“, отвѣчалъ я, не смѣя ни отклонять его отъ сего намѣренія, ни утверждать въ ономъ. Ѳеофанъ помѣстился у насъ въ прихожей; онъ носилъ съ собою написанный на полотнѣ образъ Распятія Господня, предъ которымъ совершалъ свое молитвенное правило. И такъ, вступя въ сей чрезмѣрный подвигъ, О. Ѳеофанъ положилъ не употреблять пищи и не ложиться спать. Сверхъ обычной вседневной службы, исправлялъ келейное правило, и правило его было большое — до 800 поклоновъ; онъ во время сего правила, чтобы не упасть отъ изнеможенія, надѣвалъ особые нарукавники, привязанные шнурами къ крючьямъ, на которыхъ висѣла на стѣнѣ икона и такъ простаивалъ на молитвѣ цѣлыя ночи. Сверхъ того самъ топилъ печку, помогалъ намъ пѣть и постоянно видѣнъ былъ бодрымъ. Во весь постъ онъ не вкусилъ ничего и только однажды въ недѣлю употреблялъ воду, смѣ-

шанную съ уксусомъ, отъ сухости во рту. Въ одно время, замѣтивъ его въ истощаніи, я сказалъ ему: „отче, ты очень изнурилъ себя“. Ѳеофанъ отвѣчалъ на это: „нѣтъ, Христосъ Спаситель излилъ всю свою кровь до послѣдней капли, а во мнѣ еще много найдется крови“. Выдержавъ съ Божіею помощью сей подвигъ неослабно, онъ пріобщился Святыхъ Христовыхъ Таинъ. Впослѣдствіи, онъ ревновалъ паки на тотъ же подвигъ, но отъ простуды заболѣлъ жестокимъ кашлемъ, и, постоянно оскудѣвая въ тѣлесныхъ силахъ, отошелъ ко Господу 15-го іюня того же 1819 года. За нѣсколько минутъ до кончины, я спросилъ его: „покойна ли твоя душа, не страшится ли чего въ часѣ смертномъ“?—Онъ отвѣчалъ: „я съ радостію желаю разрѣшиться отъ жизни сей“. И тутъ же сталъ кончаться; занесъ руку для крестнаго знаменія и предалъ духъ свой въ руцѣ Божіи.—Погребенъ въ пустынѣ“.

Такъ закончилъ разсказъ свой о пустынной жизни О. Архимандритъ Моисей. Сказаніе его было тогдаже записано съ его словъ однимъ іеромонахомъ и въ первый разъ напечатано въ Домашней Бесѣдѣ въ 1862 г.—Возвращаясь мысленно къ этой жизни старцевъ въ лѣсу, нельзя не признать, что главнѣйшими событіями въ теченіе ея были: постриженіе О. Моисея въ монашество и прибытіе къ нему младшаго брата его Александра, для водворенія съ нимъ на всегдашнее жительство. Александръ самъ стремился въ монастырь и думалъ помѣститься въ Саровскую пустынь, но, получивъ въ одномъ изъ писемъ къ нему О. Моисея приглашеніе пріѣхать къ нимъ въ пустыню, послѣдовалъ этому приглашенію и пріѣхалъ въ Рославльскій лѣсъ 15-го января 1816 года. Тотчасъ же одѣли его въ послушническое платье, а послѣ четырехъ-лѣтняго искуса, 2-го февраля 1820 года, іеросхимонахъ Аѳанасій постригъ Александра келейно въ монашество, назвалъ Антоніемъ и поручилъ его О. Моисею, совѣтами

котораго Александръ и прежде руководился; но теперь былъ уже преданъ ему какъ воспріемному отцу отъ Евангелія и во всю жизнь хранилъ къ нему великое благоговѣйное послушаніе. Самъ же О. Моисей, какъ мы видѣли, былъ постриженъ въ монашескій образъ также келейно, тѣмъ же старцемъ Аѳанасіемъ и порученъ имъ отъ мантіи другому пустынножителю О. Досиѳею. Обоихъ этихъ Старцевъ О. Моисей весьма почиталъ и въ письмѣ своемъ къ брату Антонію изъ Москвы отъ 15-го декабря 1820 года выразился такъ: „Батюшкамъ моимъ О. Аѳанасію и О. Досиѳею нижайше кланяюсь и прошу ихъ благословенія и св. молитвъ". Въ другой собственноручной запискѣ *) О. Моисея, о которой мы упомянули выше, сохранились такія строки: Въ 1811 г., получа 16 марта новое свидѣтельство (увольнительное отъ купеческаго общества), по совѣту іеросхимонаха Алексія Симоновскаго расположился я испытать себя по первоначальному желанію своему въ пустынномъ уединеніи, отдѣльно отъ монастыря, и, слыша о Старцѣ іеросхимонахѣ Аѳанасіи, живущемъ Смоленской губерніи, Рославльской округи въ лѣсной дачѣ помѣщика Броневскаго Демьяна Михайловича, прибылъ туда и былъ онымъ Старцемъ помѣщенъ въ сожительство съ ними". — Сопоставляя эту записку съ уцѣлѣвшимъ въ бумагахъ О. Моисея черновымъ письмомъ его, неизвѣстно кому и когда писаннымъ, но судя по твердости почерка и качеству бумаги, относящемуся скорѣе всего ко времени его пребыванія въ Рославльскомъ лѣсу, приходимъ къ заключенію, что не случайно, а вслѣдствіе душевной потребности избралъ О. Моисей своимъ Старцемъ О. Аѳанасія. Вотъ это замѣчательное письмо О. Моисея:

„Можетъ быть падетъ на тебя жребій ѣхать въ С.Пб. къ Настоятелю, въ чемъ ни малаго не покажи прекословія, если

---

*) См. Приложенія.

хочешь быть въ благополучіи. Возьми въ примѣръ собственное мое искуство; въ какихъ я бѣдствіяхъ былъ, слѣдуя своей волѣ! Почему, какъ любезному другу тебѣ накрѣпко подтверждаю и принять за заповѣдь Божію, а не человѣческую, совѣтую, чтобы ты ни отъ какого положеннаго на тебя дѣла не отрицался, и ни на что самъ не назывался, и когда сіе сохранишь совершенно, то и въ тяжчайшихъ трудностяхъ благополучіе увидишь, и меня помянешь добрымъ словомъ. Когда же ты чего прилежно самъ искать будешь, или отрекаться, то повѣрь, во всю свою жизнь горько сожалѣть будешь. Я тебѣ сіе не отъ разума, но отъ опыта, и опыта примѣрнаго пишу, какъ другу любезному. Ты человѣкъ молодой, нужно и полезно тебѣ будетъ, ежели только Богъ сподобитъ быть и въ С.Пб., ты можешь много пріобрѣсти полезнаго, чего ты теперь совсѣмъ и не понимаешь, воображая, что ты совершенъ уже. Поѣзжай, поѣзжай, буде Богъ тебя позоветъ, а мшелоимство *) искорени, нужное имѣй только"... (Конца нѣтъ).

Намъ неизвѣстно, въ чемъ состоялъ „примѣрный опытъ О. Моисея и „въ какихъ бѣдствіяхъ онъ былъ, слѣдуя своей волѣ", но изъ соображенія всѣхъ обстоятельствъ его жизни съ достовѣрностью можно предположить, что и бѣдствія эти и „опытъ" относятся ко времени, предшествовавшему поселенію въ Рославльскомъ лѣсу; въ это послѣднее время, онъ, какъ видно изъ писемъ его къ О. Антонію, пользовался миромъ душевнымъ.—Хотя и съ ранней еще молодости О. Моисей прибѣгалъ, какъ мы видѣли, къ совѣтамъ Старцевъ духовной жизни, но, вѣроятно, совѣты эти обнимали не всю его дѣятельность и ему оставалось еще многое рѣшать самому собою, на основаніи ученія Св. Отцевъ. Такія рѣшенія, при неопытности въ жизни, были безъ сомнѣнія съ ошибка-

*) т. е. имѣніе излишнихъ вещей.

ми и не могли доставить ему тогда прочнаго мира душевнаго. Миръ этотъ бываетъ слѣдствіемъ совершеннаго отсѣченія своей воли и преданія себя въ полное послушаніе Старцу. Вѣроятно тревоги душевныя и „бѣдствія“ мысленныя заставили его искать твердой и вѣрной, хотя и трудной, стези иноческой жизни, о которой О. Моисею приходилось много читать въ книгахъ Св. Отцевъ: Іоанна Лѣствичника, Аввы Дороѳея и прочихъ, разумѣемъ стезю совершеннаго послушанія и полной покорности духовному наставнику съ отсѣченіемъ своей воли и своихъ разумѣній. Такимъ наставникомъ былъ для него О. Аѳанасій, избранный по указанію О. Алексія Симоновскаго.

Іеросхимонахъ Аѳанасій былъ старецъ простой нравомъ, но духовно-мудрый по жизни: украшенный дѣятельными добродѣтелями; онъ пребывалъ въ совершенной безпопечительности обо всемъ житейскомъ, хранилъ духовное трезвѣніе и имѣлъ дарованіе умной молитвы. Отъ всегдашняго молитвеннаго состоянія лице его было румяно, такъ что незнавшіе его могли думать, что онъ употребляетъ хмѣльные напитки. Въ примѣръ его безпопечительности О. Архимандритъ Моисей впослѣдствіи, въ назиданіе другимъ, разсказывалъ о немъ слѣдующее: „Однажды спросилъ я своего Старца, не истопить ли печку? Онъ сказалъ: хорошо. Я и спрашиваю: сколько положить дровъ, побольше или поменьше? Ужъ какъ самъ знаешь. — А если для васъ, Батюшка, будетъ холодно? — Одѣнусь въ шубу. — А если жарко будетъ? — Я дверь отворю. Старецъ скорѣе соглашался терпѣть холодъ или излишнюю теплоту, чѣмъ какимъ либо внѣшнимъ попеченіемъ отвлекать себя отъ молитвеннаго вниманія и богомыслія“.

Находясь десять лѣтъ подъ руководствомъ такого мужа, О. Моисей и самъ пріобрѣлъ великую сосредоточенность, кротость, даръ молитвы и вниманія себѣ. Всѣ эти дарованія

были присущи ему и потомъ во всю жизнь его, не только въ пустынномъ безмолвіи, но и во время многотрудной и многопопечительной его дѣятельности настоятельской, когда они особенно и проявлялись. Можетъ быть пустынное воздѣлываніе самаго себя и находило въ немъ уже готовую почву въ его природной склонности къ молчанію и сокровенности отъ другихъ, можетъ быть и общеніе съ молчаливыми Старцами имѣло на него такое вліяніе; но только О. Моисей, какъ мы его знали, былъ весьма молчаливъ, любилъ краткословіе и очень не охотно говаривалъ о самомъ себѣ. Братъ его О. Игуменъ Антоній также ничего не сообщалъ о сокровенномъ дѣланіи О. Моисея, да можетъ быть и не зналъ о немъ, а судилъ только по плодамъ. Въ виду всего этого мы были бы въ немаломъ затрудненіи, и не могли бы ничего сказать о внутренней жизни О. Моисея въ періодъ пребыванія его въ пустынѣ, еслибы Промысломъ Божіимъ не сохранилось нѣсколько листковъ синей бумаги, изъ числа тѣхъ, на которыхъ О. Моисей иногда записывалъ свои дѣйствія, мысли и намѣренія. Вѣроятно такихъ листковъ въ теченіе десяти лѣтъ написано было не мало, но они утратились, и до насъ дошло только шесть страничекъ очень малаго формата; эти странички говорятъ только о пяти дняхъ 1819 года, но какъ много говорятъ! — Вотъ онѣ слово въ слово:

Ноября 15-го 1819 года. По принесеніи молитвы исповѣданія грѣховъ слагался *) въ сердцѣ на все слѣдующее время блюстися опасно, чтобы не ужинать отнюдь, ибо безчисленно страдалъ отъ того и искусомъ наставленъ, что нѣтъ лучшаго средства къ благоустроенію души, какъ вкушать пищу по однажды въ сутки. Господи, не остави мене, вонми въ помощь мою, отселѣ воздержатися отъ вечерняго упо-

*) т. е. принялъ мысль, согласился.

требленія пищи и въ обѣденномъ трапезованіи не пресыщатися и принять искусъ употребленія одного рода пищи.

16 Ноября. По духовномъ бесѣдованіи съ братомъ А. о пользѣ души, усмотрѣлъ послѣ въ мысли своей за необходимо нужное помнить слѣдующее: не начинать никогда говорить брату о пользѣ души и о всякомъ исправленіи, также и не выслушивать объясненія его безъ обращенія прежде ко Господу ума своего, съ требованіемъ себѣ и брату Его вразумленія, и говорить потомъ съ воображеніемъ присутствія Божія. По бесѣдѣ же, съ обѣихъ сторонъ, должны паки обратиться ко Христу Спасителю и помолиться о помощи Его во исполненіе Евангелія и всеблагой воли Его, каковую могли выразумѣть при собесѣдованіи нашемъ. Да не въ праздности будетъ совѣщаніе наше, по поминая глаголы Господа нашего Іисуса Христа: *яко аще два отъ васъ совѣщаета о вещи и просита отъ Отца Моего во имя Мое дастъ вамъ* (Ев. Мат. 18, 19), будемъ отъ сего въ несомнѣнной надеждѣ о всякомъ исправленіи нашемъ.

Того же 16-го. По вечери между чтеніемъ о трезвѣніи и молитвѣ пришло на память призывать молитвы братнія и другихъ извѣстныхъ лицъ духовныхъ смиренія ради въ мысли, и дѣйствительнаго, ихъ ради молитвъ, пособія о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ на всѣ борющіе и упорно стоящіе помыслы и страсти.

МОЛИТВА О ПОЛЬЗѢ БРАТІИ.

Самого Христа Спасителя нашего преданная молитва на всякую потребу нашу ко временной и вѣчной жизни есть сія: Отче нашъ: а по ней, аще не погрѣшительно будетъ, да благословитъ всещедрый Господь и сію читать съ вѣрою и благоговѣйнымъ смиреніемъ:

Господи Іисусе Христе, Сыне Божій! щедрый и милостивый, долготерпѣливый и многомилостивый, многоблагоут-

робный, человѣколюбивый, незлопомнивый и истинный, не прогнѣвайся на ны зѣло, ниже помяни беззаконій нашихъ, но призри и нынѣ яко благоутробенъ и избави ны отъ враговъ нашихъ. Спаси Господи и помилуй раба Твоего, брата моего (имя рекъ). Подаждь ему, Господи, вѣденіе, память и бодрость въ дѣланіе совѣтуемыхъ ему заповѣдей Твоихъ, душевный миръ и тѣлесное здравіе во исправленіе дѣла послушанія, да со страхомъ Твоимъ и смиренною мыслію, безъ размышленія и роптанія и всякаго преткновенія лукаваго исполнитъ все нужное въ простотѣ сердца, сообразно съ пресвятою волею Твоею. Безъ Тебе бо, владыко Господи, ничтоже можемъ благо и благоугодно творити. Того ради дерзаю азъ недостойный и всякаго грѣха исполненный молитъ благость Твою: даруй намъ истинный разумъ и силу во всемъ сотворити волю Твою; да ни дѣломъ, ни словомъ, ни помышленіемъ прогнѣваемъ Тебе, Создателя нашего; но вся дѣла наши, совѣты и помышленія да будутъ во славу пресвятаго имени Твоего, молитвъ ради Пречистыя Матери Твоея, предстательствомъ честныхъ небесныхъ Силъ безплотныхъ, святыхъ Ангеловъ хранителей нашихъ и преподобныхъ и богоносныхъ Отецъ нашихъ, Іоанна Дамаскина, Акакія иже въ лѣствицѣ, Досиоея и всѣхъ Твоихъ святыхъ. Аминь!

1819 года Декабря 14-го. Сподобился я благодатію Христовою пріобщиться Св. Таинъ съ желаніемъ положить начало благое, еже блюсти заповѣди святыя. Въ сей день воскресный 29-й недѣли апостолъ читался къ Колоссаемъ зачало—, Евангеліе отъ Луки зач. 85-е листъ 147-й. На сіе читалось толкованіе Св. Ѳеофилакта Болгарскаго, Никифора Астраханскаго, Св. Димитрія Ростовскаго и Преосвященнаго Амвросія Новогородскаго. Поученія Св. Исаака Сирина слова 58 и 59. Полагаю все оное за основаніе моего предложенія, чтобы всегда поучаться въ самомъ дѣлѣ по оному.

Послѣ того, занимавшись правиломъ, пришло мнѣ на мысль:

исправя съ Божіею помощію трудъ поста обученіемъ себя въ одномъ родѣ простой пищи, начать храненіе устъ, въ разумѣ грѣховъ своихъ и недостоинства еже глаголати, за нечистоту и неисправленность сердца и ума моего: чтобы вовсе не говорить устно ничего ни съ кѣмъ, а по крайней нуждѣ изъясняться черезъ брата, краткими словами на письмѣ полу-уставомъ.—Боже! помоги мнѣ сіе начати и начатое совершити, опредѣляя лучше умереть, нежели начатое нарушить и не совершити. Для сего призывать въ помощь Св. Димитрія Ростовскаго и Ѳеофилакта Болгарскаго.

Декабря 15-го. Во время трапезы блеснуло въ умѣ разумѣніе относительно до сожительствующихъ со мною братьевъ, чтобы ихъ погрѣшности, видимыя мною и исповѣдуемыя ими, принимать на себя и каяться какъ за собственныя свои, дабы не судить ихъ строго и гнѣвомъ отнюдь не воспламеняться. Равномѣрно и имъ мои погрѣшности должно принимать на себя, съ исповѣданіемъ предъ Богомъ. И такъ да дастъ Господь разумъ и силы другъ друга тяготы носить и тѣмъ соблюдать законъ Христовъ, любовь и миръ. Ошибки, проступки и грѣхи братьевъ да будутъ мои.

Декабря 31-го. На предложеніе Старца О. Ар. взять для обученія грамотѣ и письму Д., я безъ всякаго противорѣчія согласился, нисколько не относясь молитвою къ Богу и не обдумавши. Для того за непремѣнной долгъ полагаю впредь наблюдать память Божію и не рѣшаться ни на какое предложеніе, не помолившись довольно Богу и не размысливши, согласно ли (оное) съ волею Вышняго и съ силами моими.—Господи! Даждь мнѣ помощь отселѣ положити сего чина начало".

Какой тихій, но ясный свѣтъ проливаютъ эти записки на внутреннюю жизнь О. Моисея въ пустынной его келліи. Сосредоточиваясь всегда въ самомъ себѣ, содержа въ памяти слова Спасителя о молитвѣ: *егда молишися вниди въ клѣть*

твою, и затворивъ двери твоя помолися Отцу твоему, иже въ тайнѣ, и Отецъ твой видяй въ тайнѣ воздастъ тебѣ явѣ (Мато. 6, 6.), О. Моисей и молился въ тайнѣ и тщательно скрывалъ отъ всѣхъ свое внутреннее дѣланіе. Но вотъ отъ полноты сердца рвутся иногда и его уста сказать, что у него на мысли, на душѣ. Однако вѣрный самому себѣ, онъ и тутъ не проговаривается, но беретъ клочекъ синей бумаги и записываетъ на немъ свои думы и намѣренія. Записалъ, и кладетъ эту бумажку въ сторону, къ другимъ такимъ же записочкамъ, а самъ опять скрывается мыслію внутри себя и продолжаетъ трудиться во глубинѣ сердечной. Проходятъ годы, старцы переселяются изъ пустыннаго лѣса на другое мѣсто жительства; келейныя записки О. Моисея пропадаютъ одна за другою, или можетъ быть онъ самъ ихъ уничтожаетъ. Потомъ и О. Моисей и ближайшій сотаинникъ его въ пустынножительствѣ О. Игуменъ Антоній кончаютъ свой подвигъ и отходятъ въ вѣчность. Кажется, некому болѣе сказать о нихъ, какъ они жили въ пустынѣ, что думали и предпринимали тамъ, но синяя бумажка не пропадаетъ, не случайно, а конечно дѣйствіемъ Промысла Божія, она сберегается среди книжнаго хлама и черезъ шестьдесятъ слишкомъ лѣтъ послѣ того, какъ была написана, изъ темнаго уголка чулана, является на свѣтъ, поднимаетъ передъ нами завѣсу всегдашняго молчанія О. Моисея о самомъ себѣ и ярко освѣщаетъ его сокровенное Евангельское дѣланіе въ пустынномъ безмолвіи: его строгій тамъ постъ, его бдительность надъ собою, жажду совершеннаго молчанія, прилежное чтеніе Слова Божія и писаній Св. Отцевъ подвижниковъ, его молитвенное, при всякомъ дѣлѣ, обращеніе къ Господу Богу и хожденіе предъ Нимъ, какъ бы въ виду Его присутствія, по слову псалмопѣвца: *предзрѣхъ Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся* (Пс. 15, 8). Наконецъ и силу его характера и его любовь къ братіямъ, съ

которыми онъ жилъ, и для которыхъ служилъ примѣромъ строгаго подвижничества и послушанія Старцу. Много, много говоритъ о немъ эта синяя бумажка внимательному читателю.

Какіе были, кромѣ вышеупомянутыхъ молитвословій, келейные, молитвенные подвиги О. Моисея въ Рославльскомъ уединеніи, это къ сожалѣнію осталось для насъ тайною, ибо и самъ онъ, какъ мы упомянули выше, и братъ его О. Игуменъ Антоній не любили говорить объ этомъ и отклоняли всегда подобные вопросы.

Въ свободное отъ молитвъ время главнымъ занятіемъ О. Моисея было чтеніе и переписываніе книгъ Св. Отцевъ подвижниковъ. Еще въ бытность свою въ Свѣнскомъ монастырѣ въ 1810 году и въ Бѣлыхъ берегахъ въ 1813 году онъ переписалъ полууставомъ съ переводовъ Молдавскаго Старца Паисія Величковскаго книгу Св. Іоанна Лѣствичника, житіе Симеона новаго Богослова, поучительныя слова его и Стишную его книгу. Въ Рославльскомъ лѣсу у Старца О. Аѳанасія онъ нашелъ многія другія рукописи Свято-Отеческихъ книгъ, переведенныхъ тѣмъ же Старцемъ Паисіемъ и, пользуясь этими духовними сокровищами, а также и другими книгами, составилъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Антоніемъ нѣсколько рукописныхъ сборниковъ выписокъ изъ поученій Св. Отцевъ. Эти замѣчательные сборники хранятся въ библіотекѣ Оптиной пустыни и содержатъ въ себѣ изложенныя въ послѣдовательномъ порядкѣ правила христіанской жизни, особенно монашеской, и свидѣтельствуютъ о томъ, съ какимъ вниманіемъ и разумѣніемъ оба брата читали творенія Духоносныхъ Отцевъ. Вотъ заглавія этихъ сборниковъ: 1) *О подвижничествѣ иноковъ*, въ трехъ книгахъ. 2) *О покаяніи и спасеніи души*, въ трехъ книгахъ. 3) *Уединенное поученіе*, въ двухъ книгахъ, и 4) *Душевная пища для всегдашняго употребленія*.

До глубокой старости О. Моисей (равно какъ и Антоній)

не оставлялъ чтенія духовныхъ и другихъ общеполезныхъ книгъ и потому имѣлъ обширныя свѣденія не только о духовныхъ предметахъ, но и о другихъ отрасляхъ человѣческихъ знаній. Замѣчательно еще, что по особенному благоговѣнію къ книгамъ Св. Отцевъ братья подвижники, О. Моисей и О. Антоній, живя въ Рославльскомъ лѣсу, старались и читать и писать ихъ стоя, и это—послѣ продолжительнаго стоянія на молитвѣ.

По благословенію своего Старца О. Моисей построилъ и малую келлію, которую называлъ первымъ опытомъ своего зодчества, и распоряжался по своему усмотрѣнію ихъ малымъ хозяйствомъ. Когда странникъ или прохожій заходилъ въ ихъ пустынное уединеніе, то О. Моисею поручалось оказать ему страннопріимство, и онъ исполнялъ это съ особеннымъ радушіемъ, съ привѣтливостью и любовью, такъ что кромѣ хлѣба, для каждаго гостя изъ скудныхъ своихъ припасовъ приготовлялъ какую нибудь горячую пищу, щи или похлебку. За такое свое страннолюбіе онъ при постриженіи и былъ нареченъ Моисеемъ въ память преподобнаго Моисея Мурина, *) отличавшагося страннолюбіемъ. Такъ еще здѣсь проявлялись въ немъ черты, которыя впослѣдствіи столько прославили гостепріимнаго и нищелюбиваго Оптинскаго Настоятеля.

Главный трудъ пустыни молитва и прилежное изученіе Писаній Св. Отцевъ не прошелъ безслѣдно для ума и сердца О. Моисея. Обогащенный большими познаніями, при постоянной духовной практикѣ, въ обращеніи съ братіями, руководя и поддерживая ихъ, согласно совѣтамъ О. Аѳанасія, О Моисей незамѣтно для себя самого возросъ въ мужа добродѣтельнаго и крѣпкаго духомъ въ упованіи на Господа. Кромѣ братій, жившихъ съ нимъ въ лѣсу, руководство его

*) Память его чтится 28 Августа.

простиралось и на семейство помѣщиковъ, давшихъ имъ пріютъ и снабжавшихъ ихъ хлѣбомъ насущнымъ. Это послѣднее руководство, какъ мы слышали лично отъ покойнаго Старца О. Макарія, было особенно тягостно для О. Моисея, потому что лишало его по временамъ пустыннаго безмолвія. По благословенію своихъ Старцевъ, онъ вмѣсто нихъ долженъ былъ отъ времени до времени посѣщать семейства помѣщиковъ и вести съ послѣдними довольно частую переписку. Отрывки этихъ писемъ, дошедшіе до насъ, равно какъ и письма изъ Рославльскаго лѣса О. Моисея къ О. Антонію носятъ отпечатокъ замѣчательной духовной опытности, силы слова и духовнаго разумѣнія жизни и отношеній между людьми. *)

Возросшій и окрѣпшій духовно въ пустынномъ десятилѣтнемъ безмолвіи О. Моисей былъ переставленъ Промысломъ Божіимъ какъ горящій свѣтильникъ, для пользы общей, на свѣщникъ иной дѣятельности, и вотъ какъ это случилось.

Въ концѣ 1820 года О. Моисей имѣлъ надобность побывать въ Москвѣ и на обратномъ пути оттуда вздумалъ снова посѣтить Оптину пустынь.

Обитель эта, возобновленная въ концѣ прошедшаго столѣтія попеченіемъ Митрополита Платона, продолжала мало по малу благоустраиваться подъ отеческимъ вниманіемъ къ ней тогдашняго Калужскаго Архипастыря Преосвященнаго Филарета, впослѣдствіи Митрополита Кіевскаго. *Любя отъ самой юности всей душою монашеское житіе,***) сей Преосвященный часто посѣщалъ монастыри ввѣренной ему епархіи. Онъ плѣнился красотою мѣста, занимаемаго пустынью и удобствомъ, которое представляли ея лѣсистыя окрестности къ прохожденію уединеннаго пустыннаго житія, по при-

---

*) См. Приложенія.

**) Слова Пр. Филарета о самомъ себѣ, см. ниже.

мѣру древнихъ Св. Отцевъ, и въ сердцѣ Святителя родилась благочестивая мысль, основать при Оптиной пустыни скитъ, какъ для того, чтобы доставить желающимъ средство къ болѣе безмолвному житію, такъ равно и для того, чтобы въ духовномъ отношеніи навсегда укрѣпить любимую имъ обитель. Зная по слухамъ о подвижнической жизни Рославльскихъ отшельниковъ, Преосвященный на нихъ обратилъ свое вниманіе и желалъ поручить имъ устройство и управленіе задуманнаго имъ скита. Когда О. Моисей посѣтилъ Оптину пустынь, Настоятель ея Игуменъ Даніилъ, зная о благомъ намѣреніи Преосвященнаго Филарета, представилъ ему О. Моисея. Отечески милостиво принялъ его монахолюбивый Владыка и совѣтовалъ перемѣститься съ братіею въ его епархію, дабы принять на свое попеченіе заведеніе и устройство скита въ любомъ мѣстѣ лѣса, принадлежащаго Оптиной пустыни. До той поры О. Моисей вовсе не помышлялъ перемѣнять своего уединеннаго жительства, но при свиданіи съ Оптинскимъ схимникомъ О. Вассіаномъ, (по его собственнымъ словамъ) „нѣсколько былъ поколебленъ отъ основанія своего“. Потомъ, будучи привлекаемъ благосклонностью Архипастыря и вниманіемъ Игумена Оптиной пустыни Даніила, хотя и соглашался на исполненіе ихъ общаго совѣта, но не могъ совершенно рѣшиться послѣдовать ему безъ свиданія и совѣта съ своими старцами и сожительствующею братіею, почему и отправился въ мѣсто своего жительства. Возвратясь въ свое уединеніе О. Моисей вручилъ старцу Аѳанасію письмо къ нему Преосвященнаго Филарета такого содержанія:

Преподобный Отецъ Аѳанасій,

Возлюбленный о Господѣ брате!

Братъ вашъ, а мой сынъ по духу, схимонахъ Вассіанъ возвѣстилъ мнѣ, что вы имѣете желаніе, для удобнѣйшаго прохожденія подвиговъ монашеской жизни, избрать себѣ и

съ единодушными вамъ братіями уединенное мѣсто при Введенской Оптиной пустыни. Тоже самое подтвердилъ и отецъ Моисей, бывшій у меня проѣздомъ въ Москву. Таковое желаніе ваше считая особенною милостію Божіею къ моему недостоинству, я готовъ принять васъ и другихъ пустынножителей, которыхъ вы съ собою взять заблагоразсудите, со всею моею любовію. Я вамъ позволяю въ монастырскихъ дачахъ избрать для себя мѣсто, какое вамъ угодно будетъ, для безмолвнаго и отшельническаго житія, по примѣру древнихъ Св. Отцевъ пустынножителей. Келліи для васъ будутъ изготовлены, какъ скоро вы изъявите свое на то согласіе. Отъ монастырскихъ послушаній вы совершенно будете свободны; увѣряю васъ пастырскимъ словомъ, что я употреблю все мое попеченіе, чтобъ васъ упокоивать. Любя, отъ юности моей, отъ всей моей души монашеское житіе, я буду находить истинную радость въ духовномъ съ вами собесѣдованіи.

Призывая на васъ благословеніе Божіе, и моля Господа Іисуса Христа, да совершитъ Онъ благое желаніе ваше, съ моимъ истиннымъ къ вамъ почитаніемъ и братскою любовію имѣю радость быть

Вашего Преподобія

усерднѣйшій слуга и Богомолецъ

Филаретъ Епископъ Калужскій.

1820 года. Декабря 15 дня
Оптинская обитель.

P. S. И настоятель теперешній, О. Игуменъ Даніилъ, очень радъ будетъ пришествію вашему. Онъ человѣкъ весьма добрый, благоразумный и монахолюбивый. Вы его полюбите.

О. Моисей при этомъ подробно объяснилъ единомысленной съ нимъ братіи тѣ удобства въ духовной жизни, которыя представлялись во вновь устрояемомъ скиту при Оптиной пустыни, подъ покровительствомъ такого Боголюбиваго

Архипастыря, каковъ Преосвященный Филаретъ. Предложеніе О. Моисея было принято съ радостью, и на общемъ совѣтѣ согласились послѣдовать сему приглашенію, признавъ его за званіе Божіе, особенно еще потому, что въ это же время попущеніемъ Господнимъ, мирное ихъ безмолвіе начало подрываться притязаніями окружнаго земскаго начальства.

Вслѣдствіе этого рѣшенія О. Моисей немедленно отнесся, какъ къ самому Преосвященному Филарету, такъ и къ Оптинскому Игумену О. Даніилу, письмами слѣдующаго содержанія:

Преосвященнѣйшій Владыко,

Милостивый Отецъ и Архипастырь!

Я недостойный, имѣвши счастіе пользоваться Вашею Архипастырскою милостію въ проѣздъ мой до Москвы и обратно, хотя не полагалъ никакого намѣренія перемѣнять свое убогое жилище, кромѣ такихъ винъ, которыя развѣ невольнымъ бы образомъ принудили къ тому; но при свиданіи съ честнѣйшимъ отцомъ Вассіаномъ, его любовію и достоподражательною жизнію, отъ основанія моего нѣсколько былъ поколебленъ. Когда же сподобился видѣть Вашего Преосвященства ко мнѣ ничтожному снисходительность и слышать пастырскій гласъ, совѣтующій, къ моей и прочихъ выгодѣ, перемѣститься въ уединеніе при Оптиной Введенской пустынѣ, на скитскую жизнь, совершенно сдѣлался убѣжденъ и, безъ сомнѣнія, принялъ сердцемъ Архипастырскій совѣтъ Вашъ за званіе Божіе, которому я съ радостію расположенъ слѣдовать, уповая на Ваши Святительстія молитвы и отеческое о всѣхъ насъ попеченіе. Также, соотвѣтственно Вашей Архипастырской кротости и любви, чувствовалъ съ увѣренностію и пречестнѣйшаго отца игумена Даніила добродушіе, что все весьма привлекаетъ. По возвращеніи моемъ до своего жилища, когда письмо Вашего Преосвященства вручилъ

я О. Аѳанасію и братіямъ, сожительствующимъ со мною, все подробно объяснилъ, какія можно имѣть выгоды душевныя и безопасность въ уединенной жизни при обители, подъ покровительствомъ Вашего Преосвященства, они все то приняли съ радостію и объявили себя со мною совершенно согласными. И такъ. когда воля Вашего Преосвященства о принятіи насъ на уединенную жизнь есть такова же, какъ благоволили объявить, то я нижайшій съ братьями моими теперь, единодушно возложившись на волю и промыслъ Отца небеснаго, осмѣливаюсь рѣшительно припасть къ Святительскимъ стопамъ Вашимъ и всеусерднѣйше просить, съ истинною преданностію, благоволите, Преосвященнѣйшій Владыко, принять насъ въ Ваше Архипастырское милостивое покровительство и на назначенномъ мѣстѣ дозволить заняться благодѣтелю нашему Димитрію Васильевичу Брюзгину нужнымъ пріуготовленіемъ для скита. Мы располагаемся отсюда выбраться по просухѣ, какъ только удобно будетъ ѣхать; между тѣмъ желательно освѣдомиться о волѣ Вашего Преосвященства въ разсужденіи рѣшимости нашей; о чемъ соблаговолите, Милостивѣйшій Архипастырь, приказать увѣдомить насъ. Предая себя навсегда Вашей Архипастырской волѣ и святѣйшимъ молитвамъ, имѣю счастіе быть,

Преосвященнѣйшій Владыко

Милостивѣйшій Отецъ и Архипастырь,

Вашъ всенижайшій и покорнѣйшій послушникъ, недостойный инокъ Моисей, вкупѣ съ братьями.

1-го Апрѣля 1821 года
Пустынь.

Ваше Высокопреподобіе

Всепречестнѣйшій Батюшка Отецъ

Игуменъ Даніилъ!

Благословите!

Пользовавшись отеческимъ пріятствованіемъ Вашимъ, побужденъ изъявить Вашему Высокопреподобію мою чувствительнѣйшую благодарность, а притомъ донести о себѣ, что привлекаемъ будучи Архипастырскою благосклонностію и Вашею и Отца Вассіана любовію, сердечно соглашался на перемѣщеніе, подъ покровительство Его Преосвященства и Ваше, въ назначаемый при обители вашей скитокъ; но, не видавшись со старцами здѣшними и съ сожительствующими со мною братіями, не могъ совершенно рѣшиться, теперь же, по свиданіи моемъ съ ними, находя ихъ со мною согласными, рѣшаюсь совершенно оставить здѣшнее мѣсто, и возложившись на Божій Промыслъ, поступить по волѣ Его Преосвященства въ назначенный скитъ; о чемъ я нижайшій и имѣлъ дерзновеніе на сей же почтѣ отнестися къ Архипастырю письмомъ, на которое ежели послѣдуетъ Его Преосвященства благоволеніе, то долженъ по просухѣ отправиться отсюда; между тѣмъ, предая себя навсегда Вашимъ святымъ молитвамъ и отеческой христоподражательной любви, о которой предварительно Ваше Высокопреподобіе всеусерднѣйше прошу, и съ истинною моею къ Вамъ преданностію и высокопочитаніемъ имѣю счастіе остаться,

Вашего Высокопреподобія

всенижайшій послушникъ, недостойный

инокъ Моисей съ братьями.

Не смотря однако на всѣ, повидимому, столь благопріятныя обстоятельства, Рославльскіе Старцы Іеросхимонахъ Аѳанасій и О. Досиѳей не рѣшились тотчасъ оставить свое безмолвное пребываніе, предоставляя это дальнѣйшему усмотрѣнію, по совершенномъ устройствѣ предполагаемаго скита. *) Отецъ же Моисей съ О. Антоніемъ и двумя преданными имъ монахами, Иларіемъ и Савватіемъ, исполняя волю Боголюбиваго Архипастыря, оставили Рославльскіе лѣса и отправились въ вожделѣнный путь, сопровождаемые благословеніями своихъ старцевъ.

---

*) О. Аѳанасій находился впослѣдствіи въ Свѣнскомъ Брянскомъ монастырѣ, гдѣ и преставился съ миромъ 1844 года, Декабря 31 дня. О. Досифей въ 1827 году помѣстился, какъ выше упомянуто, на жительство въ Оптинскомъ скиту, гдѣ и скончался вскорѣ. Нѣкоторые же пустынники остались въ Рославльскихъ лѣсахъ до самой своей кончины.

ГЛАВА III.

ПРЕБЫВАНІЕ ВЪ СКИТУ ПРИ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ.

(1821—1826 г.)

Можно себѣ представить, въ какомъ спокойномъ экипажѣ, съ какими удобствами въ пути, двинулась въ дорогу эта колонія пустынниковъ и на постоянномъ мѣстѣ своего жительства въ Рославльскомъ лѣсу питавшихся по большей части сухимъ хлѣбомъ и рѣпою. Тамъ жили они въ келіяхъ тѣсныхъ до крайности, ежедневно вставали съ полуночи на славословіе Божіе, проводили день въ трудахъ, а пол-нощи, начиная съ полуночи, въ молитвенномъ служеніи Богу. Безъ сомнѣнія и все время путешествія ихъ прошло среди внутренней молитвы и внѣшнихъ лишеній и трудовъ всякаго рода. Но такъ или иначе, оно прекратилось 6-го іюня 1821 года. Четыре пустынножителя, подъ предводительствомъ О. Моисея достигли Оптиной Пустыни, повидались здѣсь съ ея настоятелемъ Игуменомъ Даніиломъ, и по его благословенію, временно помѣстились на монастырской пасѣкѣ неподалеку отъ Обители.

Отдохнувъ и оправившись съ пути, О. Моисей и О. Антоній поспѣшили въ Калугу, чтобы явиться Преосвященному Филарету. Монахолюбивый Владыка принялъ ихъ отечески милостиво и радъ былъ ихъ пріѣзду, какъ началу исполненія его благаго желанія. Послѣ духовной бесѣды о пра-

вилахъ для скитской жизни, по духу святыхъ пустынножителей, О. Моисей получилъ отъ Владыки пастырское наставленіе и благословеніе на избраніе мѣста для Скита въ лѣсу около Оптиной Пустыни.

Посовѣтовавшись между собою, пріѣзжіе заняли мѣсто на восточной окраинѣ монастырскаго владѣнія въ 170 саж. отъ Обители, близь малой монастырской пасѣки. Здѣсь среди густаго лѣса изъ вѣковыхъ сосенъ и порослей липы и орѣшника стоялъ маленькій домикъ, въ которомъ въ началѣ XIX столѣтія подвизался 12-ть лѣтъ благочестивый старецъ Іоанникій, смиренный схимонахъ, скончавшійся въ 1815 году.

Составивъ планъ будущаго Скита, *) О. Моисей съ Игуменомъ Даніиломъ представили его Преосвященному Филарету. Владыка Калужскій немедленно утвердилъ его такою резолюціею: „1821 года Іюня 17-го дня. По сему начертанію строить скитъ да благословитъ Господь Богъ, и благодатію Своею да поможетъ совершить“.

Получивъ благословеніе Архипастыря и призывая въ помощь имя Господне, О. Моисей съ братіею приступили къ дѣлу, будучи обезпечены въ начальныхъ издержкахъ помощію благодѣтеля своего Козельскаго гражданина Димитрія Васильевича Брюзгина, который пожертвовалъ на постройку скита 1500 руб. ассигн. Вмѣстѣ съ тѣмъ нашлись и другіе благодѣтели, между которыми занималъ видное мѣсто Н. Самгинъ, пожертвовавшій въ августѣ мѣсяцѣ триста рублей и потомъ сдѣлавшій на свой счетъ плащаницу и другія церковныя вещи для новопостроенной скитской церкви.

Главный трудъ состоялъ въ томъ, чтобы очистить избранное мѣсто отъ громадныхъ сосновыхъ деревьевъ. Рев-

---

*) Изъ переписки О. Моисея съ Моск. купцемъ Н. Самгинымъ видно, что предположено было устроить церковь и около нея четыре малыхъ братскихъ корпуса.

постно занялись этимъ пріѣзжіе отшельники и О. схимонахъ Вассіанъ. Собственноручно трудились они изо дня въ день, помогая небольшому числу нанятыхъ рабочихъ, то въ рубкѣ толстыхъ сосенъ, то въ выкапываніи ихъ глубокихъ и тяжелыхъ развѣтвленныхъ пней.

Изъ срубленнаго на мѣстѣ лѣса скитяне выстроили себѣ на первый разъ небольшую келлію на юго-западной сторонѣ и жили въ ней всѣ пятеро вмѣстѣ, общежительно. Потомъ обнесли все расчищенное мѣсто досчатымъ заборомъ, и наконецъ приступили съ благословенія Преосвященнаго къ построенію скитской церкви во имя Собора Св. Іоанна Предтечи и Крестителя Господня. По волѣ Архипастыря этой церкви присвоивалось названіе „домовой для архіерейскаго пріѣзда“, вслѣдствіе чего и предположено было строить западную часть ея по домовому расположенію.

26-го октября 1821 года О. Моисей писалъ своему родному дядѣ Ивану Ивановичу Путилову: „Благодареніе Богу, мы находимся живы и здоровы. По благословенію Владыки, на новомъ мѣстѣ три мѣсяца трудились, по мѣрѣ силъ нашихъ, около строенія келлій и святаго храма, и тѣмъ, съ помощію Божіею, полагая основаніе нашей здѣсь жизни, чувствуемъ въ себѣ надежду къ спокойствію и пользѣ душевной подъ покровомъ Обители святой, и благодаримъ Бога, что привелъ насъ сюда. Благодаримъ и Васъ за бывшее полезное совѣтованіе къ тому“.

Изъ другихъ современныхъ этому писемъ О. Моисея къ Н. Самгину видно, что до 1-го ноября 1821 года построено было кромѣ церкви только два дома братскихъ келлій, а въ ноябрѣ прибавился еще одинъ домикъ, такъ что 21-го декабря того же года О. Моисей могъ уже написать къ іеромонаху Августину, бывшему въ то время настоятелемъ Цивильскаго монастыря: „выстроены уже три кельи и храмъ во имя Св. Іоанна Предтечи и Крестителя Господня“.

Но средства для продолженія построекъ и окончательнаго устройства церкви оскудѣвали со дня на день, и это оскудѣніе вынудило О. Моисея поѣхать въ декабрѣ мѣсяцѣ 1821 года за сборомъ въ Москву. Изъ этой поѣздки онъ возвратился въ скитъ съ немалымъ трудомъ, въ повозкѣ, на столько нагруженной, что и самому сидѣть едва было можно, а дорога была очень тяжела, какъ самъ онъ писалъ своимъ московскимъ роднымъ, но цѣль была достигнута. Труды сбора принесли желаемый плодъ, такъ что скитская церковь, черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ закладки была совершенно окончена и снабжена приличною утварью церковною. Торжественное освященіе ея по благословенію Преосвященнаго Филарета было совершено настоятелемъ Оптиной Пустыни Игуменомъ Даніиломъ 5-го февраля 1822 года.

Вскорѣ послѣ этого на сырной недѣлѣ, продолжавшейся въ томъ году съ 6-го до 13-го февраля, Преосвященный Филаретъ посѣтилъ Оптину Пустынь, и О. Моисей просилъ его дозволенія быть постриженнымъ въ великій ангельскій образъ (схиму), но Владыка отвѣтилъ ему на это, „не ỳ прiиде время“. О. Моисей, какъ самъ разсказывалъ намъ впослѣдствіи, никогда не думалъ и не желалъ принимать священнаго сана, а желалъ только уединенной жизни; но мудрый епископъ провидѣлъ въ немъ дѣятеля, способнаго принести пользу многимъ, и потому не согласился на его постриженіе въ схиму. Владыка зналъ, что О. Моисей былъ постриженъ въ монашество О. Аѳанасіемъ въ пустынѣ, и самъ вполнѣ признавалъ это постриженіе; но для соблюденія должнаго порядка представлялъ въ Св. Синодъ, прося дозволенія постричь О. Моисея, и получивъ это дозволеніе, благословилъ О. Моисею съ 3-го іюня 1822 года носить монашескую мантію.

Вѣроятно къ этому же времени относится и прошеніе къ Преосвященному Филарету, начисто написанное О. Моисе-

емъ собственноручно и сохранившееся въ бумагахъ, но безъ помѣтки года и числа. Вотъ это прошеніе слово въ слово:

Ваше Преосвященство
Преосвященнѣйшій Владыко
Всемилостивѣйшій Отецъ и
Великій Архипастырь!

Во время посѣщенія Вашего Преосвященства обители нашей на сырной недѣлѣ, когда я недостойный дерзалъ напомянуть о крайнемъ желаніи моемъ, чего душевно жажду, услышалъ отъ Святительскихъ устъ Вашихъ въ отвѣтъ, что не ỳ пріиде тому время. Съ тѣхъ поръ непрестанно ожидая милостиваго призрѣнія на меня нижайшаго, часто унываю духомъ, понеже смертенъ, и не знаю, когда пріидетъ оное время? Человѣколюбивый Спаситель жаждущихъ на духовную воду поощряетъ приходить безотложно, но мнѣ не ỳ пріиде время. Увы мнѣ грѣшному паче всѣхъ! Преосвященнѣйшій Владыко, осмѣливаюсь паки со умиленіемъ припасть къ Святительскимъ стопамъ Вашимъ и слезно просить: удивите свое снисхожденіе ко мнѣ недостойному, и желаніе души моей исполнить соблаговолите. Сіе едино теперь прошу и то усердно взыскиваю, чтобы возобновить обветшалость моего монашескаго образа внушеніемъ мнѣ обѣтовъ вторымъ вопросомъ. Ободрите меня унылаго возложеніемъ новаго знака къ вящщему смиренію моему; дабы Господу содѣйствующу совершеннѣе отвратить очи мои, еже не видѣти мнѣ болѣе суеты мірской, и не принимать не лѣпая на сердце мое. (Конца нѣтъ).

Такъ заботился О. Моисей постоянно и усердно о своемъ собственномъ сердцѣ и его очищеніи; а Владыка Филаретъ предполагалъ воспользоваться его способностями, дарованіями и ревностью о благочестіи для пользы всего братства

и духовнаго благоустройства не только скита, но и всей Обители. Въ виду этого Преосвященный предложилъ О. Моисею принять санъ священства, но услышалъ въ отвѣтъ рѣшительный отказъ пустынника. Препирательство между архіереемъ и пустыннолюбцемъ продолжалось шесть недѣль, и О. Моисей тогда только рѣшился уступить, когда услышалъ отъ Владыки Филарета: „если ты не согласишься, то буду судиться съ тобою на страшномъ судѣ Господнемъ.“ Послѣ этихъ словъ архипастыря О. Моисей умолкъ и 22 декабря 1822 года былъ рукоположенъ въ іеродіакона, а 25 декабря того же года въ іеромонаха, и въ тоже время опредѣленъ общимъ духовникомъ Оптиной Пустыни.

Не оскудѣвала, а возрастала ревность О. Моисея въ порученномъ ему дѣлѣ устройства скита, и Господь благословлялъ и подкрѣплялъ его въ этомъ дѣлѣ видимыми знаками Своей помощи и благоволенія. Кромѣ вещественныхъ неожиданныхъ пособій отъ благодѣтелей, въ это время пожертвованы были въ скитъ и двѣ иконы, мѣстно чтимыя чудотворными, составляющія и понынѣ украшеніе и святыню скитскаго храма: Знаменія Пресвятыя Богородицы и Св. Іоанна Предтечи и Крестителя Господня.*)—Постепенно возникали по сторонамъ церкви отдѣльные домики братскихъ келлій. „Теперь мы занимаемся сажаніемъ и сѣяніемъ,“ писалъ О. Моисей весною 1822 года своимъ роднымъ въ Москву. Эти занятія ихъ не пропали понапрасну. Насажденныя ими плодовыя деревья и ягодные кустарники мало по малу покрыли все пространство скита между церковью и келліями, а кедровые орѣхи, посаженные въ то время собственноручно О. Моисеемъ и превратившіеся теперь въ красивыя деревья, ровно черезъ двадцать пять лѣтъ послѣ посадки въ первый

*) Объ этихъ иконахъ см. подробнѣе въ Историческомъ Описаніи Скита Оптиной Пустыни. Изд. 1862 г., стр. 19—22.

разъ принесли плодъ такихъ же прекрасныхъ орѣховъ. На восточной сторонѣ скита на маломъ протокѣ выкопаны были два пруда. Словомъ, начаты были, а частію и докончены тогда же всѣ существующія нынѣ принадлежности скитскаго общежитія.

Продолжавшееся строеніе вовлекло О. Моисея въ долги и потому съ надеждою на Бога, посылающаго помощь рабамъ Своимъ, онъ вторично отправился въ 1825 году въ Москву за сборомъ подаянія.

Но едва успѣлъ прибыть туда, какъ получилъ изъ Обители отъ О. Игумена Даніила письмо съ извѣщеніемъ о избраніи его въ настоятеля Оптиной Пустыни, и съ просьбою оставить всѣ дѣла, и немедленно поспѣшить возвратиться въ Обитель для полученія прощальнаго благословенія отъ отъѣзжающаго Архипастыря, а равно и для принятія, по волѣ Владыки, въ свое управленіе Обители.

ГЛАВА IV.

НАСТОЯТЕЛЬСТВО.

(1826—1862 г).

Отъ плодовъ ихъ познаете ихъ (Матѳ. 7, 16).

„Уединеніе кажется отъ самой юности влекло меня къ себѣ“, писалъ О. Моисей еще въ 1813 году; но Промыслъ Божій устроилъ иначе.

Уединенная жизнь его въ Брянскомъ лѣсу была непродолжительна, въ сравненіи съ тѣмъ поприщемъ дѣятельности настоятельской, на которое Господь поставилъ его черезъ тогдашняго Калужскаго Архипастыря.

Въ 1826 году, 43 лѣтъ отъ роду, О. Архимандритъ Моисей, тогда еще іеромонахъ, былъ назначенъ управляющимъ Оптиною Пустынью и 37-мь лѣтъ сряду стоялъ неуклонно на божественной стражѣ ввѣренной ему паствы. Оправдались на немъ слова лѣтописца: „Монастырь согради и братію собра;“ но все это доставалось ему съ трудомъ и трудомъ, подъ часъ великимъ. Подвижническая жизнь въ пустынѣ подъ руководствомъ опытнаго старца, въ совершенномъ послушаніи ему, изученіе и исполненіе на дѣлѣ писаній Св. Отцевъ, равно какъ и скорби, постигавшія О. Моисея отъ юности и всегда переносимыя имъ съ молитвою и покорностью волѣ Божіей, на столько подготовили, просвѣтили и укрѣпили его внутренняго человѣка, что онъ, всту-

нивъ въ должность настоятеля въ зрѣломъ возрастѣ по годамъ тѣлеснымъ, былъ близокъ и къ зрѣлости духовной: какъ по ясному, духовно-просвѣтленному взгляду на вещи и чувствамъ, *обученнымъ долгимъ ученіемъ въ различеніи добра же и зла*, такъ и по твердости воли, укорененной въ добромъ направленіи. Доказательствомъ этому служатъ его дѣйствія и письменные его совѣты, данные близкимъ ему людямъ и дошедшіе до насъ. *) Тѣмъ не менѣе почти 40 лѣтъ подвижнической жизни въ санѣ настоятеля конечно не прошли для него напрасно.

Каждый промежутокъ времени, каждый случай въ жизни, при крайней бдительности О. Моисея надъ собою и постоянномъ молитвенномъ подвигѣ, безъ сомнѣнія, возводили его отъ силы въ силу и увеличивали въ немъ сокровище добродѣтелей.

За сокровенные труды его въ тайнѣ сердца своего Господь, *видяй въ тайнѣ*, воздалъ ему явнымъ благословеніемъ внѣшнихъ его дѣйствій. Послѣднее очевидно было всѣмъ его знавшимъ; но крайне сожалѣемъ, что не имѣемъ достаточно свѣдѣній о его внутренней жизни и дѣятельности и не можемъ изложить ихъ здѣсь въ желаемой полнотѣ. Старецъ не любилъ говорить о своихъ поступкахъ и никогда никому не разсказывалъ о дѣйствіяхъ благодати Божіей, которыя несомнѣнно ощущалъ.**) Можемъ только сказать, что онъ, по слову Св. Исаака Сирина, былъ всегда „борцемъ противъ страстей и терпѣливымъ дѣлателемъ заповѣдей Христовыхъ“. Тому же училъ онъ и просившихъ его совѣтовъ и наставленій.

О постоянномъ внутреннемъ преуспѣваніи Старца на пути

*) См. Приложенія.

**) Во время служенія божественной литургіи онъ нерѣдко съ видимымъ усиліемъ удерживалъ слезы, какъ говорили очевидцы: іером. Никонъ Огіевскій и Евоимій Труновъ.

добродѣтелей во время его настоятельской жизни, мы можемъ судить только по наружнымъ его дѣйствіямъ, и въ этомъ случаѣ припоминаемъ слова, которыя онъ нерѣдко повторялъ при жизни: „да, ужъ само дѣло лучше покажетъ“. Дѣло О. Моисея, какъ настоятеля, по истинѣ лучше всякихъ словъ показываетъ, что онъ былъ *мужъ благъ, исполнъ вѣры и плодовъ благихъ*.

Въ то время, когда онъ принялъ въ свое управленіе Оптину Пустынь братство ея состояло изъ 40 человѣкъ. Не всѣ они были люди способные, не всѣ духовно преуспѣвшіе; даже приличнаго іеродіакона для праздничныхъ служеній, какъ разсказывалъ намъ самъ О. Моисей, не было, и надобно было приглашать свѣтскаго діакона изъ ближняго села или города. На обители былъ долгъ въ 12/т. рублей; запасовъ для продовольствія братіи пищею, одеждою и обувью также не было; наконецъ, что самое главное, настроеніе братства нельзя было назвать образцовымъ. При такихъ скорбныхъ и трудныхъ обстоятельствахъ, совершенно вопреки своей волѣ, только изъ послушанія архипастырю, послѣ долгихъ уговоровъ устрашившаго его словами: „если не согласишься принять священства, буду судиться съ тобою на страшномъ судѣ Господнемъ“, О. Моисей принялъ санъ священства и управленіе Обителью.

Самъ онъ разсказывалъ намъ въ 1861-мъ году, что подчинившись волѣ Владыки Филарета, имѣлъ въ виду, если Богъ продлитъ вѣку, 10-ть лѣтъ пронести этотъ крестъ настоятельства, а потомъ уединиться; но когда прошло 10-ть лѣтъ, говорилъ Старецъ, я думалъ: если оставлю настоятельство, то это будетъ своя воля, а должно покоряться волѣ Божіей, потому и не удалился. Мало по малу было пріобрѣтено довѣріе купцовъ. Стали вѣрить намъ, въ случаѣ надобности, въ долгъ, потомъ, когда Господь посылалъ средства, счеты эти уплачивались; такъ дѣло и шло. Хотя у насъ и теперь де-

негъ нѣтъ, но за то, слава Богу, рухлядная *) полная, закончилъ Старецъ, а мы можемъ прибавить къ этому: не рухлядная только наполнилась, но и вся обитель изъ малаго монастырька преобразилась въ цѣлый градъ обительный, полный братіи, полный и благоуханія духовнаго, привлекавшаго множество богомольцевъ.

Когда О. Моисей сдѣлался настоятелемъ изъ зданій, нынѣ украшающихъ Оптину Пустынь, существовали въ теперешнемъ видѣ: одна церковь (Казанская), **) колокольня, старое зданіе трапезы, настоятельскій корпусъ, два братскихъ корпуса деревянныхъ и два каменныхъ одно-этажныхъ. Былъ и соборъ Введенскій, но очень тѣсный. Была и больничная церковь въ память явленія Владимірской иконы Божіей Матери, но безъ притвора и пристроекъ. Въ настоятельство же О. Моисея Введенскій соборъ распространенъ и устроены два боковыхъ придѣла съ крытыми папертями; къ больничной церкви сдѣлана пристройка; въ старой братской трапезѣ устроена церковь во имя Преп. Маріи Египетской; построена кладбищенская церковь. Надъ двумя одно-этажными каменными корпусами надстроены верхніе этажи; вновь построено семь братскихъ корпусовъ внутри монастыря; каменная ограда съ семью башнями, новый большой корпусъ для братской трапезы, библіотека, гостинницы (восемь корпусовъ съ тремя флигелями для богомольцевъ различныхъ сословій); два конныхъ двора съ братскими келліями, скотный дворъ, заводы кирпичный и черепичный, мельница близь монастыря выстроена вновь; новое братское кладбище, весь Скитъ съ его церковью, келліями и службами—все это возникло при О. Моисеѣ.

---

*) т. е. кладовая братской одежды и обуви.

**) Распространена весьма хорошо въ 1878 году при О. Игуменѣ Исаакіи.

На землѣ Высочайше дарованной монастырю въ 1853 году устроенъ былъ хуторъ для сбора сѣна и для рыбной ловли. Заведенъ прекрасный рогатый скотъ, крупной породы. Улучшены прежніе и вновь устроены большіе огороды, сдѣлавшіеся необходимыми при умноженіи числа братіи и богомольцевъ. Разведены фруктовые сады, около монастыря и на хуторѣ. При вступленіи въ должность О. Моисея Оптина Пустынь владѣла всего 197 десятинами и 1564 кв. саж. земли подъ монастыремъ, лугами, огородами, озерами, дорогами и лѣсомъ, изъ которыхъ было около 80 дес. собственно лѣса и луговой земли, за исключеніемъ неудобной и находящейся подъ строеніемъ, рѣками и дорогами до 50 десятинъ, а въ годъ кончины О. Архимандрита Моисея было у Обители 348 дес. 1464 к. саж. земли и въ томъ числѣ 188 дес. лѣса.—О. Моисеемъ устроено каменное помѣщеніе для монастырской библіотеки, о которомъ мы упомянули выше, устроена и самая библіотека. Началомъ послѣдней послужило множество книгъ (до 2100) и не мало рукописей, принадлежавшихъ лично О. Моисею. Монастырская ризница обогатилась прекрасными и многочисленными облаченіями. Церкви—хорошею стѣнною живописью и иконостасными иконами въ окладахъ.—Личное безкорыстіе и нестяжательность подвижника Настоятеля привлекали усердіе богомольцевъ къ Обители и ея храмамъ, а это усердіе и помогало О. Моисею въ дѣлѣ устройства монастыря.

Одинъ изъ Козельскихъ гражданъ, бывшій долго въ отлучкѣ изъ роднаго города и пріѣхавшій потомъ въ Оптину Пустынь для поминовенія своихъ родныхъ, былъ изумленъ перемѣною, которую онъ нашелъ въ монастырѣ, и, зайдя послѣ панихиды къ О. Моисею, тогда уже Архимандриту, при другихъ гостяхъ, выразилъ ему свое удивленіе, сказавъ: какъ у васъ, Батюшка, все въ Обители преобразилось.—А вы давно у насъ не были? спросилъ Старецъ. — Вотъ уже

20 лѣтъ. — Да, 20 лѣтъ времени много. — Но вѣдь не только время, на это и средства нужны, Батюшка; вѣрно у васъ хорошія средства, продолжалъ посѣтитель.—Нѣтъ, этого нельзя сказать, средства у насъ какія Господь пошлетъ, такія и есть. Вотъ мое упованіе! сказалъ О. Архимандритъ, указавъ на бывшій въ комнатѣ образъ Спасителя, несущаго Крестъ.

А архимандритства, Батюшка, это вы сами пожелали, продолжалъ гость, очевидно вовсе незнакомый съ порядкомъ іерархическихъ возвышеній. При этихъ словахъ О. Архимандритъ Моисей перекрестился и отвѣчалъ: нѣтъ, на это была воля начальства, а я просилъ и прошу у Господа Бога одного, чтобы быть мнѣ монахомъ.—И выпросилъ этого у Господа Бога Старецъ: монахомъ былъ онъ въ своей пустынной келліи въ Рославльскомъ лѣсу, монахомъ—и въ должности настоятеля многолюдной Обители.

Подъ именемъ монаха разумѣемъ мы, разумѣлъ и О. Моисей, не подвижника только, въ смыслѣ бдѣнія, поста, уединенія, тѣлесной молитвы и другихъ дѣлъ самоумерщвленія, но человѣка Евангельскаго, по слову Св. Пимена, научившагося умерщвлять не тѣло, но страсти*). Человѣка разумно управляющаго собою, согласно изреченію Св. Максима исповѣдника: „тѣлу опредѣли трудъ по силѣ его и весь умъ твой обрати внутрь**). Это послѣднее—обращеніе ума внутрь т. е. вниманіе и составляетъ истинный подвигъ разумнаго монаха. Постоянно ведетъ онъ борьбу со страстями душевными и тѣлесными; при должномъ воздержаніи, неослабно хранитъ свои чувства и ихъ органы и очищаетъ сердце отъ

*) См. Достопамятныя сказанія о подвижничествѣ Святыхъ и блаженныхъ Отцевъ. 1845. Стран. 225.

**) Св. Отца нашего Максима главы о любви. Четвертая сотня. § 63-й. С.-Петербургъ. 1817 г.

страстныхъ помысловъ молитвою и самоукореніемъ; слѣдуетъ Евангельскимъ заповѣдямъ и совѣтамъ и такимъ образомъ стремится къ чистотѣ сердечной, къ желаемому безстрастію, къ отрѣшенію мыслію отъ здѣшняго міра: живетъ сердцемъ въ будущемъ, въ обѣтованномъ Спасителемъ *пакибытіи* (Ев. Мато. 19, 28) и съ нимъ соображаетъ всѣ шаги своей земной дѣятельности. Такимъ мы видѣли и знали О. Архимандрита Моисея. Его строго-монашеское, или точнѣе истинно-христіанское направленіе и внутренняго и внѣшняго человѣка выражалось, въ періодъ его настоятельства и въ отношеніяхъ его къ Начальству и въ управленіи братіею, въ обращеніи его съ рабочими людьми и съ посѣтителями монастыря, какъ бѣдными, такъ и богатыми, наконецъ и въ келейной его жизни. По этимъ отраслямъ дѣятельности О. Моисея мы и будемъ теперь слѣдить за нимъ.

Исполняя обѣтъ монашескаго послушанія О. Моисей покорился волѣ архипастыря и принялъ управленіе Обителью; но вслѣдъ за этимъ благоговѣйно чтимый имъ Владыка Филаретъ указомъ Св. Синода отъ 28 января 1825 года былъ переведенъ въ Рязань и на его мѣсто прибылъ Пр. Григорій I, бывшій впослѣдствіи архіепископомъ Казанскимъ и Митрополитомъ Петербургскимъ. Знаменитый ревнитель православія выразилъ и Оптиной Пустыни въ лицѣ ея тогдашняго правителя общаго духовника Обители о. іеромонаха Моисея свое полное сочувствіе. Преосв. Григорій I указомъ Калуж. Консисторіи отъ 17 августа 1826 года утвердилъ О. Моисея въ должности строителя Оптиной Пустыни и вмѣстѣ съ тѣмъ наградилъ его набедренникомъ. Никого изъ братіи Преосвященный Григорій не помѣщалъ въ Обитель и не бралъ изъ нея безъ согласія настоятеля и даже приносилъ въ жертву Оптиной Пустыни удобства своего собственнаго Лаврентьева монастыря. Доказательствомъ послѣдняго братія старожилы Оптинскіе приводятъ такой

разсказъ. При тогдашней скудости въ іеродіаконахъ, одинъ изъ нихъ по имени Серапіонъ, родомъ изъ Орловскихъ мѣщанъ, поступивъ изъ міра въ Оптину Пустынь, настолько здѣсь образовался и пріучился къ церковному богослуженію, что могъ быть довольно хорошимъ іеродіакономъ. Онъ и былъ посвященъ; но черезъ короткое время выпросился на богомолье на Калужку къ чудотворной иконѣ Божіей Матери и подалъ въ Калугѣ прошеніе о переводѣ его въ архіерейскій монастырь праведнаго Лаврентія. Экономъ архіерейскаго дома іером. Августинъ и казначей были этому очень рады, потому что и въ Лаврентьевомъ монастырѣ въ то время нуждались въ іеродіаконахъ, и Консисторія поспѣшила его перемѣстить. Преосв. Григорій, бывшій въ то время въ Петербургѣ для присутствованія въ Св. Синодѣ, утвердилъ это перемѣщеніе; но когда О. Моисей донесъ ему о томъ, что іеродіаконъ Серапіонъ нуженъ для Оптиной Пустыни, то Преосв. Григорій на его доношеніи написалъ такую резолюцію: „возвратить іеродіакона, не смотря на то, что домъ нашъ остается пустъ“. Консисторія и возвратила О. Серапіона при указѣ, отъ 9 дек. 1827 года, въ которомъ прописана резолюція Преосвященнаго. И послѣ своего перемѣщенія изъ Калуги Преосв. Григорій I сохранилъ навсегда добрую память объ Оптиной Пустынѣ и ея настоятелѣ. Во время управленія своего Казанскою паствою приглашалъ туда монаховъ изъ Обители О. Моисея, а въ бытность свою Митрополитомъ Петербургскимъ съ участіемъ освѣдомлялся объ Оптиной Пустыни и съ любовію вспоминалъ объ О. Моисеѣ. Распрашивалъ о немъ пріѣзжавшихъ изъ Оптиной Пустыни въ столицу и выражалъ съ своей стороны очень доброе къ нему расположеніе.

Послѣ Преосв. Григорія I на калужской каѳедрѣ были не долгое время Пр. Гавріилъ 1828—1831 г. и Пр. Никаноръ 1831 — 1835. Оба эти архипастыря, хотя и не были особенно близки къ Оптиной Пустыни, но цѣнили въ извѣстной

степени труды ея настоятеля. Преосв. Гавріилъ, какъ видно изъ дѣлъ монастырскаго архива, сначала благоволилъ къ Оптиной Пустыни и ея настоятелю, но потомъ вслѣдствіе наговоровъ нѣкоторыхъ свѣтскихъ лицъ, какъ разсказываютъ старожилы, и доносовъ непокойныхъ людей изъ братіи измѣнилъ свое расположеніе къ О. Моисею и сталъ стѣснять его, требуя на вступленіе новыхъ лицъ въ Обитель и на другія дѣйствія настоятеля согласія братіи, (какъ будетъ сказано ниже). Опредѣлилъ въ число братіи Обители безъ согласія настоятеля священника села Косташева Ивана Захарова и исключеннаго изъ Калужской семинаріи ученика Алексѣя Бѣляева и присылалъ въ Оптину Пустынь не мало подначальныхъ,—эту язву монастырей.

Тѣмъ не менѣе 8 февраля 1829 г. Преосвященнымъ Гавріиломъ объявлена была О. строителю Моисею благодарность за попеченіе о поддержаніи благоустройства и порядка въ Оптиной Обители, съ напоминаніемъ однако, чтобы онъ, по мѣрѣ возможности, старался уплачивать монастырскій долгъ.

Въ томъ же году О. Моисей былъ опредѣленъ членомъ въ комитетъ по устроенію зданій въ Лихвинскомъ Покровскомъ Добромъ монастырѣ, а въ 1831 г. ему объявлено было отъ Преосвященнаго Гавріила благословеніе за вѣрное и успѣшное исполненіе сего возложеннаго на него порученія.

Въ 1832 году О. Моисей опредѣленъ былъ, тогдашнимъ Епископомъ Калужскимъ Преосвященнымъ Никаноромъ, благочиннымъ монастырей.

Объ отношеніяхъ послѣдняго Преосвященнаго къ обители можетъ свидѣтельствовать письмо его къ О. Моисею изъ Варшавы отъ 30 апрѣля 1847 г., по случаю посланныхъ Преосвященному книгъ, изданныхъ Оптиною Пустынью. Вотъ текстъ этого письма:

Преподобный Отецъ Игуменъ Моисей!

Въ бытность мою въ Калужской епархіи я нѣсколько разъ посѣщалъ Обитель, ввѣренную управленію Вашему, и всякій разъ утѣшался ея благосостояніемъ внутреннимъ и внѣшнимъ. Съ симъ утѣшеніемъ не перестаю вспоминать о Васъ и Обители Вашей, перемѣщаясь изъ одной епархіи въ другую, и, зная благоразуміе Ваше и опытность въ управленіи, представляю себѣ теперь Оптинскую Обитель въ цвѣтущемъ состояніи.

Пріимите искреннюю благодарность за доставленіе изданныхъ отъ Обители полезныхъ книгъ. Прошу сказать О. іеросхимонаху Іоанну *) благожеланіе мое: да подкрѣпляетъ его Господь въ силахъ и совершаетъ Свою силу въ его немощахъ.

Призывая на Васъ и братію Божіе благословеніе, есмь къ Вамъ съ истиннымъ почтеніемъ и искреннею любовію

Усерднѣйшій слуга
Никаноръ А. Варшавскій

Апрѣля 30-го дня 1847 г.
Варшава.

Не таковы были отношенія къ Оптиной Пустыни и ея настоятелю Преосвященнаго Николая, почти 17 лѣтъ (1835 — 1851) управлявшаго Калужскою епархіею. Вѣрно Промыслу Божію угодно было сначала поддержать О. Моисея и укрѣпить его на мѣстѣ настоятеля благосклонностью къ нему Калужскихъ Владыкъ, а потомъ попущены были и въ этомъ отношеніи скорби, которыя О. Моисей переносилъ съ великимъ терпѣніемъ и монашескою покорностью волѣ Божіей.

---

*) Написавшему нѣсколько книгъ противъ лжеученій раскольниковъ.

Преосвященный Николай, на сколько намъ извѣстно, былъ вообще неукоризненнымъ слугою Господнимъ, но имѣлъ неосторожность довѣрять иногда слухамъ, безъ точной ихъ провѣрки. Этимъ пользовались люди или точнѣе человѣкъ, стоявшій близко къ Преосвященному и нерасположенный къ О. Моисею.

Кромѣ доносовъ отъ братіи Оптиной Пустыни, о которыхъ мы скажемъ впослѣдствіи, Преосвященный слышалъ наговоры и порицанія дѣйствій О. Моисея и, можетъ быть, незамѣтно для себя самого, переходилъ мысленно на сторону противниковъ О. Моисея и стѣснялъ его.

Если и каждому домохозяину извѣстно, то тѣмъ болѣе начальнику монашескаго общежитія хорошо вѣдомо, какъ важно иногда присутствіе въ Обители и одного человѣка, способнаго къ дѣлу и благочестиво настроеннаго, тѣмъ болѣе—присутствіе нѣсколькихъ такихъ лицъ, служащихъ поддержкою для прочей братіи. Зналъ это хорошо и Преосвященный Николай, но, тѣмъ не менѣе, бралъ многихъ такихъ людей изъ братства Оптиной Пустыни и перемѣщалъ ихъ въ другія Обители, вопреки волѣ и взгляду на вещи О. Моисея.

Въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ въ Оптину Пустынь (въ 1837 г), Преосвященный Николай спросилъ О. Моисея: кто у васъ въ Обители способенъ къ казначейской должности? О. Моисей, подумавъ, отвѣчалъ: іеромонахъ Геронтій, Ваше Преосвященство. Такъ я его назначу строителемъ въ Тихонову Пустынь, сказалъ Преосвященный и когда О. Моисей выразилъ сожалѣніе объ этомъ, Преосвященный добавилъ: „или его, или О. Антонія давайте“. Послѣднее было конечно еще тяжелѣе для О. Моисея; за О. Антонія вступился и Старецъ О. Леонидъ и рѣшили отдать О. Геронтія. Преосвященный и назначилъ его въ Тихонову Пустынь и приказалъ отпустить съ нимъ нѣсколько способныхъ людей изъ числа братіи. Тяжело это было для О. Моисея, тѣмъ бо-

лѣе, что и самъ О. Геронтій отнюдь не желалъ такого назначенія и долго, упорно отказывался; но дѣлать было нечего. О. Моисей опять подчинился волѣ архипастыря, стараясь видѣть въ ней волю Божію и въ Тихонову Пустынь, вмѣстѣ съ ея новымъ строителемъ Геронтіемъ отправилась цѣлая колонія монаховъ изъ Оптиной Пустыни.

Но этимъ не ограничился для О. Моисея сердечный трудъ его относительно Тихоновой Пустыни.

Въ слѣдующемъ 1838 году полученъ былъ изъ Калужской консисторіи указъ о перемѣщеніи въ Тихонову Пустынь изъ Оптиной іеродіакона Маркелла. Іеродіаконъ этотъ былъ въ то время весьма нуженъ въ Оптиной Пустыни; способный къ хозяйству, онъ помогалъ старому и слабому силами Казначею въ исправленіи его должности и распоряжался постройками, которыя тогда возводились. О. Игуменъ Моисей подалъ Преосвященному прошеніе, въ которомъ изложилъ необходимость пребыванія О. Маркелла въ настоящее время въ Оптиной Пустыни и представлялъ на его мѣсто трехъ кандидатовъ, для перемѣщенія въ Тихонову Пустынь; но Преосвященный Николай не обратилъ на это вниманія, нашелъ представляемыхъ кандидатовъ недостаточными и возвратилъ О. Игумену Моисею его доношеніе съ резолюціею, которою подтверждалъ перемѣщеніе О. Маркелла.

Не легко было настоятелю Оптиной Пустыни прочитать эту резолюцію. Вспомнилъ, можетъ быть, старецъ Преосвященнаго Григорія I и его милостивое расположеніе къ Обители, столь благосклонно выраженное при возвращеніи О. іеродіакона Серапіона, но дѣлать было нечего, и, скрѣпя сердце, О. Моисей снова возвергнулъ печаль свою на Господа.

Прошло нѣсколько времени и новый, еще болѣе сильный ударъ поразилъ сердце О. Моисея. Преосвященный Николай въ концѣ лѣта 1839 года, объѣзжая по обычаю свою епархію, прибылъ въ Оптину Пустынь: посѣтилъ и Скитъ,

въ которомъ тогда начальствовалъ О. Антоній. Осматривая Скитъ Владыка вошелъ въ церковь, вошелъ и въ небольшой ея алтарь; пригласилъ войдти туда же О. Антонія и сказалъ ему: положи руку на престолъ. О. Антоній положилъ. Клянись мнѣ, продолжалъ Владыка, что ты не будешь отказываться, если Св. Синодъ, по моему представленію, назначитъ тебя настоятелемъ въ Малоярославецкій монастырь. О. Антоній, пораженный внезапнымъ требованіемъ Владыки, повиновался ему безпрекословно. По отъѣздѣ послѣдняго разсказалъ бывшее своему Старцу и брату О. Моисею, и съ тѣхъ поръ все горевалъ и плакалъ до самаго своего назначенія, послѣдовавшаго въ концѣ ноября того же года. Въ это время О. Игуменъ Моисей получилъ отъ Преосвященнаго Николая слѣдующее письмо:

Преподобнѣйшій Отецъ Игуменъ
Моисей!

Святѣйшій Синодъ предоставилъ мнѣ, по моему усмотрѣнію, избрать и произвесть кого либо въ Игумена Малоярославецкаго монастыря. Я не перемѣняю моей мысли о избраніи, вѣруя, что она отъ Бога, и единственно на пользу Обители Святителя Николая. Вамъ О. Антоній сказывалъ, или скажетъ теперь, если прежде не сказывалъ, какъ мы оба предъ престоломъ Господнимъ въ скитской церкви наединѣ, только двое, давали обѣтъ внимать званію Божію, и, если будетъ ему свыше избраніе на Игуменство Малоярославецкой Обители, то радѣть объ оной съ самоотверженіемъ. Половина дѣла сдѣлана прежде, хотя не съ полной надеждой, но съ упованіемъ истинно христіанскимъ. Да увѣнчается оно и плодами спасительными. О семъ моя молитва.

Вамъ остается разстаться съ добрымъ вашимъ помощникомъ и братомъ, наставить его совѣтами и препроводить къ посвященію во Игумена 3 числа декабря, дабы онъ вве-

денъ былъ уже 6 декабря въ Обитель, ввѣренную его управленію.

Болѣе не знаю, что сказать Вамъ. Водитесь при семъ благонамѣренностію и благоразуміемъ, призывая наипаче въ дѣлѣ семъ помощь Господа Бога, всеблагаго, премудраго и всемощнаго. Онъ укажетъ Вамъ кого избрать въ Скитскаго Настоятеля, и все устроитъ во благое.

Призывая Божіе благословеніе на Обитель Вашу со всѣми братіями нашими о Христѣ, есмь и пребуду въ попеченіи о всѣхъ васъ по долгу и званію моему

Николай Епископъ Калужскій и
Боровскій

23-го Ноября 1839 года.
Калуга

Тяжело было О. Моисею исполнить требованіе Владыки—отпустить О. Антонія, въ которомъ онъ имѣлъ вѣрнаго друга, въ высшей степени усерднаго помощника и безпредѣльно преданнаго ему послушника; но О. Моисей принялъ это назначеніе и свою разлуку съ О. Антоніемъ какъ отъ руки Господней, съ монашескою покорностію; самъ отвезъ О. Антонія въ Калугу и присутствовалъ при его посвященіи въ санъ Игумена. Преосвященный Николай, при свиданіи сказалъ О. Моисею; „вотъ я Вашего брата назначаю на мѣсто, высшее того, которое Вы сами занимаете“.—Ему и подобаетъ рости, Ваше Преосвященство, мнѣ же малитися, смиренно отвѣчалъ О. Игуменъ Моисей и такъ писалъ брату своему изъ Калуги, вслѣдъ за разлукою съ нимъ, въ первый разъ на новое мѣсто его служенія.

Любезный братъ!

Привѣтствую тебя поздравленіемъ въ новомъ санѣ, на новомъ мѣстѣ должности настоятельской и съ высокоторже-

ственнымъ праздникомъ великаго угодника Христова Николая чудотворца. Усердно желаю тебѣ отъ души возмогать о Господѣ въ державѣ крѣпости Его, а не отъ своего разума и силы чего либо добраго ожидать. Сила бо Божія совершается въ немощи нашей, да уповаемъ на Господа. Кротость и воздержаніе съ терпѣніемъ находящихъ скорбей привлечетъ на тебя Божіе благоволеніе, и, по вѣрному слову Христову, „*претерпѣвый до конца той спасенъ будетъ*". (Ев. Марка 13, 13). Искреннее попеченіе о тебѣ по чувству и долгу братской и отеческой любви возлагаю на Господа и упованіемъ на спасеніе Его душевно себя успокоиваю.

Не оставляй сообщать мнѣ свѣдѣнія о всемъ пребываніи твоемъ на новомъ мѣстѣ, дабы я могъ участвовать во всемъ, моля всегда премилосердаго Бога о дарованіи тебѣ истиннаго разума и силы, во исполненіе святой Его воли.

Пожелавъ тебѣ и всему ввѣренному тебѣ братству мирнаго жительства, добраго здравія и спасенія, остаюсь навсегда благожелательнымъ богомольцемъ

недостойный И. Моисей.

5 Декабря 1839 г.
Калуга.

Не прошло еще трехъ лѣтъ послѣ отбытія изъ Оптиной Пустыни О. Антонія съ близкими ему братіями, какъ взятъ былъ опять изъ Оптиной же Пустыни въ настоятели Мещовскаго Георгіевскаго монастыря іеромонахъ Никодимъ, также съ нѣсколькими человѣками изъ числа братства.

Трудно было О. Игумену Моисею отпускать изъ своей Обители людей, которые собрались сюда уже при немъ, и изъ которыхъ многіе были ему духовно близки, но при этихъ переселеніяхъ онъ могъ утѣшать себя мыслью, что, пересаженные на новыя мѣста, духовные прививки его, хотя и поболятъ, какъ онъ выражался, но примутся и возрастутъ съ

нравственною пользою для другихъ Обителей, а въ Оптину Пустынь Господь пошлетъ новыхъ жителей—подвижниковъ, что и сбывалось дѣйствительно. Господь посылалъ людей, желавшихъ поступить въ число братіи, но и въ этомъ послѣднемъ случаѣ—опредѣленіи новыхъ братій—О. Игуменъ Моисей, попущеніемъ Божіимъ, терпѣлъ отъ Преосвященнаго Николая большое стѣсненіе.

Въ началѣ своего управленія Калужскою епархію Преосвященный Николай, не смотря на доносы, нѣсколько болѣе благоволилъ къ Оптиной Пустыни, чѣмъ впослѣдствіи. Въ 1837 году 5 сентября, при освященіи придѣльнаго храма во имя Св. Николая чудотворца произвелъ О. Моисея въ санъ Игумена, но потомъ, вслѣдствіе недоразумѣній, о которыхъ мы упомянули выше, отношенія Преосвященнаго къ Обители приняли особенный, стѣснительный характеръ. По никому неизвѣстной причинѣ, для одной только Оптиной Пустыни, исключительно изъ всѣхъ монастырей Калужской епархіи, назначено было: не опредѣлять указомъ въ число послушниковъ никого, безъ личнаго представленія Преосвященному и выдержанія экзамена изъ чтенія и пѣнія церковнаго, катихизиса и священной исторіи. Экзамены эти производилъ самъ Преосвященный и притомъ иной разъ и довольно строго.—Знакомымъ съ монастырскою жизнью довольно извѣстно, что въ монашескихъ общежитіяхъ есть различныя послушанія (въ смыслѣ занятія) и не отъ каждаго изъ братіи требуются книжныя познанія. Иной благочестиво трудится въ простотѣ сердца, довольствуясь церковнымъ богослуженіемъ и внутреннею молитвою, при исполненіи самихъ дѣломъ заповѣдей Божіихъ, и преуспѣваетъ въ дѣлѣ угожденія Богу не менѣе, если еще не болѣе, получившихъ хорошее образованіе. Доказательствомъ этому служатъ въ древности Св. Антоній Великій, Св. Спиридонъ Тримифунтскій и многіе другіе, а въ наше время—пещеры Кіево-Печерской

Лавры, въ которыхъ нетлѣнно почиваютъ почти рядомъ и преподобный Несторъ лѣтописецъ земли Русской и преподобный Несторъ некнижный. Преосвященному Николаю все это было безъ сомнѣнія очень хорошо извѣстно; но, тѣмъ не менѣе, онъ не отступалъ отъ установленнаго имъ же самимъ порядка относительно Оптиной Пустыни: такъ что бѣдному послушнику, желавшему въ то время поступить въ Оптину Пустынь и быть потомъ постриженнымъ въ монашество предстояло кромѣ обычнаго, установленнаго церковными правилами, трехлѣтняго испытанія, выдержать еще три экзамена отъ Преосвященнаго Николая лично: первый передъ опредѣленіемъ въ число указныхъ послушниковъ, второй передъ одѣваніемъ въ рясу и камилавку и, наконецъ, третій передъ постриженіемъ въ монашество.

Изъ числа многихъ такихъ экзаменовъ одинъ живо сохранился въ памяти братіи Оптиной Пустыни. Разъ, въ пріѣздъ Преосвященнаго Николая, послѣдній потребовалъ къ себѣ на экзаменъ, въ настоятельскія келліи, нѣсколько человѣкъ, желавшихъ быть опредѣленными указами въ число братіи. Преосвященный началъ ихъ спрашивать изъ катихизиса. Мы не готовились къ экзамену, Пр. Владыко, отвѣчалъ одинъ изъ нихъ, а въ келліяхъ читаемъ больше монашескія книги.—Какія же вы книги читаете?— Св. Аввы Дороѳея, Св. Іоанна Лѣствичника.—Ну скажи мнѣ что нибудь изъ книги Іоанна Лѣствичника.—Простите, Преосвященнѣйшій Владыко, я читать читаю, а разсказать не могу. —Почему же не можешь?—Да какъ-то въ памяти не остается.—Да, это правда, вотъ я и самъ Лѣствичника книгу читаю, да какъ-то она въ памяти не остается. О. Игуменъ, продолжалъ Преосвященный, обращаясь къ О. Настоятелю, смиренно стоявшему въ сторонѣ, вы что на это скажете, почему книга Лѣствичника плохо остается въ памяти?—Да вѣдь эти книги, Ваше Преосвященство, дѣла требуютъ, отвѣ-

чалъ такъ же смиренно, какъ и стоялъ, О. Игуменъ Моисей. Преосвященный замолчалъ. Однако экзамены продолжались и послѣ этого и много стѣсняли опредѣленіе новыхъ лицъ въ число братіи.

Каково было О. Игумену Моисею переносить все это. По его взгляду на вещи надобно было принимать въ Обитель всѣхъ, искренно желавшихъ служить Богу; но, принявъ ихъ, онъ не могъ, согласно своему желанію, успокоить ихъ „пріуказкою“ т. е. твердымъ помѣщеніемъ въ число штатной братіи. Вотъ гдѣ испытывалось и укрѣплялось его терпѣніе; но возложившись разъ навсегда на волю Господа Бога и Его святый Промыслъ, покойный О. Игуменъ нашъ Моисей не хотѣлъ прибѣгать ни къ какимъ человѣческимъ средствамъ, чтобы избавиться отъ этихъ невзгодъ, а еще утѣшалъ и братію, скорбѣвшую о незаслуженныхъ притѣсненіяхъ, потому что Преосвященный Николай иногда отказывалъ даже въ рясофорѣ и давно жившимъ въ Обители.

Всегда сосредоточенный въ себѣ самомъ О. Игуменъ Моисей не выражалъ ни малаго ропота на дѣйствія угнетавшей его власти и только къ духовному своему сыну, брату и вмѣстѣ другу, О. Игумену Антонію писалъ въ 1848 году 19 февраля „а бывшія скорбныя касательности отъ той десницы, которая преподавала благодать и милость намъ грѣшнымъ, должно понести во смиреніи души: въ чемъ мнѣ и тебѣ да поможетъ Господь“, — и въ другой разъ 25 февраля того же 1848 года: „смиряющія насъ касательности А. надобно понести терпѣливо съ Божіею помощію, и благо намъ будетъ напослѣдокъ“.

Однако прискорбныя эти *„касательности“* отъ начальства, скудость средствъ къ содержанію братства и другія скорби поколебали разъ твердость О. Моисея на столько, что онъ собрался отказаться отъ настоятельства, но, не довѣряя себѣ и боясь своей воли, пошелъ къ своему духовнику О.

іеросхимонаху Іоанну поговорить объ этомъ дѣлѣ. Послѣдній, Старецъ замѣчательный своею святою простотою, рѣшительно не совѣтовалъ ему отказываться, повторяя: „какъ же, этакое право-да (обычное присловіе О. Іоанна), ты насъ стариковъ собралъ, да теперь и откажешься. Нѣтъ, нѣтъ, какъ же мы то останемся безъ тебя? Нѣтъ, не отказывайся". О. Моисей, въ то время еще Игуменъ, принялъ эти слова за выраженіе воли Божіей и остался.

Черезъ нѣсколько времени послѣ этого разговора О. Игуменъ Моисей и О. Іоаннъ сошлись опять въ келліи одного больнаго іеромонаха, котораго оба пришли посѣтить. Поговоривъ немного съ больнымъ, оба старца сѣли и О. Игуменъ сказалъ: вотъ, братъ мой Игуменъ Антоній все унываетъ въ Малоярославцѣ и хочетъ отказаться отъ начальствованія. Уныніе это также страсть, но страсть, ничѣмъ неутѣшающая.

О. Іоаннъ въ отвѣтъ на это спросилъ его: а о себѣ-то какъ ты теперь думаешь, на счетъ того, что хотѣлъ отказаться отъ настоятельства?—Да, ужъ „хощу якоже будетъ", отвѣчалъ О. Моисей.

Кромѣ упомянутыхъ нами грустныхъ экзаменовъ представился еще случай, немало украсившій вѣнецъ терпѣнія, заслуженный и несомнѣнно полученный отъ Бога О. Игуменомъ Моисеемъ. Въ 1850 году объявлена была ревизія. Преосвященный Николай не позволилъ ни одного изъ братіи въ это время опредѣлить въ число дѣйствительныхъ послушниковъ, тогда какъ въ другихъ епархіяхъ опредѣляли ихъ безъ всякаго затрудненія. По этой причинѣ нѣсколько весьма способныхъ людей вышли изъ Оптиной Пустыни и перемѣстились въ иныя епархіи, гдѣ они и заняли впослѣдствіи видныя мѣста *).

*) Въ числѣ прочихъ нынѣ духовникъ Саровской Пустыни іеромонахъ Амвросій, іером. той же Пуст. К. и іеромонахъ В.

Самаго нынѣшняго Настоятеля Оптиной Пустыни О. Игумена Исаакія, уже 19 лѣтъ благополучно ею управляющаго теперь и успѣшно поддерживающаго труды покойнаго О. Архимандрита Моисея, Преосвященный Николай не хотѣлъ въ это время опредѣлить указомъ, ссылаясь на ревизію, тогда какъ О. Игуменъ Исаакій, по происхожденію своему изъ почетныхъ гражданъ, ничего не имѣлъ общаго съ ревизіею, въ смыслѣ податей. Преосвященный Николай, лично экзаменовавшій О. Игумена Исаакія (въ то время еще Ивана Ивановича Антимонова), убѣждалъ его возвратиться домой, по случаю ревизіи и взять новую увольнительную бумагу; когда же О. Игуменъ Исаакій отвѣчалъ, что увольнительное свидѣтельство его вполнѣ достаточно для опредѣленія и за новою бумагою ему нѣтъ надобности ѣздить домой, Преосвященный, хорошо это знавшій, сказалъ: „Ну, все же лучше“, и потомъ быстро спросилъ: „ты вчера пѣлъ въ Скиту октавою“?—Я, ваше Преосвященство, отвѣчалъ О. Игуменъ съ обычнымъ приклоненіемъ головы. Ну, что съ тобою дѣлать, вѣрно уже принять“. Такимъ образомъ замѣчательно пріятный въ пѣніи и очень сильный октавистый басъ, которымъ пѣлъ Иванъ Ивановичъ, устранилъ всѣ мнимыя препятствія со стороны ревизіи и далъ ему мѣсто въ числѣ указныхъ послушниковъ Оптиной Пустыни.

Приводимъ этотъ разсказъ со словъ достопочтеннѣйшаго О. Игумена Исаакія, въ подтвержденіе того, съ какимъ трудомъ доставалось въ то время О. Игумену Моисею умноженіе числа братіи и достойнѣйшими изъ среды ея.—Казалось, что Преосвященный Николай пользовался каждымъ, и нужнымъ и ненужнымъ, предлогомъ для того только, чтобы поучить О. Игумена Моисея терпѣнію и перенесенію обидъ. Какъ же и чѣмъ воздавалъ за это Преосвященному О. Игуменъ?—Могъ онъ роптать; могъ черезъ своихъ вліятельныхъ знакомыхъ дѣйствовать противъ Преосвященнаго Николая,

но строгій блюститель закона Христова имѣлъ въ виду только исполненіе послѣдняго и усиленно старался платить за зло добромъ.

Въ 1850 году скончался келейникъ Преосвященнаго Николая іеромонахъ Иннокентій. Архіерею необходимъ былъ на его мѣсто благонадежный іеромонахъ. Куда же было обратиться за нимъ, если не опять въ Оптину пустынь, не опять къ О. Моисею, постоянно тѣснимому. *Не побѣжденъ бывай отъ зла, а побѣждай благимъ злое* (Рим. 12, 21) всегда совѣтовалъ послѣдній намъ, своимъ подчиненнымъ, не упускалъ онъ самъ случаевъ къ исполненію на дѣлѣ этого апостольскаго завѣщанія; не упустилъ и послѣдняго, — рѣшился, для успокоенія Преосвященнаго, пожертвовать ближайшимъ къ себѣ человѣкомъ, своимъ старшимъ келейникомъ, жившимъ при немъ—двадцать лѣтъ и въ то время уже іеродіакономъ О. Нифонтомъ. Кромѣ замѣчательныхъ способностей къ хозяйству и пріобрѣтенной въ этомъ дѣлѣ опытности, О. Нифонтъ имѣлъ еще хорошій голосъ—басъ, пѣлъ на правомъ клиросѣ и при своей прекрасной, представительной наружности служилъ замѣчательнымъ украшеніемъ для богослуженія въ Оптиной Пустыни. Можно себѣ представить, какъ дорожилъ такимъ іеродіакономъ Настоятель, который, въ первое время своего пребыванія въ Обители, не имѣлъ ни одного способнаго іеродіакона, а вынужденъ былъ приглашать такого изъ другаго мѣста. Самъ О. Нифонтъ отнюдь не желалъ перемѣщаться въ Калугу; каково же было разстаться съ нимъ О. Моисею, живо принимавшему къ сердцу и чужія скорби; но онъ рѣшилъ, что надобно разстаться для успокоенія Преосвященнаго и такъ писалъ объ этомъ въ Малоярославецъ къ О. Игумену Антонію 25 апрѣля 1850 года: „и я готовлю отправить въ завтрашній день къ посвященію О. Нифонта во іеромонаха, только не для своей Обители, а для дома Архіерейскаго, на мѣсто покойнаго О.

Иннокентія, чѣмъ я Владыкѣ изъявилъ отъ себя усердіе, съ рекомендаціею объ немъ, и считаю это за благое дѣло: не только Архипастырю услужить онымъ, но и всѣмъ Обителямъ Калужской епархіи, которыя обыкновенно входятъ со всѣми потребностями ко Владыкѣ посредствомъ докладчика. Способности О. Нифонта къ келейной услугѣ и хозяйственной распорядительности довольно опытныя въ аккуратности и вѣрности. Владыка принимаетъ его благосклонно. Будемъ молить всеблагаго Бога, чтобы Онъ управилъ сіе къ общему благу".

О. Нифонтъ былъ немедленно перемѣщенъ въ Калужскій архіерейскій домъ и посвященъ въ іеромонаха; но очень скорбѣлъ о своемъ перемѣщеніи, какъ голубица Ноева не находилъ покоя мысленнымъ ногамъ своимъ и рвался назадъ въ Оптину Пустынь.

Въ одинъ изъ пріѣздовъ О. Игумена Моисея въ Калугу, О. Нифонтъ при другихъ, съ большою скорбью и горячностію, высказалъ ему свое душевное состояніе и порицалъ его за то, что отдалъ его въ Калугу. „Не служилъ ли я, Батюшка, Вамъ и Св. Обители двадцать лѣтъ; не старался ли я, какъ только могъ, и что же Вы со мною за это сдѣлали? Выслали меня изъ Обители и сослали сюда въ Калугу. Вѣдь я здѣсь не іеромонахъ, а просто каммердинеръ Преосвященнаго... и многое еще говорилъ О. Нифонтъ, въ своей жгучей скорби, но О. Игуменъ все выслушалъ молча, не проронилъ ни одного слова, изъ слышаннаго, но и самъ не сказалъ ни полъ-слова въ отвѣтъ, а что у него было въ это время на сердцѣ — можно себѣ представить! Онъ самъ имѣлъ нужду въ присутствіи О. Нифонта въ Обители, глубоко и живо сочувствовалъ его скорби, но исполненіе заповѣдей Евангельскихъ предпочиталъ всему.

Горячій отъ природы по темпераменту, постояннымъ, усиленнымъ трудомъ надъ собою и молитвеннымъ подвигомъ

пріобрѣлъ О. Моисей кротость, заповѣданную Господомъ, и, въ случаяхъ сильной скорби и тревоги мысленной, предпочиталъ молчаніе и внутреннюю молитву, потому, смѣемъ думать, не сказалъ онъ и О. Нифонту на этотъ разъ ни слова, да и О. Нифонтъ, сильно тогда взволнованный, не могъ бы спокойно выслушать слова Старца; послѣдній ясно видѣлъ это и рѣшился, по обычаю, все вынести на себѣ и покрыть молчаніемъ.

Преосвященный Николай былъ доволенъ услугами О. Нифонта и не желалъ отпустить его отъ себя. Казалось бы—пора успокоить и Старца Игумена Моисея; но Преосвященный, по неизвѣстному намъ побужденію, готовилъ ему новый и несравненно большій трудъ; хотѣлъ его, на закатѣ святой его жизни, разлучить съ любимою и устроенною имъ Оптиною Пустынью и перемѣстить въ настоятели 3-е класснаго Лютикова Троицкаго монастыря, съ возведеніемъ въ санъ Архимандрита. Намѣреніе Преосвященнаго Николая было для многихъ тайною, но О. Игуменъ Моисей узналъ о немъ и очень скорбѣлъ. Въ тоже время писатель этихъ строкъ слышалъ отъ покойнаго нашего Старца О. Макарія, также за тайну, что „О Игуменъ нашъ скорбитъ, боится, что Архіерей сдѣлаетъ его Архимандритомъ и переведетъ въ Лютиковъ монастырь“. Однако лишь по кончинѣ О. Игумена Антонія, изъ писемъ къ нему О. Игумена Моисея, сдѣлалось извѣстнымъ, что О. Архимандритъ Моисей не только боялся перевода въ Лютиковъ монастырь, не только скорбѣлъ объ этомъ, но и просилъ участія въ этомъ дѣлѣ бывшаго Намѣстника Троицкой Сергіевой Лавры Архимандрита Антонія. „О Лютиковѣ такъ мыслю, писалъ О. Игуменъ Моисей къ О. Антонію 28 марта 1850 года, — въ наказаніе за грѣхи мои долженъ туда пойдти—на смерть, а не на жизнь. Отъ чего да избавитъ меня премилосердый Отецъ Небесный. Смерть бо грѣшникомъ люта“ — и 4 апрѣля 1850 г. —

„Относительно степени Лютикова монастыря желалъ бы знать рѣшительную волю Архипастыря и—не послѣдовало ли представленія вмѣстѣ съ прочими. Въ такомъ случаѣ я избралъ бы съ Божіею помощію мѣры къ избавленію себя отъ новаго неудобоносимаго ига, по лѣтамъ моимъ и великой немощи, какую въ себѣ чувствую постоянно. Нельзя ли тебѣ узнать отъ О. Архимандрита или отъ кого другаго и меня не помедля увѣдомить, на какомъ я нахожусь распоряженіи Начальства". Получивъ на эти строки отъ О. Игумена Антонія отвѣтное письмо, содержаніе котораго къ сожалѣнію не дошло до насъ, О. Игуменъ Моисей снова писалъ къ нему 15 апрѣля 1850 года. „О. Намѣстнику (Троицкой Сергіевой Лавры Архимандриту Антонію) я писалъ благодарность за все и особою записочкою объяснилъ милость Архипастыря ко мнѣ въ ходатайствѣ степени Лютикова монастыря". По кончинѣ О. Архимандрита Моисея, въ числѣ бумагъ его, найдена была и самая черновая „особая записочка". Вотъ она: „Братъ Антоній писалъ ко мнѣ слышанное изъ устъ Владыки нашего, что онъ хочетъ исходатайствовать мнѣ степень Лютикова монастыря. Не знаю въ благостномъ ли это духѣ, или только возложить на меня почетное наказаніе за грѣхи мои? Я не отыскивалъ никогда никакихъ степеней, и въ первомъ случаѣ подклонить главу подъ священный санъ весьма страшился и трепсталъ и болѣе полугода не рѣшался на оное. Конечно наказаніе я по всей справедливости заслужилъ, но молю премилосердаго Господа: Господи, да не яростію Твоею обличиши мене, ниже гнѣвомъ Твоимъ накажеши мене, Помилуй мя, яко немощенъ есмь. Смерть бо грѣшникомъ люта. и мнѣ немощному въ этой участи Лютикова монастыря не хочется быть по преклоннымъ моимъ лѣтамъ. Признаюсь откровенно предъ Вами, опечаливаетъ меня такая милость Архипастыря". Эта ли особая записочка, объяснявшая милость Архипастыря, была представлена О. Намѣстникомъ Высоко-

преосвященному Митрополиту Московскому Филарету и вызвала его могущественное слово въ пользу оставленія О. Игумена въ Оптиной Пустыни, или инымъ путемъ Господь удержалъ Преосвященнаго Николая отъ исполненія его намѣренія, намъ неизвѣстно, но только, къ счастью Оптиной Пустыни и успокоенію О. Игумена Моисея, намѣреніе Владыки замедлялось въ осуществленіи, а смерть Преосвященнаго Николая, послѣдовавшая въ 1851 году, положила ему и совершенный конецъ. Съ кончиною тогдашняго Калужскаго Архипастыря темный горизонтъ Оптиной Пустыни прояснился; на немъ взошла звѣзда радости,—пріѣздъ на епархію Преосвященнаго Григорія II. По примѣру Григорія I, новый Калужскій Владыка оцѣнилъ заслуги О. Моисея и благосклонно сочувствовалъ и содѣйствовалъ его трудамъ. Не только милостивымъ отеческимъ обращеніемъ, но и видимыми знаками своего благоволенія почтилъ Преосвященный Григорій многолѣтніе труды О. Моисея. По представленію Преосвященнаго, въ 1853 году, О. Игуменъ Моисей былъ возведенъ въ санъ Архимандрита, а въ 1859 году награжденъ орденомъ Св. Анны 2-й степени, и мирно провелъ послѣднее десятилѣтіе своихъ настоятельскихъ трудовъ подъ покровомъ благочестиваго Святителя, понимавшаго и цѣнившаго его духовныя заслуги, не только для Оптиной Пустыни, но и для другихъ Обителей Калужской епархіи. Въ теченіе этихъ послѣднихъ десяти лѣтъ жизни О. Архимандрита Моисея, Оптина Пустынь снова дѣлилась своею братіею и съ Тихоновою Пустынью, куда назначенъ былъ въ настоятели, по смерти О. Геронтія, сначала духовникъ Оптиной Пустыни іеромонахъ Паисій, а вскорѣ послѣ него бывшій уставщикъ Оптиной Пустыни іеромонахъ Моисей и до нынѣ благополучно и плодотворно управляющій Тихоновою Пустынью въ санѣ Архимандрита. Въ 1857 году два іеромонаха Оптиной Пустыни Ювеналій Половцевъ и Леонидъ Кавелинъ и одинъ

монахъ Александръ Яновскій были назначены членами Духовной Іерусалимской Миссіи. Но все это совершилось мирно, безъ оскорбленій для О. Моисея, и, по нравственному состоянію братіи, равно какъ и по числу ихъ, не было уже прежнимъ ущербомъ для Обители. Лишь напослѣдокъ дней Отца Архимандрита набѣжало небольшое, туманное облачко, и то не отъ распоряженій Владыки, съ большимъ вниманіемъ къ Старцу разрѣшившаго недоразумѣніе, но отъ нѣкоторыхъ нетерпѣливыхъ изъ братіи;—тѣхъ братій, которые собрались при О. Моисеѣ и для которыхъ онъ столько потрудился, которые видѣли въ немъ постоянно, съ первыхъ дней до послѣднихъ часовъ его настоятельства, заботливаго и благодушнаго попечителя о ихъ нуждахъ и мудраго предводителя въ пустынѣ земной жизни.

Мы уже знаемъ, что немного находилось монаховъ и послушниковъ въ Оптиной Пустыни въ то время, когда О. Моисей былъ назначенъ общимъ Духовникомъ и Управляющимъ Обителью. Въ теченіе его управленія число всѣхъ братій увеличилось въ четверо; измѣнился составъ ихъ, измѣнилось и направленіе ихъ къ несомнѣнно лучшему въ духовномъ смыслѣ.

О. Моисей, имѣя въ виду слова Спасителя: *грядущаго ко Мнѣ не изжену вонъ* (Іоан. 6. 37), принималъ въ Обитель всѣхъ вновь приходившихъ изъ міра съ истиннымъ желаніемъ спастись. Не отказывался принимать въ братство и успокоивать и старцевъ, почтенныхъ священнымъ саномъ, и довольно потрудившихся въ другихъ обителяхъ. Такъ при немъ кончалъ дни свои въ Оптиной Пустыни *О. Архимандритъ Мельхиседекъ*, бывшій Намѣстникомъ Александроневской Лавры, а потомъ Настоятелемъ монастырей: Ростовскаго Яковлевскаго, Спасскаго въ Арзамасѣ и Спасо-Евѳиміевскаго Суздальскаго. Скончался онъ въ 1841 году, 80 лѣтъ отъ роду, проведя въ Оптиной пустыни 17 лѣтъ.

Далѣе, кромѣ Старцевъ О. Іеросхимонаха Льва и Іеросхимонаха Макарія, о которыхъ скажемъ впослѣдствіи, при О. Моисеѣ поселились и жили въ Оптиной Пустыни;

Іеросхимонахъ Геннадій, служившій на флотѣ, а потомъ при русской церкви въ Иромѣ въ Венгріи и удостоившійся два раза быть духовникомъ Императора Александра I (во время Веронскаго конгресса). О. Геннадій прожилъ въ Оптиной Пустыни двѣнадцать лѣтъ и скончался здѣсь въ 1846 году, семидесяти пяти лѣтъ отъ роду. *)

Игуменъ Варлаамъ бывшій настоятелемъ Валаамскаго первокласснаго монастыря. Мужъ богомудрый и многоопытный, проходившій высокую умную молитву. Скончался въ Скиту Оптиной Пустыни въ 1849 году, на семдесятъ третьемъ году отъ рожденія.

Іеросхимонахъ Іоаннъ ревностный обличитель раскольническихъ заблужденій. Въ дѣтствѣ онъ былъ отторгнутъ отъ Св. Православной Церкви, потомъ, обратившись къ ней съ великою ревностію, много пострадалъ отъ раскольниковъ, и въ старости, живя въ Скиту, что при Оптиной Пустыни, издавалъ противъ нихъ извѣстныя свои сочиненія. Отличался христіанскимъ незлобіемъ и кротостью. Скончался въ 1849 году 86 лѣтъ, изъ которыхъ пятнадцать провелъ въ Оптиной Пустыни.

Іеромонахъ Іовъ, бывшій духовникъ знаменитаго архіепископа Тверскаго Амвросія Протасова, поступилъ въ Оптину Пустынь въ 1832 году, скончался въ 1843 восмидесяти лѣтъ.

Іеромонахъ Иннокентій (въ схимѣ Іовъ) изъ Московскаго Андроніевскаго монастыря. Замѣчательный безмолвникъ, скончавшійся въ 1861 году. Тихо, спокойно лежалъ онъ въ своей предсмертной болѣзни и на вопросъ служившаго

---

*) Объ О. Архим. Мельхиседекѣ и Іером. Геннадіѣ см. Ист. Описаніе Козельской Введ. Опт. Пус. изд. 2-е стр. 370—385.

ему брата: Батюшка, не желаете ли вы чего нибудь, отвѣчалъ словами Апостола Павла: *„желаніе имѣю разрѣшитися и со Христомъ быти.“* Что и сбылось надъ нимъ вскорѣ. *)

Весь этотъ Соборъ почтенныхъ Старцевъ О. Моисей и принялъ въ Обитель и упокоивалъ съ свойственнымъ ему доброжелательствомъ и рѣдкимъ радушіемъ, оказывая имъ всегда подобающее почтеніе и привѣтливость, и стараясь по возможности удовлетворять ихъ потребностямъ и желаніямъ, а они съ своей стороны служили немалымъ украшеніемъ для Оптиной Пустыни.

И образованныхъ людей и простыхъ изъ всякаго сословія О. Моисей принималъ въ братство охотно, если видѣлъ въ нихъ благое намѣреніе угождать Богу; не требовалъ никакого вклада въ пользу Обители и въ 1847 году самъ выразился такъ одному пріѣзжему: „мы принимаемъ и тѣхъ, кто только себя принесетъ, иногда и въ рубищѣ, едва его прикрывающемъ“. По опыту зналъ онъ, что въ общежитіи потребно много рукъ; потребны и люди съ самыми многоразличными способностями, дарованіями и познаніями, что каждый тѣмъ или другимъ можетъ быть полезенъ Обители. Но не столько заботился О. Моисей о томъ, могутъ ли принимаемые имъ принести пользу Обители, сколько о томъ, чтобы Обитель дѣйствительно послужила къ ихъ душевной пользѣ и спасенію, и потому одинаково охотно принималъ не только молодыхъ и здоровыхъ, но и старыхъ и хилыхъ, изъявлявшихъ искреннее произволеніе посвятить остатокъ дней своихъ на служеніе Господу. Даже и слѣпыхъ было при О. Моисеѣ шесть человѣкъ. Съ особенною отеческою любовію смотрѣлъ онъ на своихъ слѣпыхъ, какъ они усердно подви-

---

*) Упомянутые Старцы: Игум. Варлаамъ, Іеросх. Іоаннъ и Іером. Іовъ и Іером. Иннокентій жили въ Скиту. См. о нихъ подробнѣе въ Истор. Опис. Скита Опт. Пус., изд. 2-е, стр. 212—248.

зались въ послушаніи, кто звонаремъ, кто въ хлѣбнѣ. При этомъ иногда съ удовольствіемъ вспоминалъ онъ, что и въ Саровской Пустыни, въ его тамъ бытность, жилъ слѣпой, который искусно плелъ мрежи (сѣти) и, занимаясь своимъ рукодѣльемъ, припѣвалъ Псаломскіе стихи: *сохрани мя отъ сѣти, юже составиша ми и отъ соблазнъ дѣлающихъ беззаконіе. Падутъ во мрежу свою грѣшницы. Единъ есмь азъ дондеже прейду* (Пс. 140, 9). *)

Случалось О. Моисею слышать и укоризны, зачѣмъ онъ, при такой скудости въ средствахъ, принимаетъ много народу. На это онъ обыкновенно отвѣчалъ: „чѣмъ больше принимается въ Обитель, тѣмъ больше молитвенниковъ и служащихъ Богу, Который на долю всякаго и посылаетъ потребное“.— Въ послѣдніе годы жизни О. Архимандрита Моисея одна почтенная Старица, пріѣхавшая въ Оптину Пустынь на богомолье, предложила ему тотъ же вопросъ: зачѣмъ онъ, терпя постоянно недостатокъ, принимаетъ въ Обитель столько больныхъ и старыхъ, которые работать не въ силахъ, тогда какъ содержаніе ихъ обходится не дешево?—„Отъ васъ ли я это слышу? отвѣчалъ О. Архимандритъ. Здоровый и молодой вездѣ найдетъ себѣ пристанище, а если старыхъ-то и неспособныхъ къ дѣлу, каковы мы съ вами, не призрѣвать, то куда имъ дѣться? Притомъ же на всякаго поступающаго въ монастырь Господь и посылаетъ, а на старичковъ и на больныхъ вдвое, потому что они сами ничѣмъ не могутъ воздать принявшей ихъ Обители“.—Но повторяемъ, что О. Моисей принималъ не всѣхъ безразлично, а обращалъ вниманіе на готовность и усердіе служить Богу въ Св. Обители. Въ одномъ только случаѣ О. Моисей затруднялся принимать: если

---

*) Въ настоящее время (1881 г.) есть въ Оптиной Пуст. также трое слѣпыхъ. Одинъ изъ нихъ О. Іоакимъ обладаетъ необыкновенною памятью. Знаетъ на изустъ весь Псалтирь и учитъ тому же другихъ.

кто либо, особенно изъ новоначальныхъ, желалъ перейдти въ Оптину, не ужившись въ своемъ монастырѣ. Таковыхъ онъ всячески уговаривалъ возвратиться на прежнее свое основаніе, т. е. туда гдѣ полагалъ начало, и принималъ только въ случаѣ рѣшительнаго отъ этого отказа.

Не ошибся О. Моисей въ духовномъ своемъ разсчетѣ. При помощи Божіей онъ собралъ большое братство и успѣвалъ питать и содержать его безбѣдно. Труды при этомъ бывшіе, онъ выносилъ главнымъ образомъ на себѣ, и безъ сомнѣнія получилъ отъ Господа многую мзду, за то что послужилъ дѣлу спасенія многихъ. Обитель же осталась въ духовной прибыли, сдѣлавшись мѣстомъ жительства, а потомъ и упокоенія многихъ истинныхъ рабовъ Божіихъ.

Труды О. Архимандрита Моисея относительно братіи не ограничивались заботою о томъ, чтобы построить и благоустроить для нихъ церкви и келліи, и снабдить братство одеждою и трапезою, о чемъ мы скажемъ впослѣдствіи, но главное вниманіе Старца было обращено на духовное воспитаніе братства и нравственную его поддержку. Благочиніе и продолжительность церковныхъ службъ, всѣ внѣшніе и внутренніе порядки Оптиной Пустыни, весь ея духовный строй, все это установилось и утвердилось въ настоятельство О. Моисея. Главная же и неоцѣнимая заслуга его состоитъ въ томъ, что онъ и на будущее время упрочилъ благоустройство Обители и Скита, рѣшившись при содѣйствіи посланныхъ ему Богомъ Старцевъ ввести въ своей Обители древній порядокъ иноческой жизни, учредить такъ называемое „Старчество“.

Подъ словомъ „Старчество“ разумѣется искреннее отношеніе духовныхъ дѣтей къ своему духовному Отцу, или Старцу. Отношеніе, которое выражается со стороны учениковъ совершеннымъ послушаніемъ, т. е. отсѣченіемъ предъ Старцемъ не только своей воли во всемъ, но и своего об-

раза мыслей, своихъ разумѣній и откровеннаго, полнаго исповѣданія тайнъ сердечныхъ, а со стороны Старца, не старика только лѣтами, а мужа духовно-разумѣющаго и обогащеннаго долгою опытностью, трудами и успѣхами на полѣ добродѣтелей, со стороны такого Старца, говоримъ—духовное назиданіе учениковъ съ любовію и разумнымъ снисхожденіемъ къ ихъ немощамъ, долготерпѣніе, соединенное съ постоянною молитвою о преуспѣяніи и спасеніи учениковъ, и образъ дѣйствій, согласный со словами Св. Писанія: „*начатъ Іисусъ творити же и учити*“ (Дѣян. 1, 1.). Такой путь послушанія Старцу, въ смыслѣ духовнаго общенія и руководства, есть безъ сомнѣнія самый безопасный для инока, самый надежный и скорѣе другихъ приводящій искренняго послушника къ его цѣли т. е. духовному совершенству.*)

Множество иноковъ, какъ видимъ изъ Писаній Св. Отцевъ подвижниковъ и изъ ихъ жизнеописаній, шли этимъ путемъ и преуспѣвали въ добродѣтеляхъ, въ цвѣтущія времена монашества. Впослѣдствіи путь этотъ сдѣлался болѣе рѣдкимъ и только въ прошломъ столѣтіи просіялъ снова въ Молдавскихъ общежитіяхъ у знаменитаго и по истинѣ великаго въ добродѣтеляхъ Архимандрита Паисія Величковскаго. Оттуда проникло Старчество и въ наше отечество.

Судя по вышеупомянутымъ свойствамъ истиннаго Старца, конечно не всякій инокъ, хотя бы онъ и долгое время подвизался, можетъ быть Старцемъ и руководителемъ другихъ. О. Моисей безъ сомнѣнія могъ имъ быть для многихъ, какъ

---

*) Желающій ближе познакомиться съ этимъ путемъ иноческой жизни найдетъ много свѣдѣній о немъ въ книгахъ Св. Отцевъ: Василія Вел. См. О подвижничествѣ Іоанна Лѣствич. сл. 4-ое и слово къ Пастырю, Св. Аввы Дороѳея Сл. 5-ое; въ Добротолюбіи у Св. Кассіана Римлянина Слово о разсужденіи. Ѳеодора Едесскаго гл. 40—46. Каллиста и Игнатія Сл. 14 и 15-го (ч. 2-я) Симеона Нов. Бог. гл. 15—19; 38—44 проч. См. Также Сборникъ писемъ іеросх. Макарія особенно 4-ю часть къ монахинямъ.

былъ для своего брата О. Игумена Антонія и другихъ въ Рославльскомъ лѣсу; но, при разнообразныхъ заботахъ настоятельской должности, не считалъ этого удобнымъ для себя. Зная по собственному опыту и плоды своей воли, хотя и на добро направленной, и плоды искренняго послушанія духовному наставнику, О. Моисей несомнѣнно желалъ доставить своему братству наиболѣе удобный путь къ духовному совершенству. Смѣемъ думать, на основаніи другихъ его дѣйствій, что онъ и много и усердно молился о семъ Богу, потому что Господь послалъ къ нему въ Обитель Старцевъ О. Леонида и О. Макарія, бывшихъ истинными и яркими свѣтильниками вѣры, Евангельскаго благочестія и сокровенной иноческой жизни во Христѣ.

Въ 1829 году помѣстился въ Оптину Пустынь О. Леонидъ, а въ 1834 году, съ согласія О. Моисея, прибылъ сюда же и водворился здѣсь, для совмѣстнаго жительства съ О. Леонидомъ, и Іеромонахъ О. Макарій Ивановъ, бывшій прежде уставщикомъ и ризничимъ въ Площанской пустыни.

„Оба Старца, говоритъ о нихъ покойный Преосвященный Игнатій Брянчаниновъ *), лично и хорошо ихъ знавшій, были напитаны чтеніемъ Отеческихъ Писаній о монашеской жизни; сами руководствовались этими писаніями, руководствовали ими и другихъ, обращавшихся къ нимъ за назидательнымъ совѣтомъ... Память ихъ была богато украшена мыслями святыми. Никогда они не давали совѣтовъ изъ себя; всегда представляли въ совѣтъ изреченіе или Св. Писанія или Отцевъ. Это давало совѣтамъ ихъ силу; тѣ, которые хотѣли бы возразить на слово человѣческое, съ благоговѣніемъ выслушивали слово Божіе, и находили справедливымъ покорить ему свое умствованіе“.—Но еще болѣе придавало силы ихъ совѣтамъ то, что они не только изучили творенія Св.

---

*) См. Аскетич. Опыты. Ч. 1-я О Монашествѣ. Стран. 535 и 542.

Отцевъ подвижниковъ, но и осуществляли ихъ совѣты въ собственной своей жизни; сами дѣломъ проходили то, что встрѣчали въ книгахъ Св. Отцевъ. О. Леонидъ въ теченіе многихъ лѣтъ находился въ искреннемъ послушаніи своему Старцу схимонаху Ѳеодору, съ согласія котораго оставилъ и должность Начальника Бѣлобережской Пустыни. Старцемъ О. Макарія былъ сначала одинъ изъ учениковъ Архимандрита Паисія схимонахъ Аѳанасій, а потомъ О. Леонидъ, подъ руководство котораго О. Макарій, искавшій въ себѣ плодовъ истиннаго послушанія, поступилъ уже въ то время, когда многіе имѣли его самого своимъ наставникомъ. Такимъ образомъ О. Леонидъ и О. Макарій какъ дѣлатели, вкусившіе отъ плодовъ послушанія, могли съ духовною пользою вести по этому пути и другихъ, прибѣгавшихъ къ нимъ съ вѣрою и покорностью. Бывши въ началѣ сами хорошими послушниками *) они сдѣлались въ свое время мудрыми Старцами и съ твердостью и искуствомъ могли руководить и новоначальныхъ и преуспѣвавшихъ въ духовной жизни. Слава о нихъ вскорѣ далеко распространилась и изъ разныхъ концевъ Россіи опытные духовные мужи стали присылать подъ ихъ руководство въ Оптину Пустынь людей всякаго сословія, желавшихъ посвятить себя монашеской жизни, но недоумѣвавшихъ касательно выбора монастыря. Такъ нѣсколько человѣкъ поступило въ Оптину Пустынь по совѣту Георгія затворника Задонскаго, другіе по совѣту Троекуровскаго затворника Иларіона; иные по совѣту Архимандрита Игнатія Брянчанинова и нѣкоторые по указанію О. Архимандрита Московскаго Симонова монастыря Мельхиседека.

Настоятель Обители О. Моисей всѣхъ принималъ съ лю-

---

*) Отчего въ настоящее время мало хорошихъ Старцевъ? спросили однажды Аѳонскаго духовника. Оттого, что мало хорошихъ послушниковъ, отвѣчалъ онъ. Старцами дѣлаются изъ послушниковъ.

бовію и, помѣщая въ братство, поручалъ духовному назиданію Старцевъ, ибо зналъ, что они возвѣщали своимъ слушателямъ по истинѣ *„глаголы жизни вѣчной.“* Поучали ихъ тому, что, произволяющимъ положить твердое начало иноческой жизни и преуспѣвать въ оной, необходимо идти узкимъ путемъ отсѣченія своей воли и разумѣній, и не только удерживать себя отъ дѣйствій по внушенію какой либо страсти, но исторгать и самые корни страстей, очищая сердце отъ страстныхъ помысловъ молитвою, самоукореніемъ и по возможности частымъ покаяннымъ объясненіемъ этихъ помысловъ духовному Отцу и наставнику.

Ради духовныхъ совѣтовъ начали приходить къ Старцамъ изъ городовъ и селеній люди разнаго рода: дворяне, купцы, мѣщане и простой народъ обоего пола и всѣ были принимаемы ими съ любовію и отеческимъ вниманіемъ къ ихъ сердечнымъ нуждамъ. Раскрывавшіе предъ ними свои душевные недуги и раны отходили вразумленными, утѣшенными, а часто и совершенно исцѣленными. Съ каждымъ годомъ стеченіе народа къ Оптиной Пустыни значительно умножалось, а съ тѣмъ вмѣстѣ увеличивались и средства къ процвѣтанію Обители.

Хотя въ духовномъ назиданіи братій и прочихъ лицъ, приходившихъ въ Оптину Пустынь, главными дѣйствующими лицами были Старцы: О. Леонидъ, а потомъ О. Макарій, но и О. Моисея заслуга и участіе въ этомъ дѣлѣ весьма велики. Не будь настоятель мужъ по истинѣ духовный, не содѣйствуй онъ введенію Старчества, оно не могло бы утвердиться въ Обители. О. Моисей съ любовію принялъ Старцевъ и водворилъ ихъ въ своей Обители. Онъ лучше другихъ понималъ высокое значеніе и силу ихъ благотворной дѣятельности, и, судя обо всемъ не по человѣческимъ толкамъ и понятіямъ, а съ духовной точки зрѣнія, онъ съ рѣдкимъ доброжелательствомъ и безпристрастіемъ содѣйствовалъ

трудамъ Старцевъ всѣми зависѣвшими отъ него мѣрами: безъ ихъ совѣта не опредѣлялъ и не постригалъ никого; новопоступившихъ и новопостригаемыхъ поручалъ ихъ руководству *) (послѣднихъ въ то время и исключительно О. Макарію); самъ во многомъ совѣтовался со Старцами касательно внутренняго благоустройства Обители и избралъ О. Леонида своимъ духовникомъ.

Случалось, что нѣкоторыя лица знакомыя Оптинскимъ Старцамъ, или только слышавшія объ нихъ, пріѣзжали въ Обитель и спѣшили по пріѣздѣ своемъ прямо къ Старцамъ, чтобы передъ ними излить свои духовныя нужды и скорби, и только на другой день, успокоившись мысленно, вспоминали, что они еще не видѣли Настоятеля, не принимали его благословенія. Но О. Моисей такихъ упущеній со стороны своихъ гостей будто не замѣчалъ, и когда бы кто ни являлся къ нему, всѣхъ принималъ съ одинаковою привѣтливостью и ласкою, и всѣ уходили отъ него утѣшенные его благодушіемъ и духовною мудростью. Но особенно смиреніе О. Игумена Моисея и величіе его духа видно въ томъ, что онъ самъ обладалъ и даромъ слова и знаніемъ сердца человѣческаго и вѣдѣніемъ Св. Писанія и Отеческихъ книгъ, и духовною мудростью и потому, какъ мы уже говорили, весьма могъ быть духовнымъ наставникомъ другихъ; но съ одной стороны, понимая какъ трудно въ одномъ лицѣ совмѣстить эти двѣ обязанности: настоятеля и Старца, и съ другой вполнѣ довѣряя О.О. Леониду и Макарію, онъ не обнаруживалъ своихъ духовныхъ, старческихъ дарованій. Съ посѣтителями велъ онъ обыкновенно какой либо общій, назидательный разговоръ, зная, что они, по личной духовной пот-

---

*) Лишь весьма немногіе изъ братій сначала исповѣдывавшіеся у О. Архим. Моисея, когда онъ былъ общимъ духовникомъ Обители, исповѣдывались у него и до смерти.

ребности своей вѣрно уже слышали или еще услышатъ отъ Старца должное наставленіе. Даже съ братіями, искренно относившимися къ Старцу, О. Моисей избѣгалъ брать на себя наставничество, а только при случаѣ, вкратцѣ дѣлалъ имъ какъ настоятель нужное замѣчаніе. Случалось, что во время какой либо поѣздки О. Игумена Моисея, по благочинію или съ другою цѣлью, сопровождалъ его кто либо изъ братій, имѣвшихъ близкое отношеніе къ Старцу; и, въ продолженіе многихъ дней, О. Игуменъ не скажетъ ему бывало ни одного слова собственно къ его назиданію, зная, что у него есть наставникъ, котораго онъ долженъ держаться. Многіе и не подозрѣвали, что тотъ, котораго они считали только хорошимъ хозяиномъ, и мудрымъ настоятелемъ, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и мужемъ по истинѣ духовнымъ, въ полномъ значеніи этого слова. Другіе, хотя и знали это, но не могли подвигнуть его оставить любимое свое молчаніе и только изрѣдка, по просьбѣ немногихъ лицъ, соглашался онъ объяснить то или другое неудобопонятное мѣсто изъ Св. Писанія или побесѣдовать о чемъ либо духовномъ, и тогда всѣ заслушивались мудрыхъ его словъ.—Однажды, особенный случай заставилъ О. Архимандрита сдѣлать нѣкоторымъ лицамъ въ Обители наставленіе въ присутствіи О. Макарія. Изъ устъ Старца—Настоятеля такъ и полились рѣчи, исполненныя мудрости и силы духовной. Всѣ съ изумленіемъ слушали его, изумляясь и тому, какъ онъ говоритъ, а еще болѣе тому, какъ онъ всегда молчитъ, имѣя такія дарованія. Но, повторяемъ, только особенные случаи заставляли такимъ образомъ О. Моисея высказываться. По духовной своей мудрости, онъ самымъ настоятельствомъ своимъ пользовался не для того, чтобы выставлять себя, а болѣе скрываться внутри себя: ни малѣйше не завидовалъ Старцамъ въ ихъ духовной дѣятельности и ея плодахъ, но съ смиренною мыслью оставлялъ себѣ только настоятельскіе труды и попеченія, повидимому

только внѣшнія заботы и благосостоянія Обители, утаивая отъ всѣхъ и свои дарованія и свои молитвенные труды о духовномъ преуспѣяніи братіи подъ руководствомъ Старцевъ.

Но этого мало. Заслуги свои касательно введенія въ Оптиной Пустыни Старческаго наставленія братіи О. Моисей запечатлѣлъ и тѣмъ, что перенесъ за это много скорбей.

При вступленіи О. Моисея въ должность Настоятеля Оптиной Пустыни были здѣсь въ числѣ братства люди, несомнѣнно благочестивые и подвизавшіеся о своемъ спасеніи, но, на сколько намъ извѣстно, болѣе направленные на тѣлесное дѣланіе: постъ, бдѣніе, молитву съ поклонами, псалмопѣніе и т. п. Внутреннее же дѣланіе инока — очищеніе сердца отъ страстныхъ помысловъ молитвою и исповѣданіемъ ихъ духовному наставнику — не входило въ кругъ духовной дѣятельности тогдашнихъ жителей Оптиной Пустыни. Заключаемъ это изъ того, что нѣкоторые изъ нихъ вооружались на своего Настоятеля за устройство Скита съ его безмолвною келейною жизнью и еще болѣе стали вооружаться на него и вооружать другихъ братій, за то что въ этомъ Скиту помѣстился на жительство О. Леонидъ съ своими учениками и сталъ принимать всѣхъ прибѣгавшихъ къ нему за наставленіями и совѣтами.

Основанное на ученіи древнихъ Св. Отцевъ ежедневное объясненіе помысловъ Старцу и повѣрка своихъ дѣйствій его наставленіями и совѣтами, казались невидавшимъ этого прежде старичкамъ только сплётнями, нововведеніями, которыя устроиваетъ О. Моисей съ Леонидомъ, а иные называли это просто новою ересью. Сначала роптали только между собою, потомъ стали доносить объ этомъ, конечно по своимъ понятіямъ и съ своими прибавленіями, Епархіальному Начальству и успѣли исходатайствовать у Преосвященнаго Гавріила указъ изъ Консисторіи, въ которомъ было сказано, чтобы четыре іеромонаха изъ старшей братіи вмѣстѣ

съ строителемъ и Казначеемъ участвовали въ совѣщаніяхъ по всѣмъ важнѣйшимъ дѣламъ Пустыни и безъ общаго ихъ согласія ничего, относящагося къ благоустройству Обители, не предпринималось и не вводилось въ дѣйствіе. Строителю предписывалось объ этомъ для надлежащаго исполненія и объявленія братіи, съ тѣмъ чтобы впредь всѣ исходящія бумаги по оной Пустыни поступали по принадлежности отъ имени его Строителя съ братіею. Это было въ 1830 году, т. е. годъ спустя послѣ водворенія въ Оптиной Пустыни О. Леонида. Каково было О. Моисею искренно и вседушно ревновавшему прежде всего о нравственномъ благѣ Обители получить этотъ указъ, выражавшій недовѣріе къ нему и связывавшій ему руки въ распоряженіяхъ! Но, возвергая, по обыкновенію, печаль свою на Господа, онъ вѣрно и при этомъ случаѣ повторялъ, какъ говаривалъ въ послѣдствіи: „да, всякое дѣло само себя оправдаетъ.“ Побѣждая противныхъ терпѣніемъ и молитвою, О. Строитель шелъ неуклонно своимъ путемъ, поручая новопоступавшихъ въ Обитель руководству О. Леонида и не возбраняя ему принимать на исповѣдь всѣхъ желавшихъ. Нѣкоторые изъ недовольныхъ братій стали успокоиваться, другіе по необходимости сходили съ своего поприща, число новыхъ учениковъ Старца Леонида увеличивалось и благотворное вліяніе его на братію, вопреки усиліямъ противниковъ, дѣлалось все сильнѣе и обширнѣе. Но невидимый врагъ мира и духовнаго преуспѣянія не дремалъ. Поднялась новая буря.

Одинъ изъ скитскихъ иноковъ и вмѣстѣ старожиловъ Оптиной Пустыни, схимонахъ Вассіанъ, воспылалъ мнимою ревностію за то, что къ О. Леониду ходятъ мірскіе люди ради совѣта, назиданія и исповѣди. Согласясь съ нѣкоторыми нерасположенными къ О. Строителю и О. Леониду братіями, О. Вассіанъ неоднократно писалъ къ Преосвященному доношенія о стеченіи къ О. Леониду народа и представлялъ

это соблазнительнымъ и нарушающимъ скитское безмолвіе, хотя посѣтители приходили не прямо въ Скитъ, но на пасѣку, гдѣ была келлія О. Леонида, и куда входъ былъ совершенно отдѣльный, слѣдовательно и никому отъ этого помѣхи не было. — Въ тоже время были въ епархіи и другія лица, не понимавшія или не нехотѣвшія понимать духовной дѣятельности Старца О. Леонида и распускавшія о немъ невыгодные слухи. Преосвященный Николай, желая утолить молву, а можетъ быть и самъ опасаясь получить какую либо непріятность по поводу усиливавшихся слуховъ, приказалъ перевести О. Леонида со скитской пасѣки въ монастырь и запретить входъ къ нему свѣтскимъ людямъ обоего пола. Исполняя волю Архипастыря О. Строитель Моисей, по неимѣнію въ то время въ монастырѣ удобной для О. Леонида келліи, перевелъ его въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1835 года въ другую келлію въ самомъ Скиту и прекратилъ такимъ образомъ посѣщенія Старца посторонними людьми. О. Строитель зналъ весьма хорошо, что онъ преграждалъ этимъ источникъ духовной пользы для многихъ, но безпрекословно, скорбя только душею, повиновался волѣ предержащей власти. Вскорѣ послѣ этого послѣдовало новое распоряженіе Преосвященнаго Николая, чтобы непремѣнно перемѣстить О. Леонида изъ Скита въ монастырь. Поводомъ къ этому послѣднему распоряженію былъ, какъ надобно полагать, очень злобный и несправедливый доносъ, поданный отъ неизвѣстнаго въ Москвѣ въ канцелярію жандармскаго управленія и препровожденный оттуда къ Калужскому Преосвященному. Послѣдній не могъ не обратить на этотъ доносъ серьёзнаго вниманія и потребовалъ отъ О. Строителя Моисея письменнаго объясненія. Копію съ отвѣта О. Моисея и этотъ доносъ писанныя имъ собственноручно сохранились въ его келейномъ архивѣ.

Изъ нихъ видно, какимъ злобнымъ клеветамъ подверга-

лись оба Старца: Строитель Оптиной Пустыни и достойный сподвижникъ его по управленію братіею О. Леонидъ, и какъ возразилъ на эти клеветы самъ О. Моисей.

Пустынникъ Гавріилъ, Молдаванинъ, упоминаемый въ этомъ доносѣ, былъ лично извѣстенъ Преосвященному Гавріилу, управлявшему Калужской паствою прежде Преосвященнаго Николая, и помѣщенъ О. Строителемъ Моисеемъ въ отдѣльной отъ Скита келліи въ монастырскомъ лѣсу, вслѣдствіе письма къ нему отъ Преосвященнаго Гавріила еще въ 1830 году такого содержанія:

Отецъ Строитель!

Пустынникъ Гавріилъ искренно желаетъ, для душевной его пользы, лѣтніе мѣсяцы въ недѣлю пять дней провождать въ отдаленнѣйшей Пустыни. Видя его слезы и стремленіе къ тому душевное, я благословилъ его на сей подвигъ. Чѣмъ далѣе отъ міра, тѣмъ ближе къ Богу.

Гавріилъ Епископъ
Калужскій.

24 Іюля 1830 г.

Повинуясь волѣ Начальника епархіи О. Строитель дозволилъ Гавріилу жить внѣ ограды, но и это при другомъ Преосвященномъ составило одинъ изъ пунктовъ доноса на послушнаго Строителя. Такова общая участь праведныхъ: и добрыя дѣла ихъ перетолковываются въ дурную сторону и служатъ къ ихъ же порицанію. Неизвѣстно, какъ принялъ Преосвященный Николай объясненіе О. Строителя, но оно было подано въ январѣ мѣсяцѣ 1836 года, а 2 февраля того же года, по приказанію Преосвященнаго, Старецъ Леонидъ былъ переведенъ въ монастырь, гдѣ и занялъ келлію, на условіи никого къ себѣ кромѣ братіи не принимать. Однако недовольные изъ братіи не удовлетворились этимъ и хотѣли жаловаться прямо въ Синодъ, но предварительно спро-

сили мнѣнія о семъ О. Игнатія Брянчанинова, бывшаго въ то время уже Архимандритомъ и настоятелемъ Сергіевой Пустыни близь Петербурга. Главою недовольныхъ былъ, какъ видно, іеромонахъ Иларій. Онъ писалъ къ О. Архимандриту Игнатію, ему и отвѣчалъ послѣдній въ мартѣ 1836 года письмомъ, которое дошло до насъ и оканчивается словами: „оставьте Вашу мысль о жалобѣ въ Синодъ, когда не хотите на старость лѣтъ испить горькую чашу.“ Послѣ такого внушенія отъ Петербургскаго Архимандрита, бывшаго, хотя и краткое время, послушникомъ Оптиной Пустыни, жалобы замолкли.

Въ 1837 году, т. е. черезъ годъ съ небольшимъ послѣ того какъ О. Леонидъ перемѣщенъ былъ въ монастырь, посѣтилъ Оптину Пустынь, проѣздомъ изъ Петербурга въ Кіевъ, членъ Св. Синода Преосвященный Филаретъ Митрополитъ Кіевскій; вмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ и Преосвященный Николай Епископъ Калужскій. Митрополитъ очень милостиво и внимательно обошелся съ О. Строителемъ Моисеемъ и Старцемъ Леонидомъ. Послѣдняго Высокопреосвященный Филаретъ зналъ еще въ 1807 году, когда самъ былъ Игуменомъ въ Свѣнскомъ монастырѣ, а О. Леонидъ былъ Строителемъ Бѣлобережской Пустыни.

Неизвѣстно, что и какъ бесѣдовали между собою Владыки Кіевскій и Калужскій, но вскорѣ по отъѣздѣ В-Пр. Филарета, О. Строитель Моисей 5 сентября 1837 года былъ посвященъ Преосвященнымъ Николаемъ въ санъ Игумена и О. Леонидъ не подвергался болѣе такимъ сильнымъ притѣсненіямъ, какъ прежде. Преосвященный Николай сталъ повидимому менѣе довѣрять толкамъ недоброжелателей.

Послѣдніе пять лѣтъ своей жизни съ 1836 и до октября 1841 года О. Леонидъ провелъ въ монастырѣ, постоянно продолжая свое служеніе ближнимъ. Посѣтители Оптиной Пустыни, и въ особенности братія ея, пользовались его совѣ-

тами, и Обитель утверждалась духовно. Сотрудникомъ О. Леонида и преемникомъ его въ дѣлѣ духовнаго руководства и назиданія братіи и пріѣзжихъ былъ, какъ мы уже сказали выше, Іеромонахъ О. Макарій Ивановъ. Еще въ 1836 году, по представленію О. Строителя Моисея онъ былъ утвержденъ въ должности духовника Оптиной Пустыни и до самой блаженной кончины своей, послѣдовавшей 7 сентября 1860 года съ неутомимою ревностью и усердіемъ продолжалъ святое дѣло служенія Богу, въ лицѣ душевно-страждущаго человѣка.

Такимъ образомъ „Старчество" было насаждено въ Оптиной Пустыни. Политое слезами духовно-мудраго Настоятеля и его благихъ помощниковъ, воздѣланное ихъ сердечными воздыханіями, скорбями и молитвами, оно возросло и укрѣпилось, а потомъ принесло и добрый плодъ—благоустройство Обители. Мы уже сказали выше, но считаемъ нужнымъ повторить еще разъ, что хотя ближайшими насадителями Старчества и были О. Леонидъ и О. Макарій, но на долю О. Моисея выпадаетъ при этомъ великая заслуга. На немъ сбылись слова Св. Писанія: *дастъ ти Господь по сердцу твоему и весь совѣтъ твой исполнитъ* (Пс. 19,5.). Онъ сердечно, молитвенно, желалъ ввести духовное руководство для братіи и Сердцевѣдецъ *внялъ уготованію сердца его* (Пс. 9,38.), послалъ и ему О.О. Леонида и Макарія, какъ нѣкогда послалъ Аввѣ Сериду въ Палестинѣ Варсануфія Великаго и Іоанна пророка. Оставивъ Александро-Свирскій монастырь О. Леонидъ направился съ своими шестью учениками не въ Оптину Пустынь, а въ Площанскую, съ намѣреніемъ помѣститься тамъ на всегдашнее жительство; но пробылъ тамъ лишь полгода и переѣхалъ въ Оптину, привлекаемый сюда не приглашеніями О. Моисея, а нравственными его достоинствами и характеромъ его управленія Обителью. О. Макарій прибылъ вслѣдъ за О. Леонидомъ и

оба они, каждый до своей кончины, не оставляли уже болѣе Оптиной Пустыни, не были вынуждены искать себѣ новаго мѣста жительства, а трудились здѣсь, подъ защитою и охраною духовно разумѣвшаго и высоко цѣнившаго ихъ подвигъ Отца Моисея.

Принимая въ Обитель и Старцевъ, потрудившихся въ другихъ монастыряхъ, и вновь приходившихъ изъ міра, О. Моисей умѣлъ замѣчательно хорошо держать себя въ отношеніи и тѣхъ и другихъ. Онъ былъ рожденъ быть Настоятелемъ. Отъ природы горячій по характеру, многовременнымъ подвигомъ понужденія себя, онъ пріобрѣлъ замѣчательную тихость и кротость въ обращеніи. Но не вдругъ и не легко досталась ему такая побѣда надъ гнѣвомъ. Еще при насъ, т. е. въ 1840-хъ годахъ, бывали случаи, что рабочіе, которыхъ О. Архимандритъ Моисей до послѣдняго времени жизни всегда самъ нанималъ и разсчитывалъ, выводили его изъ терпѣнія своими нелѣпыми требованіями и грубостями; тогда О. Моисей, чувствуя что начинаетъ самъ волноваться гнѣвомъ, быстро оставлялъ этихъ рабочихъ и уходилъ изъ передней въ другія свои комнаты. Что онъ тамъ дѣлалъ намъ неизвѣстно, но думаемъ, что молился, потому что черезъ короткое время опять выходилъ въ ту же переднюю, къ тѣмъ же рабочимъ, но совершенно другимъ человѣкомъ, вполнѣ спокойнымъ. Онъ бывалъ и веселъ безъ нарушенія своего кроткаго, духовнаго величія; всегда сосредоточенный въ себѣ, но ласковый въ обхожденіи съ ближними, невольно внушалъ къ себѣ уваженіе. Мы, братія, смотрѣли на него съ любовію и благоговѣйнымъ страхомъ, но едва ли не во всѣхъ насъ преобладалъ страхъ, хотя О. Архимандритъ Моисей и не былъ грозенъ въ рѣчахъ и дѣйствіяхъ: напротивъ, въ нихъ всегда проглядывала любовь и духовное пониманіе нуждъ и немощей человѣческихъ, но и строгость къ самому себѣ. Онъ не любилъ повелѣвать и выказывать свою власть, но всегда

и вездѣ былъ самъ начальникомъ и не упускалъ власти изъ своихъ рукъ. Въ многолюдной Обители съ тремя почти стами братіи и рабочихъ, при огромномъ хозяйствѣ, множествѣ самыхъ различныхъ послушаній, постоянныхъ постройкахъ, большомъ съѣздѣ посѣтителей и стеченіи народа, не было замѣтно въ О. Моисеѣ ни суетливости, ни тревоги. То же самое, въ извѣстной степени, отъ Настоятеля переходило и на братію. Всякій свободно, и какъ будто самъ по себѣ, занимался своимъ дѣломъ, а между тѣмъ общій порядокъ не нарушался; все управлялось одною волею, подчинялось одному человѣку, а человѣкъ этотъ только ходилъ вездѣ и смотрѣлъ, говорилъ мало, и часто какъ будто не замѣчалъ того, что было передъ глазами. Дѣло въ томъ, что О. Архимандритъ Моисей какъ самъ все исполнялъ по совѣсти, такъ и братій направлялъ къ тому, чтобы всякій изъ нихъ дѣлалъ свое дѣло безъ стѣсненія, по совѣсти. Никому не дозволялъ онъ уклоняться въ своеволіе, но съ другой стороны, всякому благоразумно предоставлялъ достаточную свободу. Зная, что каждый, занимаясь какимъ либо дѣломъ, пріобрѣтаетъ въ немъ навыкъ и опытность, и что сверхъ того большею частью нельзя предвидѣть, что можетъ встрѣтиться при исполненіи того или другаго порученія, О. Архимандритъ, отдавая приказанія, не любилъ входить въ мелочи и тѣмъ связывать подчиненныхъ. Главнѣйшее, что нужно, скажетъ, а остальное предоставлялъ собственному ихъ соображенію и обстоятельствамъ. Если же кто добивался напередъ получить подробное приказаніе на все, то онъ обыкновенно говаривалъ: „да ужъ тамъ само дѣло укажетъ“. И что же? Встрѣчались часто, при исполненіи порученнаго дѣла, непредвидѣнныя обстоятельства, и посланный, не будучи связанъ подробною инструкціею, могъ дѣйствовать какъ признавалъ за лучшее, по крайнему своему разумѣнію, а въ душѣ былъ радъ, что

не получилъ приказанія, котораго добивался, но по обстоятельствамъ не могъ бы и исполнить.

За всякій трудъ, понесенный въ пользу Обители и братства, О. Моисей былъ всегда признателенъ, и потрудившихся умѣлъ утѣшить и ободрить выраженіемъ своей благодарности и отеческою привѣтливостью. „Спаси Господи за святое послушаніе. Благодарствую,“—бывало скажетъ почитаемый Старецъ, и всякій съ полнымъ усердіемъ готовъ трудиться въ десятеро болѣе.

Назначая кому либо занятіе, или какъ говорятъ въ монастыряхъ, „послушаніе“, О. Архимандритъ старался обращать вниманіе брата на внутренній духовный смыслъ поручаемаго ему дѣла. Такъ, опредѣляя одного послушника въ должность будильщика*), О. Архимандритъ сказалъ ему: знаешь ли ты, братъ, какое это послушаніе? Вѣдь это дѣло ангельское. Какъ ангелы возбуждаютъ людей на молитву, такъ и будильщикъ возбуждаетъ братію. Помни же это и старайся по совѣсти проходить такое послушаніе.

Проникнутый духомъ писаній Св. Отцевъ подвижниковъ, онъ старался исполнять ихъ ученіе на самомъ дѣлѣ.—Помня слова Св. Дороѳея: „если не хочешь впадать въ раздражительность и злопамятность, то отнюдь не имѣй пристрастія къ вещамъ... если какой либо сосудъ, случайно или по небреженію разобьется, или потеряется, не скорби,“ О. Архимандритъ Моисей примѣнялъ это къ различнымъ случаямъ въ жизни. Бывало кто либо изъ братіи, при исполненіи ка-

---

*) Главная обязанность будильщика въ Оптиной Пустыни состоитъ въ томъ, чтобы, вставая раньше другихъ, до начала утрени обойдти братскія келліи и, останавливаясь у двери каждой, произнести: „Молитвами Святыхъ Отецъ нашихъ Господи Іисусе Христе Боже нашъ помилуй насъ“! Когда изъ келліи послышится „Аминь“, тогда будильщикъ говоритъ: „пѣнію время и молитвѣ часъ“ и идетъ къ слѣдующей келліи, созывая такимъ образомъ всѣхъ къ утрени.

опять повторилъ, что огурцы были кажется мелки. Огородникъ опять сталъ оправдываться и старался доказать, что огурцы очень хороши. Въ теченіе двухъ недѣль О. Архимандритъ нѣсколько разъ повторялъ свое мнѣніе объ огурцахъ, такъ что огородникъ сталъ объ этомъ горевать, буквально плакалъ, и наконецъ вздумалъ: пойду къ нему объясняться. Пришелъ и началъ такъ: „Батюшка, вы на счетъ огурцевъ нѣсколько разъ мнѣ говорили, что они мелки, а я все вамъ противорѣчилъ, простите Бога ради".—„Только того я братъ и ожидалъ," сказалъ О. Архимандритъ, и успокоилъ и отпустилъ его съ миромъ.

Понятно, какъ сильно дѣйствовало такое терпѣніе, соединенное съ любовію; какъ одно слово такого Настоятеля глубоко проникало въ сердце и на всю жизнь оставалось въ памяти.

По слову Апостольскому *любы всему вѣру емлетъ* (1 Кор. 13, 7), О. Моисей вѣрилъ совѣсти каждаго и вѣрилъ не на словахъ только, а на самомъ дѣлѣ, и по вѣрѣ его сбывалось. Если и попадались люди, которые не оправдывали его довѣрія, то таковые скоро обнаруживались и сами не могли оставаться въ Обители, хотя бы ихъ и не высылали; но за исключеніемъ подобныхъ, весьма рѣдкихъ случаевъ, каждый изъ братства въ душѣ чувствовалъ, что довѣріе Старца-Настоятеля внутренно его связывало и не дозволяло ему уклоняться отъ добросовѣстнаго, по силамъ, исполненія послушанія. Для всѣхъ довѣріе Настоятеля было лучшимъ поощреніемъ и лучшею наградою, потому всѣ и старались какъ только могли, всѣ трудились не съ стѣсненнымъ сердцемъ, а отъ души, съ полнымъ усердіемъ и успѣха было болѣе, нежели бываетъ при другихъ порядкахъ.

Однако, при мудрой снисходительности, правленіе О. Архимандрита Моисея вовсе не было слабое. Онъ рѣдко взыскивалъ, долго молчалъ, хотя и видѣлъ какіе либо безпо-

рядки, но, тѣмъ не менѣе, въ случаѣ надобности умѣлъ вразумить кого требовалось и напомнить ему о послушаніи и настоятельской власти. Нерадѣнія или небрежности въ дѣлѣ послушанія, на которое онъ самъ смотрѣлъ и всѣхъ насъ пріучалъ смотрѣть какъ на дѣло Божіе, онъ весьма не любилъ, и кто въ этомъ оказывался виновнымъ, тому онъ въ свое время давалъ почувствовать его вину.

Такъ одинъ изъ его келейниковъ, Іеродіаконъ Никандръ разсказывалъ: „Зимою придетъ бывало О. Архимандритъ отъ утрени, сожмется, холодно ему, и скажетъ мнѣ: „посмотри-ка братъ, сколько градусовъ на дворѣ?“ *)—Разъ я сказалъ: 18°.—„Холодновато. Что тутъ дѣлать? Истопить бы печку что ли?“ Какъ благословите, Батюшка.—„Ужъ теперь бы что ли истопить, или послѣ обѣда?“—Какъ благословите, Батюшка. „А ты былъ у утрени?“—Былъ,—„Ну ужъ потрудись, истопи“. А когда случалось проспишь и скажешь не былъ, то повелительнымъ тономъ отвѣтитъ: истопить печку. Повернется и уйдетъ. Подобныхъ случаевъ было не мало.

Еще болѣе О. Архимандритъ Моисей не допускалъ самочинія, то есть направлялъ всѣхъ такъ, чтобы на всякое дѣло спрашивали благословеніе, и ничего не предпринимали бы по своей волѣ. Какъ бы успѣшно и полезно для Обители ни было дѣло, предпринятое безъ благословенія, О. Моисей этимъ никогда не успокоивался и говорилъ, что въ такомъ случаѣ самочиніе приводитъ къ тщеславію и оканчивается душевнымъ вредомъ, а когда тоже дѣло совершается съ благословеніемъ, то ради молитвъ братіи и Настоятеля Господь покрываетъ послушника отъ всего вреднаго и онъ получаетъ душевную пользу. Тутъ О. Архимандритъ приводилъ и слова Апостола: *сѣяй о благословеніи, о благословеніи и пожнетъ* (2 Кор. 9, 6).

---

*) Термометръ висѣлъ у О. Моисея на крыльцѣ.

По этому О. Архимандритъ весьма внимательно слѣдилъ за братіями и не дозволялъ имъ уклоняться въ своеволіе, но, обличая дѣломъ, а не словомъ только, вразумлялъ такъ искусно, что давалъ виноватому возможность самому понять свою ошибку и исправить ее, или беречься подобныхъ на будущее время.

Такъ разъ О. Моисей замѣтилъ, что экономъ, не спрашивая его благословенія, (хотя и ежедневно приходилъ къ Настоятелю за приказаніями) отъ себя дѣлаетъ нѣкоторые распоряженія. Не говоря ему объ этомъ ни слова, О. Архимандритъ постарался обличить его самымъ дѣломъ. Обходя монастырь и увидавъ эконома, онъ подозвалъ его къ себѣ и спросилъ: „тамъ вотъ куча мусора лежала, а теперь я ее не вижу, куда она дѣвалась?"—Да я ее велѣлъ свести, Батюшка.—„Что же ты меня не спросилъ, у меня для этого мусора было другое назначеніе. Ты все самочинничаешь, безъ благословенія дѣлаешь. Надобно обо всемъ спрашивать". И столько говорилъ объ этой бездѣлицѣ, кучѣ мусора, что экономъ по неволѣ увидѣлъ, какъ Настоятель за всѣмъ слѣдитъ, хотя и помалчиваетъ, и впередъ берегся уже самочинія не относительно мусора только, но и въ другихъ дѣлахъ болѣе важныхъ, которыя прежде дѣлалъ не спросясь у Настоятеля. „Монашество требуетъ смиренія и прощенія" говаривалъ О. Архимандритъ Моисей въ подобныхъ случаяхъ, наклоняя всѣхъ, съ свойственною ему духовною мудростію, къ добровольному сознанію своихъ ошибокъ и охотно прощая въ такомъ случаѣ.

Назначая разъ одного монаха старшимъ въ просфорню и давая ему наставленіе, какъ обращаться съ подчиненными ему братіями, О. Архимандритъ Моисей сказалъ: а когда кто скажетъ: прости Бога ради, то—все кончено, такъ ты и знай! Также точно поступалъ и самъ онъ: если кто разъ испросилъ

прощенья и получилъ его, то О. Архимандритъ объ этомъ дѣлѣ никогда болѣе не вспоминалъ.

Если же кто нибудь и послѣ долгаго выжиданія со стороны Настоятеля не вразумлялся, то О. Архимандритъ, снисходя его немощи душевной, старался найдти удобный случай къ обличенію его, или когда замѣтитъ, что тотъ, кого слѣдуетъ вразумить, въ хорошемъ расположеніи духа и готовъ принять замѣчаніе или когда виновный самъ являлся къ нему по какой либо своей надобности и казался спокойнымъ. „Придешь бывало къ О. Архимандриту, разсказывалъ одинъ изъ старшихъ братій, бывшій тогда и сборщикомъ и погребничимъ, онъ тебя нѣсколько разъ съ ногъ до головы осмотритъ, и когда увидитъ, что ты совершенно спокоенъ, тогда и начнетъ дѣлать замѣчаніе: „Да, вотъ, братъ, я давно хотѣлъ тебѣ сказать и проч.“ а если замѣтитъ, что не покоенъ, то и говорить не станетъ.

Одному новоначальному послушнику изъ дворянъ назначили разъ читать въ церкви каѳизмы въ теченіе седмицы. Первые два или три дня приходилъ онъ исправно къ началу службы и исполнялъ свое дѣло. Потомъ ему показалось очень труднымъ и днемъ заниматься дѣломъ и вставать еще къ утрени въ два часа ночи и онъ успокоился на той мысли, что и безъ него найдется кто нибудь прочитать каѳизмы и пренебрегъ этимъ дѣломъ. Ни Настоятель, съ которымъ онъ послѣ того не разъ встрѣчался, ни другой кто либо изъ братіи не сдѣлалъ ему за это выговора, потому онъ скоро и забылъ о своей неисправности. Немало времени спустя представилась ему надобность выписать что-то для рукодѣлья, которымъ онъ занимался, и онъ пошелъ просить объ этомъ Настоятеля. О. Моисей, принявъ его по своему обычаю привѣтливо, взялъ карандашъ, чтобы написать что ему нужно, и между тѣмъ завелъ рѣчь о прошломъ. „Да вотъ ужъ въ прошломъ мѣсяцѣ вы были назначены читать каѳиз-

мы. Въ понедѣльникъ и во вторникъ прочитали вы какъ слѣдуетъ; въ среду же не пришли къ утрени; въ четвергъ опять не пришли; не пришли и въ пятницу, и во всѣ эти дни читалъ за васъ другой. Подумалъ я: конецъ вѣнчаетъ дѣло; не придетъ ли онъ въ субботу, чтобы хотя самому окончить свою седмицу, но вы и въ послѣдній день не позаботились придти. Объясняли ли вы объ этомъ Старцу?"—Нѣтъ, едва могъ проговорить озадаченный такою неожиданностію послушникъ.—„Какъ же это? Пренебрегли святымъ послушаніемъ и не сочли даже нужнымъ покаяться? О, великое нерадѣніе о душѣ!" продолжалъ О. Моисей, не выпуская изъ рукъ карандаша; и такъ долго поучалъ виновнаго, застигнутаго въ расплохъ и совершенно обезоруженнаго послушника, что послѣдній былъ вынужденъ просить прощенья и не скоро позабылъ это вразумленіе.

Вообще, смотря снисходительно на немощи и не взыскивая за малости, довѣряя на совѣсть, О. Архимандритъ не пропускалъ поступковъ, требовавшихъ исправленія, но сохранялъ ихъ въ памяти, и, дождавшись удобнаго случая, за одинъ разъ высказывалъ все, что нужно, все припоминалъ за долгое время, такъ что слышавшій не зналъ, чему болѣе удивляться: продолжительному ли молчанію Настоятеля или неожиданному его обличенію, изъ котораго было ясно, что онъ видѣлъ все и прежде бывшее, и не забылъ того, а ясно представлялъ его вину и въ прежнихъ дѣйствіяхъ и теперь; обличалъ неуклонно и такое дѣлалъ сильное назиданіе, что всякое самооправданіе разрушалось въ прахъ, и одинъ подобный случай оставался памятнымъ на многіе годы и дѣйствовалъ сильнѣе часто повторяемыхъ выговоровъ. Отъ этого и происходило, что хотя О. Моисей мало и рѣдко говорилъ, но вліяніе его ощущалось во всей Обители, во всемъ братствѣ. Слово О. Архимандрита Моисея никогда не было праздное, но всегда сказанное кстати, рѣдко да мѣтко; но

вмѣстѣ съ тѣмъ не въ начальническомъ, властительномъ тонѣ, а въ отеческомъ духѣ и весьма разсудительно. По своей духовной мудрости, онъ на всѣхъ смотрѣлъ какъ на дѣтей, на которыхъ и не могъ сердиться, а въ случаѣ надобности только вразумлялъ ихъ отечески. Одному монаху изъ Оптинскихъ старожиловъ нѣкоторыя распоряженія Настоятеля показались неосновательными; долго онъ боролся съ самимъ собою, желая объяснить это Настоятелю, но — боялся его разстроить; наконецъ рѣшился высказать свои мысли, а тамъ, подумалъ онъ, пусть ужъ будетъ, что будетъ! Пришелъ къ О. Архимандриту и сказалъ ему: Батюшка, меня одинъ помыслъ очень безпокоитъ.—„Что же тебѣ, братъ, помыслъ говоритъ?“—А вотъ, Батюшка, помыслъ мнѣ говоритъ, что вы не такъ дѣлаете то и то, и высказалъ все, что было у него на умѣ. О. Аримандритъ выслушалъ все молча и внимательно, а потомъ тихо, съ улыбкою, отвѣчалъ: „скажи, братъ, твоему помыслу, что это не его дѣло.“ Съ тѣмъ и отпустилъ этого монаха, такъ что онъ, обезоруженный кротостію Настоятеля, удалился совершенно успокоенный и послѣ самъ смѣялся надъ собою, какъ просто разрѣшились всѣ его мысленныя колебанія.

Слово обличенія и вразумленія О. Архимандрита было со властію и благотворно дѣйствовало на братію потому, что онъ имѣлъ правиломъ прежде нежели сдѣлать замѣчаніе брату внутренно помолиться за него Богу. Этотъ секретъ своей внутренней жизни О. Архимандритъ высказалъ какъ бы невольно въ 1861 году одному іеромонаху изъ числа Оптинской братіи при назначеніи его Настоятелемъ Глинской Пустыни. Іеромонахъ этотъ просилъ у О. Архимандрита совѣта и наставленія, какъ обращаться съ братіею. Тотчасъ О. Архимандритъ на это ничего не отвѣтилъ, а на другой день, при бесѣдѣ о различныхъ предметахъ, сказалъ: „а на счетъ того, что вы вчера спрашивали, какъ обращаться съ

братіею,—опытъ указалъ мнѣ такое правило: если кому нужно сдѣлать выговоръ или замѣчаніе, то надобно прежде въ сердцѣ помолиться за него Богу. Думаешь иногда, что братъ тотъ не приметъ замѣчанія, а если помолишься за него сперва, то смотришь сверхъ ожиданія онъ и замѣчаніе выслушаетъ спокойно и исправленіе бываетъ".

Іеромонахъ Вассіанъ, помѣстившійся въ Оптину Пустынь на покой изъ Московскаго Данилова монастыря, разсказывалъ, что наслышавшись разныхъ толковъ и разсужденій о дѣйствіяхъ О. Архимандрита Моисея, и давая имъ вѣроятіе, онъ нѣсколько разъ рѣшался откровенно объясниться съ О. Архимандритомъ о слышанномъ, и ходилъ къ нему съ этою цѣлію, но каждый разъ встрѣчалъ такой радушный, ласковый пріемъ, что вся смѣлость и рѣшимость передать ему слышанныя замѣчанія пропадала, и я какъ обезоруженный, говорилъ О. Вассіанъ, уже не рѣшался касаться того, ради чего приходилъ. Однако самъ Старецъ, поговоривъ кое о чемъ, наводилъ разговоръ на цѣль моего прихода. Вотъ обо мнѣ говорятъ то и то, начиналъ онъ, и, не давая мнѣ, собесѣднику своему, сказать ни слова, своими объясненіями разсѣявалъ всѣ мои недоумѣнія и опять съ отеческою привѣтливостію отпускалъ меня, не показывая и вида, что очень хорошо понималъ цѣль моего прихода.

Въ Скиту жилъ схимонахъ, также Вассіанъ по имени, который принималъ участіе въ упомянутыхъ выше доносахъ на О. Архимандрита вмѣстѣ съ другими недоброжелателями его и Старца Леонида. Впослѣдствіи О. Вассіанъ успокоился и жилъ мирно, но все таки помнилъ, что по лѣтамъ и по времени поступленія въ Оптину Пустынь онъ старше Настоятеля, и на этомъ основаніи считалъ, что тотъ обязанъ его слушаться. Бывало и соберется, придетъ изъ Скита въ Монастырь и, съ свойственною ему простотою, начнетъ выговаривать О. Архимандриту и дѣлать ему замѣчанія. Тотъ

принималъ его всегда съ обычною своею любовію, молча выслушивалъ его, давалъ ему наговориться вдоволь, и потомъ, уходя въ свою келлію, возвращался оттуда со связкою баранокъ или чѣмъ нибудь подобнымъ и, благодаря своего обличителя, отдавалъ ему гостинецъ, приговаривая: „ну О. Вассіанъ, спаси тебя Господи, что потрудился посѣтить меня грѣшнаго, вотъ тебѣ за это и гостинецъ". Бывало братія увидятъ, что схимникъ возвращается въ Скитъ со связкою баранокъ и улыбаясь догадывались, что онъ приходилъ учить или обличать Архимандрита. Слѣдуя заповѣди Апостольской: *не побѣжденъ бывай отъ зла, но побѣждай благимъ злое* (Рим. 12, 21) и смотря на всѣхъ *благимъ окомъ, которое*, по слову Св. Писанія, *не узритъ зла*, О. Архимандритъ Моисей хорошо понималъ, что прежніе ошибочные поступки О. Вассіана происходили отъ того, что онъ, по простотѣ своей, не разумѣлъ высокой духовной жизни Старца О. Леонида и другихъ, и былъ только орудіемъ людей, злоупотреблявшихъ его ревностію о добрѣ. Впрочемъ повторяемъ, что О. Вассіанъ въ послѣдніе годы своей жизни, успокоенный любовію и вниманіемъ къ нему О. Архимандрита Моисея и Старца О. Макарія, не предпринималъ уже ничего по внушенію своей прежней ревности и сподобился мирной христіанской кончины. Не поминая стараго, О. Архимандритъ Моисей самъ составилъ для него эпитафію, въ которой подробно исчислилъ его христіанскія добродѣтели и монашескіе подвиги, такъ что ни въ монастырѣ, ни въ скиту нѣтъ ни на одномъ братскомъ памятникѣ такой длинной, похвальной надписи. О. Архимандритъ, будучи самъ подвижникомъ, уважалъ и въ О. Вассіанѣ Старца—подвижника.

Случалось, что нѣкоторые изъ немощныхъ братій, особенно въ первое время настоятельства О. Моисея, питая къ нему за что либо неудовольствіе, увлекались до того, что поносили его разными укоризнами и дѣлали это въ присут-

ствіи его, притворяясь, что его не замѣчаютъ. Въ подобныхъ случаяхъ О. Моисей все выслушивалъ улыбаясь, съ веселымъ видомъ и съ какою-то радостію принималъ непріятныя слова, какъ драгоцѣнный подарокъ, и послѣ ни словомъ, ни дѣломъ не воздавалъ за такое неразуміе.—А приходя въ келлію молился предъ образомъ Спасителя, о которомъ всегда говорилъ: „вотъ мое прибѣжище"!

Во все время его Настоятельства никто отъ него не пострадалъ; никому онъ не повредилъ. Извѣстно, что нехорошая отмѣтка въ послужныхъ спискахъ иногда имѣетъ дурное вліяніе на судьбу брата и приноситъ часто немалыя скорби. О. Архимандритъ Моисей никогда никого не замаралъ въ послужныхъ спискахъ. У него всѣ были хороши и самые немощные — въ надеждѣ ихъ исправленія.—Даже изъ Обители онъ никого не высылалъ; напротивъ, если кто либо изъ немощныхъ братій хотѣлъ выйдти изъ монастыря, то О. Моисей уговаривалъ его остаться, конечно если предвидѣлась для него отъ этого нравственная польза. Если же кто либо не внималъ и долгимъ его увѣщаніямъ, и, несмотря на оказанное ему снисхожденіе, не подчинялся монастырскимъ правиламъ, то самъ наконецъ чувствовалъ, что здѣсь не его мѣсто. При такихъ случаяхъ О. Моисей повторялъ слова Старца Леонида: „кто въ монастырѣ живетъ не по монашески, того само мѣсто изгонитъ;" однако и съ такими людьми всегда старался разстаться съ миромъ и, отпуская ихъ изъ Обители, не поминалъ прежнихъ ихъ винъ и проступковъ, а съ полною привѣтливостію снабжалъ чѣмъ было возможно на дорогу, иногда сверхъ всякихъ ожиданій; такъ что никто не ушелъ имъ обиженный или оскорбленный, а всѣ съ сожалѣніемъ разставались съ Обителью, умиротворенные духомъ. Этого правила О. Архимандритъ Моисей держался крѣпко и другимъ совѣтовалъ то же. „Если хотите, говаривалъ онъ, быть всегда мирными, ни съ кѣмъ не разставайтесь въ не-

удовольстіи; но всячески старайтесь отъ души простить всѣхъ и даже по возможности умиротворить, чтобы разойдтись въ мирномъ духѣ, тогда и сами будете наслаждаться душевнымъ спокойствіемъ". Не рѣдко повторялъ онъ псаломское слово: *„взыщи мира и пожени и,"* (Пс. 33, 15) и не только самъ былъ миренъ ко всѣмъ, но и другихъ всегда наклонялъ къ взаимному миру и согласію.

Случалось, что между братіями возникало какое либо неудовольствіе, и тотъ или другой приходилъ жаловаться къ Настоятелю. Внимательно выслушавъ жалобу, О. Моисей давалъ недовольному высказаться, прерывая изрѣдка замѣчаніями въ такомъ родѣ: „какъ же онъ это могъ сказать!— Поди ты, одобрить этого нельзя," а въ заключеніе, когда пришедшій думалъ, что съ виновнаго послѣдуетъ взысканіе, О. Моисей обыкновенно говаривалъ: „да, ужъ нужно кончить дѣло по монашески. Пойди, какъ нибудь тамъ объяснись съ нимъ." То есть тотъ, кто приносилъ жалобу долженъ былъ дѣлать первый шагъ къ примиренію или просить прощенья у другаго... Случалось, что кто нибудь очень убѣдительно доказывалъ вину другаго и вина эта несомнѣнно существовала, тогда О. Моисей, внимательно выслушавъ, напоминалъ слова Апостола: *„не побѣжденъ бывай отъ зла, но побѣждай благимъ злое* (Рим. 12, 21). Если же приносившій жалобу былъ сильно взволнованъ и не былъ готовъ сейчасъ же помириться, то О. Моисей совѣтовалъ это сдѣлать, когда нѣсколько успокоится. Или же, если видѣлъ, что неудовольствіе далеко зашло, выслушавъ жалобу, говорилъ: „хорошо, позову его". И дѣйствительно, бывало, позоветъ, но поговоритъ съ нимъ о другомъ дѣлѣ, а по взаимнымъ жалобамъ никогда не дѣлалъ взысканій, зная, что это могло только развивать въ братствѣ раздоры и несогласія. Виновныхъ же вразумлялъ самъ, при удобномъ случаѣ.—Случалось и такъ, что поспорившіе между собою братія оба разомъ приходили

къ нему на судъ, О. Архимандритъ внимательно на нихъ взглянетъ и, если замѣтитъ въ нихъ смущеніе, то не станетъ и разспрашивать, а скажетъ только: „ну, братцы, мнѣ теперь не время, подойдите послѣ“.

Изъ многихъ случаевъ и братія убѣдились, что по жалобамъ, приносимымъ въ неудовольствіи, они не получаютъ желаемыхъ удовлетвореній и перестали жаловаться другъ на друга настоятелю, а старались, объяснивъ дѣла Старцу-духовнику, оканчивать оныя между собою по монашески.—Если же О. Игуменъ Моисей замѣчалъ между братіями немирное расположеніе, то всячески старался прекратить оное, внушая имъ, что мы обязаны *другъ друга тяготы носити*, по слову Апостола, *да тако исполнимъ законъ Христовъ* (Гал. 6, 2), и самъ служилъ для всѣхъ высокимъ образцемъ исполненія этой заповѣди Апостольской.

Изъ наставленій, которыя О. Моисей давалъ брату своему О. Антонію еще въ 1823 году, когда самъ былъ только начальникомъ Скита и монастырскимъ духовникомъ, видно, какъ онъ былъ великъ въ этомъ отношеніи. „Немощи душевныя“, говорилъ онъ О. Антонію, исповѣдавшему ему свою скорбь на одного брата, „должно носить благодушно, безъ огорченія. Ибо если кто боленъ тѣломъ, то не только на него не огорчаемся, но еще и служимъ тому всякимъ образомъ; то такимъ образомъ надо и въ душевныхъ недугахъ поступать“. „Батюшкою (О. Моисеемъ) замѣченъ я, записалъ О. Антоній въ своемъ дневникѣ *), очень жестокимъ касательно ношенія немощей братскихъ и благонадежности въ ихъ исправленіи на лучшее. Въ заключеніе онъ сказалъ мнѣ: „въ какомъ бы кого порочномъ положеніи ни видѣлъ, не должно тому удивляться и сомнѣваться въ его исправленіи; ибо многіе наконецъ изъ пьяницъ сдѣлались трезвыми, изъ буй-

*) См. Жизнеописаніе Игум. Антонія. Москва 1870 г. Стран. 191.

ныхъ кроткими, изъ блудниковъ цѣломудренными, и проч.“ А Св. Златоустъ сказалъ: „О исправленіи того только должно сомнѣваться, который во адѣ находится съ бѣсами“. — Когда же, черезъ нѣсколько времени, О. Антоній опять объяснилъ своему брату и Старцу, „что недостатки братніе невольнымъ образомъ сердцу приносятъ огорченіе“, то на это услышалъ отъ него: „я всѣхъ васъ недостатки сношу великодушно и никакимъ немощамъ вашимъ не удивляюсь; а ежели бы всѣмъ тѣмъ огорчаться и взыскивать по должности моей строго, то совсѣмъ бы себя давно разстроилъ“. Таковъ былъ О. Моисей еще въ 1823 году, при самомъ началѣ своего настоятельскаго поприща.

Можно себѣ представить, каково было его великодушіе и снисхожденіе къ недостаткамъ ближнихъ, когда онъ состарѣлся въ трудахъ настоятельскихъ и подвигахъ монашескихъ, когда послѣ многоразличныхъ испытаній и скорбей почти сорокалѣтняго настоятельства возрасла и созрѣла въ немъ духовная опытность и мудрость, когда послѣ полувѣковой подвижнической жизни, смиренный образъ мыслей и сознаніе своей худости и немощи обратились ему въ неотъемлемый навыкъ... Въ послѣдніе годы жизни, когда кто нибудь съ огорченіемъ говорилъ ему о какихъ либо безпорядкахъ или безчиніяхъ, О. Архимандритъ кратко отвѣчалъ: „Да, ужъ самъ-то я хуже всѣхъ“, и говорилъ это съ такимъ искреннимъ смиреніемъ, что разговоръ о немощахъ братскихъ невольно прекращался.

Если кто либо изъ старшихъ братій, которому поручалось наблюденіе за порядкомъ въ Обители, принимался за это дѣло очень ревностно и горячо, и въ скоромъ времени хотѣлъ исправить многое и многихъ, то О. Архимандритъ этого не одобрялъ и говорилъ, что подобная, хотя и благонамѣренная ревность и строгость, „въ человѣческомъ разумѣ (смыслѣ), а не въ духѣ Христовомъ“. „Сказано, гова-

ривалъ онъ, что *отъ Господа стопы человѣка исправляются* (Пс. 36, 23). Значитъ мы много брали бы на себя, еслибы сами хотѣли исправить всѣ немощи немощныхъ. Наше дѣло, въ случаѣ надобности, напомнить о должномъ. Послушается насъ братъ, благо ему; не послушается, понудить его мы не можемъ, а надобно молиться за него и подождать, пока Господь коснется его сердца".

Обѣщавшій исправиться не только изъ числа братства, но даже изъ рабочихъ, всегда находилъ у О. Архимандрита милость и полное прощеніе. Въ памяти братіи сохранился одинъ замѣчательный въ этомъ отношеніи случай. Въ Обители работалъ печникъ, часто плутовавшій и нехорошо исполнявшій свое дѣло. По просьбѣ эконома, О. Архимандритъ рѣшился его разсчитать и отпустить навсегда; но печникъ усердно просилъ прощенья и обѣщалъ исправиться. О. Архимандритъ простилъ его и снова нанялъ. Экономъ, узнавъ объ этомъ, приходитъ къ О. Моисею и говоритъ: Батюшка! Вы опять того печника наняли; вѣдь онъ плутъ, какъ и Вамъ хорошо извѣстно. — „Да вѣдь онъ бѣдный человѣкъ, я видѣлъ, что на немъ и рубашки-то нѣтъ, а только кафтанъ, надобно же ему помочь, притомъ же онъ обѣщаетъ исправиться." Когда же онъ исправится, Батюшка, онъ извѣстный негодяй. — „Какъ, человѣкъ хочетъ исправиться, а ты говоришь, что онъ негодяй! Самъ ты негодяй, ступай!" Такъ экономъ и ушелъ.

Еще очень замѣтно было въ О. Архимандритѣ искуство, какъ съ кѣмъ изъ братіи обращаться. Немощнымъ онъ снисходилъ съ духовнымъ искуствомъ, къ преуспѣвшимъ въ монашеской жизни былъ строже. Изъ многихъ примѣровъ это доказавшихъ, приведемъ одинъ.

Послѣ вечерняго правила О. Архимандритъ запрещалъ прогуливаться. Разъ, идя въ такое время по лѣсной дорожкѣ, онъ увидѣлъ, что на встрѣчу ему идутъ два послушника.

Одинъ изъ нихъ, увидавъ Настоятеля, тотчасъ убѣжалъ, а другой спрятался близъ дороги въ кустѣ. О. Архимандритъ этого не могъ не замѣтить, но, продолжая свой путь, подошелъ къ кустамъ, стоявшимъ на другой сторонѣ дороги, какъ разъ противъ того мѣста, гдѣ спрятался послушникъ и долго переступалъ около него съ ноги на ногу, не отходилъ далеко, но обходилъ эти кусты и громко разговаривалъ съ самимъ собою: " что за чудо! или привидѣніе это было? Вѣдь самъ же я видѣлъ. Люди были, шли на встрѣчу, куда же они дѣвались? Или мнѣ привидѣлось". Послушникъ слышалъ все это и сидѣлъ вблизи ни живой, ни мертвый. Но О. Архимандритъ не подошелъ къ его убѣжищу, а ходилъ только около противуположныхъ кустовъ и потомъ ушелъ совсѣмъ. На другой день послушникъ этотъ пришелъ самъ просить прощенья и получилъ его.

Нѣкоторымъ и изъ младшихъ братій говорилъ всегда *вы*, и имѣлъ съ ними ласковое и даже почтительное обращеніе. Другимъ и изъ старшихъ говорилъ *ты* и держался съ ними простоты монашеской. Инымъ предоставлялъ извѣстную свободу дѣйствій, а въ комъ замѣчалъ готовность смиряться— тѣхъ смирялъ и смирялъ нещадно, начиная съ своего роднаго брата О. игумена Антонія. О. Архимандритъ хорошо помнилъ ученіе Св. Іоанна Лѣствичника, который, въ 4-мъ словѣ о послушаніи, въ § 27, говоритъ: „какъ несправедливо и жалко было бы вырвать хлѣбъ изъ устъ голоднаго младенца, такъ и наставникъ душъ дѣлаетъ вредъ и себѣ и подвижнику, если не подаетъ ему случаевъ къ пріобрѣтенію вѣнцевъ, какіе онъ, по его примѣчанію, можетъ заслуживать перенесеніемъ досадъ, безчестій и уничиженій". Разъ О. Архимандритъ, придя къ утрени, увидѣлъ, что О. игумена Антонія нѣтъ въ церкви. Хорошо было извѣстно, что О. Игуменъ сильно страдалъ въ это время ногами и по болѣзни не пришелъ къ богослуженію; тѣмъ не менѣе, О. Архимандритъ

подозвалъ къ себѣ будильщика и послалъ его за О. Игуменомъ. Послѣдній отвѣчалъ: боленъ я, не могу пойдти.—Будильщикъ передалъ это О. Архимандриту.—„Пойди, скажи, чтобы пришелъ".—Будильщикъ снова отправился.—Да я бы съ радостію пошелъ, да ноги очень болятъ, скажи Батюшкѣ, что никакъ не могу.—О. Архимандритъ услышавъ это, опять послалъ будильщика въ третій разъ. Тогда больной О. Игуменъ Антоній съ великимъ трудомъ одѣлся и еще съ бо́льшимъ пошелъ потихоньку въ церковь. Пришелъ и прямо къ О. Архимандриту, поклонился ему въ ноги и просилъ прощенья въ своей лѣности. О. Архимандритъ молча повидался съ нимъ и отпустилъ его опять въ келлію. Но дѣло было сдѣлано; великій примѣръ понужденія себя къ послушанію былъ поданъ всей братіи.

Вновь поступавшимъ въ число братіи, въ то время не вдругъ давали подрясники, а сперва одѣвали ихъ въ такъ называемыя свитки, одежду нѣсколько короче подрясника, обыкновенно изъ темно коричневаго, весьма грубаго сукна. Наскучивъ носить такую свитку, одинъ изъ братіи, весьма молодой лѣтами, изъ купеческаго званія, пришелъ къ О. Архимандриту просить подрясника. Батюшка, благословите мнѣ подрясничекъ.—„Подрясничекъ, а помнишь ли ты, братъ, что сказано въ Евангеліи объ одеждѣ, которую носилъ Іоаннъ Креститель: *одежда его была отъ власъ вельблуждь и поясъ усменъ о чресльхъ его* (Мато. 3, 4). Вотъ, я смотрю на тебя, и твоя одежда похожа на такую, изъ верблюжьихъ власовъ, и поясъ также у тебя усменный, т. е. кожаный, хорошая эта одежда; на что же тебѣ подрясникъ, походи пока еще въ этой". Послушникъ ушелъ, утѣшенный тѣмъ напоминаніемъ, которое сдѣлалъ Старецъ, говоря объ его свиткѣ, а свитка все таки осталась еще на немъ къ его смиренію.

Въ комъ О. Архимандритъ видѣлъ недостатокъ надлежащаго разумѣнія, отъ тѣхъ много и не требовалъ; а если

кто, по его замѣчанію, уже могъ понимать дѣло по монашески, но былъ невнимателенъ къ должному, или уклонялся въ самооправданіе, къ тѣмъ былъ строгъ и взыскателенъ. Тѣмъ изъ братіи, которыхъ считалъ болѣе развитыми и понимающими духовную жизнь, поручая какое либо дѣло, говорилъ иногда, что его можно исполнить такъ или вотъ такъ, т. е. на два манера; для того чтобы потомъ, какъ бы тотъ братъ ни исполнилъ дѣло, имѣть возможность его смирить, выставляя на видъ иной способъ исполненія, можетъ быть лучшій.

Въ комъ замѣчалъ тщеславіе или самохвальство, тѣхъ тотчасъ же смирялъ. Былъ въ Обители старый монахъ Іоанникій, который ѣздилъ за сборомъ и не разъ бывалъ въ Астрахани для покупки рыбы. Въ одну изъ такихъ своихъ поѣздокъ онъ возвратился съ большимъ успѣхомъ, и на вопросъ О. Игумена: каково съѣздилъ, есть ли рыба? Самодовольно отвѣтилъ: Слава Богу, Батюшка, сорокъ подводъ идетъ. — „Да, вотъ, братъ, мы ужъ рыбы то здѣсь купили, отвѣтилъ ему О. Моисей, такъ ты поѣзжай на встрѣчу своему обозу, да и продай рыбу-то въ Бѣлевѣ. Намъ Богъ уже послалъ.“ — Тщеславный сборщикъ такъ и опустилъ крылья.

Въ 8 верстахъ отъ Обители на берегу рѣки Жиздры былъ хуторъ съ сѣнокосными лугами и для рыбной ловли. Послѣднею завѣдывалъ, какъ мы выше упоминали, старикъ монахъ Аѳанасій, бывшій прежде въ монастырѣ главнымъ огородникомъ. Надобность указала О. Архимандриту призвать его опять на время въ монастырь. О. Аѳанасій этотъ не безъ тщеславія разсказывалъ О. Архимандриту о своей рыбной ловлѣ: какъ онъ тамъ все устроилъ и какъ все передалъ своему помощнику. О. Архимандритъ хорошо замѣтилъ тщеславный оттѣнокъ его разсказа; за тѣмъ О. Аѳанасій переѣхалъ въ Обитель, а ловля рыбы, при усердіи его помощника, продолжалась весьма успѣшно. О. Моисей не пропустилъ этого случая, для того чтобы смирить ихъ обоихъ.

При свиданіи съ О. Аѳанасіемъ, говоря о другихъ предметахъ, упомянулъ: „а вотъ, братъ, рыбка-то и безъ тебя хорошо ловится“. Когда же пріѣхалъ съ хутора новый его распорядитель съ донесеніемъ объ удачной ловлѣ рыбы, то и ему сказалъ: „да вѣдь это, братъ, не по *табѣ* рыба-то ловится“. Распорядитель этотъ былъ изъ крестьянъ и О. Архимандритъ самымъ произношеніемъ слова *табѣ*, слегка напомнилъ ему среду, изъ которой онъ вышелъ.

Все братство, всѣхъ и каждаго О. Архимандритъ Моисей хорошо зналъ. Бывало вечеромъ во время прогулки, обходя монастырь, встрѣтится съ кѣмъ либо изъ новоначальныхъ, предложитъ ему тотъ или другой вопросъ, заведетъ разговоръ о его родныхъ, о семейныхъ обстоятельствахъ, долго ли онъ собирался въ монастырь, какъ ему эта мысль пришла и т. д. и незамѣтно, въ продолженіе одного разговора, хорошо узнаетъ высказавшагося брата. По времени, когда представится надобность назначить кого либо на то или другое послушаніе, О. Архимандритъ, подумавъ немного, и рѣшается кого выбрать. „Вотъ, говоритъ, уже давно у меня на примѣтѣ такой то. Кажется, человѣкъ онъ хорошій съ благимъ произволеніемъ; должно быть онъ способенъ къ этому дѣлу.“

Неподражаемо было искуство О. Архимандрита говорить съ каждымъ въ его тонѣ; съ простыми по просту; съ образованными на ихъ языкѣ, а съ средними, сообразно съ ихъ понятіями и ихъ образомъ рѣчи. Онъ хорошо понималъ потребности каждаго; за то и его вниманіе цѣнили всѣ и всѣ его любили. На всякаго онъ умѣлъ дѣйствовать и всякаго направлять къ полезному, смотря по его свойствамъ, привычкамъ и душевному настроенію.

Недавно скончавшійся монахъ Порфирій *) оставилъ въ

---

*) Происходившій изъ купеческаго семейства и получившій довольно хорошее образованіе.

своихъ келейныхъ запискахъ такія замѣтки объ О. Архимандритѣ Моисеѣ. „Часто страдая желудкомъ, я не могъ постоянно ходить въ трапезу, хотя очень старался объ этомъ, а въ такое болѣзненное время изъ трехъ кушаньевъ выбиралъ одно или два полегче и обѣдалъ въ келліи. О. Архимандритъ, встрѣчая меня несущаго кушанье, благословлялъ, не дѣлая никакого замѣчанія. Но однажды говоритъ: „что, въ келлійку?“ Я объяснилъ причину. Онъ сказалъ на это: „если съ вѣрою ходить въ трапезу, то это можетъ исцѣлять болѣзни,“ и немного помолчавъ прибавилъ; „не только тѣлесныя, но и душевныя.“ (Я же въ то время былъ сильно отягченъ разными помыслами). По слову О. Архимандрита я началъ ходить въ трапезу обѣдать; съ того времени въ теченіе лѣтъ пяти или шести я могъ ежедневно обѣдать въ трапезѣ безъ вреда для желудка. Ужинать же я не началъ ходить въ то же время, впослѣдствіи же, когда пожелалъ пріучить себя и ужинать въ трапезѣ, то не могъ, и долженъ былъ брать по прежнему вмѣсто двухъ одно кушанье полегче. На сколько я тотчасъ оказалъ послушанія, на столько получилъ и пользы.

Другой случай былъ слѣдующій: въ одно время я замѣтилъ, по нѣкоторымъ сдѣланнымъ мнѣ намекамъ, что въ монастырѣ распространилось обо мнѣ несправедливое мнѣніе. Я сильно огорчился этимъ и смутился мыслями, Старцу медлилъ сказать объ этомъ, вмѣсто того я пробовалъ объясниться съ двумя изъ болѣе близкихъ ко мнѣ братій, но одинъ изъ нихъ уклонился отъ объясненій, а другой старался только успокоить меня. Въ это время мнѣ случилось быть у О. Архимандрита; говоря о чемъ то, онъ коснулся въ разговорѣ предмета, подобнаго мнѣнію обо мнѣ, и пристально взглянулъ мнѣ въ глаза; при этомъ предложилъ вопросъ не касавшійся меня лично, я отвѣтилъ,—онъ въ это время еще взглянулъ на меня. Послѣ этого лице его изъ задумчиваго сдѣлалось совершенно спокойнымъ; тоже спокойствіе выразилось и въ

его голосѣ. Изъ этого я заключилъ, что О. Архимандритъ отвергнулъ подозрѣніе противъ меня; это было первымъ укрѣпленіемъ для страдавшей тогда души моей, и послѣ этого я не замѣчалъ ни малаго подозрѣнія противъ меня.— Слегка коснуться предмета и двухъ взглядовъ для О. Архимандрита было достаточно, чтобы отвергнуть подозрѣніе или сомнѣніе; меня это довольно успокоило или покрайней мѣрѣ ободрило.—Когда я бывалъ отягченъ помыслами, то въ послѣдніе годы жизни О. Архимандрита отъ одного благословенія его, мнѣ случалось получать облегченіе помысловъ.

При скудости средствъ О. Архимандриту необходимо было посылать нѣкоторыхъ изъ братій за сборомъ. Отправляя ихъ онъ совѣтовалъ, чтобы входя въ каждый домъ они читали внутренно молитвы: „Отче нашъ", „Достойно есть" и прочія, какія знаютъ на память, но „Отче нашъ" непремѣнно. Одинъ изъ сборщиковъ разсказывалъ замѣчательный случай съ нимъ, бывшій въ Тулѣ. Пришелъ я въ домъ тогдашняго откупщика Молчанова. Вхожу въ переднюю, человѣкъ тутъ бывшій спрашиваетъ меня: что вамъ нужно?—Да, вотъ я со сборною книгою на Обитель.—Никого здѣсь нѣтъ и не найдете, съ этими словами онъ самъ вышелъ, а я стою и думаю: идти и мнѣ, чтобы не случилось еще какой нибудь непріятности, а другая мысль говоритъ: да исполни же слова О. Игумена, прочитай сперва „Отче нашъ". Я и началъ читать мысленно эту молитву. Не успѣлъ еще окончить ее, какъ изъ боковой двери вышла дама хорошо одѣтая и спросила меня: Батюшка, что вамъ угодно?—Я собираю на Обитель съ книгою. Подождите немного, и вошла опять въ туже дверь. Слышу, что она громко говоритъ кому то. Тамъ монахъ пришелъ за сборомъ.—Ну подай ему, отвѣчалъ другой голосъ. Щелкнулъ замокъ отъ ящика.—Да тутъ мелкихъ нѣтъ, только десять рублей.—Ну отдай ихъ ему. Дама эта и вынесла мнѣ, вовсе ей незнакомому, десять рублей. Это

для сборщика немалая рѣдкость и радость, а уйди я, не исполнивъ слова О. Игумена, ничего бы и не получилъ. Такова была сила его словъ!

При переѣздахъ черезъ рѣки и озера, когда „предлежитъ жидкій путь“, какъ выражался О. Моисей, онъ совѣтовалъ братіямъ призывать въ помощь Св. Николая чудотворца. Одинъ изъ такихъ монаховъ сборщиковъ разсказывалъ, какъ онъ во время разлива воды, при переѣздѣ черезъ рѣку, по затопленному мосту, совсѣмъ было утонулъ съ повозкою; но вспомнилъ слова О. Архимандрита, призвалъ въ помощь Святителя Николая и лошадь его, уже погрузившаяся въ воду, вдругъ рванулась и выскочила на мостъ сама, а за собою вытащила и повозку съ сѣдокомъ.

Много перенесъ О. Архимандритъ непріятностей отъ подначальныхъ, присылавшихся въ Обитель; не говоря уже о причетникахъ и мірскихъ людяхъ, *) которыхъ присылали сюда на покаяніе, и священнослужители подначальные въ теченіе многихъ лѣтъ не давали Старцу покоя своими поступками, и испытывали его терпѣніе. Въ числѣ послѣднихъ присланъ былъ въ Оптину Пустынь Преосвященнымъ Николаемъ собственный его постриженикъ, бывшій учитель духовнаго училища, іеромонахъ Мельхиседекъ. По временамъ онъ принимался за подвижничество, а потомъ опять за пьянство. О. Архимандритъ переносилъ его выходки и грубости съ удивительнымъ терпѣніемъ. Разъ этотъ О. Мельхиседекъ, послѣ своихъ проказъ, пришелъ къ О. Архимандриту просить прощенья. Старецъ простилъ его и сдѣлалъ ему въ своей спальнѣ приличное наставленіе, на которое О. Мельхиседекъ отвѣчалъ словами: Ну, Батюшка, а теперь благословите чайку.—„Нѣтъ, братъ, ужъ чаю-то, знаешь что: на-

---

*) Въ числѣ послѣднихъ былъ и Сергій Кирилловичъ Нарышкинъ, жившій въ Обители нѣсколько времени.

добно помнить „чаю воскресенія мертвыхъ“, и съ этими словами О. Архимандритъ вышелъ на минуту въ другую комнату, а О. Мельхиседекъ, увидавъ, что тутъ же недалеко стояла чайница, схватилъ ее и сталъ сыпать изъ нея прямо себѣ въ карманъ. О. Архимандритъ увидѣлъ это чрезъ открытыя двери и идетъ назадъ со словами: „что ты, что ты это дѣлаешь!“ — Ничего, Батюшка, чаю-то довольно, отвѣчалъ О. Мельхиседекъ, ставя на мѣсто пустую чайницу, а теперь благословите сахарцу. — „Ну, что съ тобою дѣлать, вѣрно ужъ и сахару дать,“ сказалъ О. Архимандритъ; позвалъ келейника и велѣлъ дать О. Мельхиседеку сахару.

Не разъ О. Архимандрита келейники бывали свидѣтелями подобныхъ сценъ и его крайняго снисхожденія; многократно испытывали они послѣднее и на самихъ себѣ. Къ О. Архимандриту имѣлъ доступъ всякій. Часто приходили къ нему продавать разныя мелочи и купленныя вещи иногда оставались тутъ же въ комнатахъ по нѣскольку дней. Замѣтивъ это, О. Архимандритъ сказалъ разъ своему келейнику: „что же вы не прибираете, всякая вещь должна быть на своемъ мѣстѣ“. Вскорѣ послѣ этого кто-то принесъ Старцу арбузъ. Онъ взялъ его и положилъ тутъ же въ своей келліѣ. Арбузъ этотъ лежалъ день, лежалъ другой, а на третій келейники рѣшили: давай-ка приберемъ этотъ арбузъ, вѣдь Архимандритъ велѣлъ, чтобы всякая вещь была на своемъ мѣстѣ, взяли арбузъ къ себѣ и послѣ обѣда расположились его ѣсть. Половину уже съѣли, какъ вдругъ звонокъ отъ О. Архимандрита. Старшій келейникъ и говоритъ своему товарищу: ну, братъ, иди ты, если спроситъ про арбузъ, отдѣлывайся какъ знаешь. Келейникъ входитъ. О. Архимандритъ спрашиваетъ: „а что, братъ, вотъ тутъ у меня одна вещица лежала, да я ее теперь ужъ тамъ не вижу, гдѣ она?“ Гдѣ, Батюшка, какая вещица? „Да вотъ здѣсь, одна вещь была у меня“.—Какая, Батюшка, не арбузъ ли? „Да, арбузъ“. —Про-

стите, Батюшка, мы его прибрали, да половину уже и съѣли. „Ну, принеси мнѣ сюда хоть половину“, и больше ни слова; потому конечно, что келейникъ началъ со слова: простите.

Подобными вещами какъ арбузы и другіе фрукты О. Архимандритъ любилъ угощать пріѣзжихъ, посѣщавшихъ Обитель съ благочестивою цѣлью молитвы и духовнаго назиданія себя. Въ обращеніи съ ними, да и со всѣми пріѣзжавшими и приходившими въ Обитель, онъ былъ очень привѣтливъ и радушенъ, но бесѣдовалъ весьма искусно и разнообразно, имѣя всегда въ виду и степень образованія и общественное положеніе и духовное развитіе своихъ слушателей. Съ иными заводилъ рѣчь о торговыхъ дѣлахъ, съ другими бесѣдовалъ о современныхъ отечественныхъ событіяхъ или политическихъ происшествіяхъ, такъ что нерѣдко удивлялъ своихъ собесѣдниковъ основательностью и оригинальностью замѣчаній, которыхъ они никакъ не ожидали отъ Настоятеля-пустынника. — Съ иными бесѣдовалъ о ихъ семейныхъ обстоятельствахъ и весьма кстати приводилъ какой либо примѣръ или изреченіе Св. Писанія. Съ удивительнымъ искуствомъ старался онъ всегда избѣгать среди бесѣды разговора о людяхъ, въ смыслѣ ихъ осужденія. Иногда поставленный теченіемъ рѣчи въ необходимость произнести свой приговоръ, онъ выражалъ его не рѣзко, а въ общихъ выраженіяхъ, не имѣвшихъ оттѣнка осужденія. „Да, кто же можетъ это одобрить!“ и т. п. „Слово его было сладко, встрѣча радовала, привѣтствіе его было драгоцѣнно: такъ всегда было обдуманно и нѣжно. Эта прекрасная душа ни передъ кѣмъ не оставалась въ долгу“, *) писалъ о немъ одинъ изъ хорошихъ его знакомыхъ.

Если кто либо изъ посѣтителей говорилъ, что онъ считаетъ себя обязаннымъ къ всегдашней благодарности, за

---

*) См. въ приложеніи письмо О. Игум. Антонія Бочкова.

оказанный ему въ Обители пріемъ, то О. Архимандритъ обыкновенно отвѣчалъ, что Апостолъ говоритъ: *ни единому ни чимъ же должни бывайте, точію еже любити другъ друга* (Рим. 13, 8). Тѣмъ не менѣе онъ всегда старался по мѣрѣ своихъ личныхъ силъ и средствъ Обители успокоивать посѣтителей и достаточныхъ и бѣдныхъ. „Всѣхъ бывало обойду и на гостинницахъ, говорилъ онъ незадолго до своей кончины одному пріѣзжему Настоятелю, а теперь уже не могу я этого дѣлать; очень ослабѣлъ силами".—Для помѣщенія пріѣзжихъ и приходящихъ были выстроены имъ гостинницы, на которыхъ безплатно предлагалось и помѣщеніе и пища отъ Обители. Вмѣсто урочнаго платежа, кто сколько хотѣлъ, столько и клалъ, по мѣрѣ своего усердія, въ кружку, прибитую къ стѣнѣ въ корридорѣ. Объ этомъ порядкѣ на гостинницахъ сохранился въ памяти братіи такой разсказъ. Во время игуменства О. Моисея заѣхалъ на монастырскую гостинницу одинъ богатый купецъ вмѣстѣ съ своимъ взрослымъ сыномъ. Внезапный разливъ воды заставилъ ихъ прожить здѣсь нѣсколько дней. Купецъ этотъ съ недовѣріемъ смотрѣлъ на монаховъ и не былъ къ нимъ расположенъ, и медлилъ онъ въ монастырѣ только по необходимости. Видя, что монахъ гостинникъ усердно прислуживаетъ имъ нѣсколько дней и приноситъ кушанье, онъ, разъ, во время обѣда, сказалъ ему: угощаете-то вы насъ усердно, да что-то вы съ насъ за это послѣ положите?—Ничего не положимъ.—Какъ ничего?—Да такъ; у насъ есть кружка запечатанная на стѣнѣ, что вамъ Богъ положитъ по сердцу, то вы въ нее и опустите. Ну конечно я-то опущу, но вѣдь другой ничего не опуститъ, да можетъ быть и много такихъ найдется. Такъ всѣхъ-то монастырю кормить даромъ убыточно будетъ.—На это нашъ О. Игуменъ говоритъ: если и 99 ничего не заплатятъ, такъ Богъ пошлетъ такого сотаго, который за всѣхъ вознаградитъ. При этихъ словахъ купецъ взглянулъ на своего сына и сказалъ: ну,

сотые то вѣрно мы съ тобою. И съ тѣхъ поръ, пораженный такою вѣрою Настоятеля, самъ сдѣлался постояннымъ благодѣтелемъ Оптиной Пустыни.

Всякое благодѣяніе, всякую жертву изъ усердія къ Обители, даже и самую малую, О. Архимандритъ Моисей принималъ всегда съ искреннею благодарностью, особенно во время нужды; но съ другой стороны никакому и самому значительному приношенію не удивлялся. Случилось, что одно семейство, оказавшее много благодѣяній Оптиной Пустыни, посѣтило Обитель и, остановившись на монастырской гостинницѣ, осталось недовольно какимъ-то распоряженіемъ гостинника. Пошли жаловаться къ О. Архимандриту. Вотъ, Батюшка, мы всегда съ усердіемъ принимаемъ вашихъ сборщиковъ, всячески стараемся ихъ упокоить, съ любовью помогаемъ Обители сколько можемъ, а вашъ гостинникъ и того-то не захотѣлъ сдѣлать для насъ.—„Да ужъ мы думали, отвѣчалъ Богомудрый Старецъ, что вы оказываете намъ благодѣянія ваши ради Бога, и отъ Господа ожидаете себѣ награды за ваши добрыя дѣла. Если же вы отъ насъ грѣшныхъ ожидаете себѣ воздаянія,—то лучше уже и не оказывать благодѣяній, потому что мы убогіе и неисправные ничѣмъ не можемъ воздать за нихъ.“—Посѣтители не только удовлетворились этимъ объясненіемъ, но и утѣшились искренностью Старца, и потомъ сами съ удовольствіемъ и благодарностью вспоминали, какъ, вмѣсто ожиданныхъ извиненій и удовлетворенія ихъ самолюбія, получили къ душевной своей пользѣ такое высоко-духовное назиданіе. Конечно въ этомъ случаѣ О. Архимандритъ зналъ, съ кѣмъ онъ имѣлъ дѣло, а гостинника послѣ все таки призвалъ и сдѣлалъ ему нужное вразумленіе.

Подобный же случай былъ и съ экономомъ. О. Архимандритъ всегда давалъ посѣтителямъ лошадей до станціи, если они того просили, а иногда приказывалъ эконому при

отправленіи монастырскихъ подводъ за чѣмъ либо въ Бѣлевъ, или другой близкій городъ, отвозить на этихъ подводахъ, конечно безплатно, бѣдныхъ людей изъ посѣщавшихъ Обитель. Также и изъ Козельска приходили иногда нѣкоторые пѣшкомъ, и потомъ просили О. Архимандрита нельзя ли имъ доѣхать обратно на монастырской лошади; имъ никогда не было отказа. Одинъ разъ съ такою же просьбою пришелъ къ О. Архимандриту бѣдный чиновникъ изъ Козельска. О. Моисей отправилъ его для исполненія къ монастырскому эконому, но послѣдній отказалъ по не имѣнію въ то время свободной лошади. Потомъ экономъ приходитъ къ О. Архимандриту. „Что же ты, братъ, давича козельскому-то чиновнику отказалъ въ лошади?“—Да, простите, Батюшка, лошади не было, потому и отказалъ.—„Чтобы это слово у тебя умерло—лошади нѣтъ“, отвѣчалъ Старецъ.—Видите, какъ строго сказалъ, передавалъ потомъ экономъ другимъ братіямъ, „чтобы это слово у тебя умерло“. Значитъ всегда, чтобы была лошадь для бѣднаго человѣка, откуда хочешь возьми.—

Не только подводами, но и всѣмъ, чѣмъ только могъ О. Архимандритъ всегда съ неподражаемою щедростью помогалъ всякому нуждавшемуся и своимъ христіанскимъ безкорыстіемъ и доброжелательностью привлекалъ къ себѣ сердца многихъ.

Къ нищимъ и нуждающимся онъ былъ особенно милостивъ и смотрѣлъ на нихъ съ большою любовію и сочувствіемъ, потому что самъ испытывалъ нищету; за неотступность требованій или докучливость не сердился, а всегда съ привѣтливостью подавалъ сколько могъ. Такъ одинъ разъ у О. Архимандрита были гости, съ которыми онъ сидѣлъ въ залѣ, въ это время въ переднюю вошла пожилая, бѣдно одѣтая женщина съ подушкою въ рукахъ. О. Моисей увидѣлъ ее въ растворенныя двери и, по обычаю, вышелъ къ ней въ переднюю съ вопросомъ: „что тебѣ надобно?“ Да вотъ, Батюшка, не купите ли подушку?—„Нѣтъ, намъ ненадобно.“—Батюшка!

сдѣлайте милость. возьмите, у меня дома дѣти голодные, ѣсть намъ нечего. „А что эта подушка стоитъ?“—Полтора рубля.—„Нѣтъ это дорого, возьми рубль“, съ этими словами О. Моисей пошелъ въ свою спальню, взялъ оттуда пятирублевую бумажку и, возвращаясь въ переднюю, отдалъ ее старухѣ подъ видомъ рубля, приговаривая: „дорого, дорого.“ Женщина поклонилась и вышла. О. Архимандритъ пошелъ къ своимъ гостямъ, но едва успѣлъ занять прежнее мѣсто, какъ старуха, разсмотрѣвъ въ сѣняхъ ассигнацію опять отворила дверь со словами: Батюшка, никакъ Вы ошиблись.—„Да ступай, ступай, я сказалъ, что больше не стоитъ“.—Старуха ушла, а гости слышали только разговоръ про одинъ рубль серебромъ.—Много разъ прикрывалъ онъ такъ свои благодѣянія.

Часто покупалъ вещи, вовсе ненужныя, или совершенно устарѣвшія, только потому, что ихъ продавалъ бѣдный человѣкъ. Въ Козельскѣ былъ раззорившійся торговецъ по фамиліи Далматовъ, нынѣ уже умершій, который возилъ О. Архимандриту всякія и нужныя и вовсе ненужныя для Обители вещи. Разъ онъ привезъ старые хомуты, никуда уже негодные—О. Архимандритъ купилъ и ихъ. Когда пришелъ экономъ, О. Моисей сказалъ ему: „возьми-ка, братъ, вотъ эти вещи“. Экономъ попробовалъ одну шлею, другую, да и возразилъ: Батюшка, вѣдь это все гнилье, никуда не годится, на что же вы это купили?—„Экой ты, братъ, какой, вѣдь продавалъ то человѣкъ бѣдный, у него пятеро дѣтей, все равно надобно ему и такъ помочь.“ Подобныхъ случаевъ было множество.

Нерѣдко О. Архимандритъ, при свойственной ему проницательности и обширной опытности, ясно видѣлъ, что его обманываютъ, но не показывалъ этого. Одинъ разъ сосѣдніе мужики украли рыбу изъ монастырскаго садка и принесли ему же продавать. Онъ купилъ, не подавая и вида

сомнѣнія, а на слова келейника: Батюшка, да вѣдь эту рыбу они у насъ же украли, отвѣчалъ: „ну, ужъ это на ихъ совѣсти, а люди они бѣдные“.—Бывшій долго пономаремъ монахъ Ѳеодосій разсказывалъ также два подобныхъ случая.

Разъ случилась у насъ на мельницѣ покража. Въ числѣ другихъ вещей украли и коромысло отъ мучныхъ вѣсовъ. Черезъ короткое время послѣ этого прихожу къ О. Игумену, по своему дѣлу, и вижу, что коромысло это продаетъ ему какой то незнакомый человѣкъ и проситъ два рубля, а О. Игуменъ торгуется, не даетъ, я отозвалъ его въ сторону и говорю ему: Батюшка, это наше коромысло, которое недавно съ мельницы украли.—Онъ отвѣтилъ только: „хорошо, ступай“. Послѣ узналъ я, что онъ ни слова не сказалъ о воровствѣ и купилъ коромысло и заплатилъ, сколько желалъ продавецъ.

Въ другой разъ калужскій кровельщикъ чинилъ главу на колокольнѣ, ему отпускали на починку изъ монастыря англійской бѣлой жести, сколько онъ спрашивалъ. Когда онъ кончилъ работу и собрался совсѣмъ домой, зашелъ онъ въ церковь, а суму свою положилъ на паперти, въ чуланѣ, куда дверь была не замкнута. Я вошелъ въ этотъ чуланъ и вижу, лежитъ какая то сума: изъ любопытства открылъ ее и нашелъ въ ней пятнадцать листовъ англійской жести, точно такой, какъ мы давали кровельщику; я тотчасъ же взялъ эту жесть, отнесъ келейникамъ О. Игумена и сказалъ: калужскій кровельщикъ сейчасъ долженъ придти къ О. Игумену за расчетомъ. Скажите, что онъ у насъ укралъ эту жесть. Келейники передали О. Игумену. Онъ выслушалъ, но когда пришелъ кровельщикъ, О. Игуменъ не сказалъ ему ни слова о кражѣ, а выдалъ ему расчетъ сполна и отпустилъ его съ миромъ.

Сосѣдніе поселяне прослышали, что О. Моисей желаетъ купить яблоки сорта „добрый крестьянинъ“. Одинъ мужи-

чекъ въ надеждѣ на то, что монахъ не разберетъ, привезъ ему продавать много яблокъ „антоновки". О. Архимандритъ вышелъ самъ ихъ посмотрѣть, узналъ конечно очень хорошо, какія это яблоки, и говоритъ продавцу: „да, яблоки твои хороши. А какого они сорта?"—Добрый крестьянинъ. Батюшка. «Добрый крестьянинъ, да не Антономъ ли его звали?» отвѣчалъ О. Архимандритъ съ своею обычною, кроткою улыбкою. Обманщикъ посрамился.

Когда кто нибудь просилъ то или другое изъ Обители „на благословеніе", то О. Архимандритъ отдавалъ всегда лучшее, а иногда и послѣднее. Если же кто нибудь изъ братіи его останавливалъ, говоря, что это нужно для монастыря, то онъ съ неудовольствіемъ возражалъ: „что же, ты хочешь развѣ, чтобы мы другимъ дарили то, что самимъ не нужно или не нравится? Такое наше усердіе будетъ „Каиновою жертвою".—Даже если кто нибудь предъявлялъ, по какому либо случаю, неправильныя требованія и притязанія, то О. Архимандритъ и ихъ старался удовлетворить, какъ бы они ни были несправедливы; отдавалъ и свое, чтобы только не ссориться и не судиться, и предоставлялъ все суду Божію.

Не отказывая бѣднымъ въ помощи, питая множество странниковъ и на гостинницѣ и въ трапезѣ, безъ опредѣленной за то платы, часто нуждаясь самъ до крайности въ деньгахъ, О. Архимандритъ Моисей нерѣдко предпринималъ и работы въ монастырѣ и новыя постройки, имѣя при этомъ одною изъ цѣлей,—питаніе бѣдныхъ людей изъ окрестности. Доказательствомъ сему служитъ между прочимъ и разсказъ, недавно скончавшагося схимника О. Антонія, записанный съ его словъ, хотя и не вполнѣ точно, и напечатанный въ Калужскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ за 1874 годъ. Вотъ этотъ разсказъ, не разъ и нами слышанный отъ покойнаго О. Антонія.

Ограда около нашего монастыря, говорилъ схимникъ, строи-

лась въ тотъ годъ (18**), когда, по нашимъ грѣхамъ, пудъ муки продавали по четыре, да по пяти рублей, а мѣру гречневыхъ крупъ по четыре рубля, ассигнаціями разумѣется. Смотрю я бывало на О. Игумена Моисея въ то время, да и думаю: Господи, вѣра то какая у этого человѣка! Въ Евангеліи сказано, что вѣрою можно горы переставлять, а тутъ созидаетъ человѣкъ вѣрою горы, тамъ гдѣ ихъ не было. Ничего нѣтъ, хлѣба даже у братіи нѣтъ, а онъ этакую огромную постройку ведетъ. И повелъ, и повелъ, да такъ, безъ перерыва и довелъ ее до конца. А ограда-то какая. Нѣсколько домовъ каменныхъ можно изъ нея выстроить.

Въ тоже время началъ онъ и гостинницы каменныя строить. А пониже колокольни, гдѣ теперь каменныя гостинницы, стоялъ прежде для пріѣзжихъ всего одинъ флигелекъ деревянный съ мезонинчикомъ. Для устройства гостинницы надобно было срыть гору. Землю съ горы возили въ озеро, что на берегу рѣки, и сыпали землю на три аршина вышины. Чего все это стоило?

Братія бывало смотрятъ на всѣ эти его дѣла, да только дивятся, а иные маловѣрные конечно и роптали. Братіи ѣсть нечего, а онъ такія большія постройки затѣваетъ.— А онъ, покойникъ, только бывало молчитъ, да дѣлаетъ свое дѣло.

Идетъ онъ разъ съ братомъ своимъ по дорогѣ къ рѣкѣ, и я за нимъ. О. Антоній и говоритъ покойнику: Батюшка, я думаю, не оставить ли ужъ вамъ эти постройки до другаго времени. Видите, какія трудныя времена застали васъ за этимъ дѣломъ. А они хотя и братья были родные, но О. Антоній никогда не выходилъ у покойника изъ послушанія и звалъ его всегда батюшкой. Въ то время почти весь монастырь былъ биткомъ набитъ голодными. Дня по три у иного и крошки хлѣба во рту не было дома, онъ и идетъ въ нашу Обитель; знаетъ, что его здѣсь успокоятъ.— Вотъ онъ, покойникъ, остановился, пожимаетъ себѣ руки по обычаю,

опустилъ глаза въ землю и говоритъ О. Антонію: „да, надобно оставить“. А самъ стоитъ и помалчиваетъ. Я догадался, что мнѣ слѣдуетъ отойдти въ сторону, отошелъ, будто къ рабочимъ, а самъ грѣшный сталъ за ракитою, да и слушаю, что такое онъ хочетъ сказать. Знаю ужъ, что скажетъ какое нибудь мудрое слово.

Вотъ онъ и говоритъ О. Антонію. „Эхъ, братъ, на что же мы образъ-то ангельскій носимъ? Для чего же Христосъ Спаситель нашъ вольную смерть за насъ принялъ и душу Свою за насъ положилъ? За чѣмъ же Онъ слова любви-то проповѣдалъ намъ. Для того ли, чтобы мы великое Его слово о любви къ ближнимъ повторяли только устами, и оставляли его втунѣ, забывали о страданіяхъ Спасителя за насъ, любви ради Имъ понесенныхъ? Что же народу-то съ голоду что ли умирать? Вѣдь онъ во имя Христово проситъ избавить его отъ голодной смерти, а Христосъ *любы есть* (Іоан. 4, 8). Нѣтъ, будемъ дѣлати для самаго же народа, дондеже Господь не закрылъ еще для насъ щедрую руку Свою. Онъ не для того посылаетъ намъ Свои дары, чтобы мы ихъ прятали подъ спудъ, а чтобы возвращали въ такую тяжелую годину тому же народу, отъ котораго мы ихъ получаемъ. Мы для него же должны тратить его трудовыя, потовыя лепты“. Самъ говоритъ, а слезы у него такъ и сыплятся. Очень ужъ близко было его сердцу и больно горе народа. Вѣрный былъ онъ рабъ Христовъ; свято хранилъ Его заповѣди. И ужъ такой-то святой онъ былъ въ эту минуту! Я не выдержалъ, выскочилъ изъ за ракиты, бѣгу къ нему, бросаюсь и ловлю цѣловать его руку, слезы у меня такъ въ три ручья и льются, а О. Антоній лежитъ уже у него въ ногахъ и плачетъ.

„Что вы, что вы, братія! Встаньте, говоритъ, Господь съ вами.“—Взялъ свой костыль и пошелъ отъ насъ на работы къ народу.

Да, говорилъ обыкновенно О. Антоній въ заключеніе этого разсказа, вытирая слезы, вотъ это былъ человѣкъ!—

Зачѣмъ же вы въ сторону отошли отъ него? спросилъ О. Антонія одинъ изъ слышавшихъ его сказаніе. Да, онъ покойникъ смиренный былъ, скромный, отвѣтилъ схимникъ. Требовалось и брата вразумить, да чтобы и я то не слыхалъ его великаго слова. Добро-то онъ дѣлалъ, да не желалъ, чтобы это видѣли другіе; такъ и говоря доброе слово, чтобы другіе ему не мѣшали, потому что человѣкъ вѣдь скоръ какъ на похвалу, такъ и на укоризну дѣлъ ближняго. Сейчасъ и восхвалитъ за доброе дѣло и даже за слово. И не Бога восхвалитъ, который только одинъ и влагаетъ намъ самое помышленіе сдѣлать добро, а восхвалитъ сейчасъ же человѣка. Вотъ чтобы не подавать постороннему повода къ такой несправедливости, покойный всегда и избѣгалъ случаевъ и говорить и дѣлать добро на народѣ. Да и себя охранялъ: человѣкъ тоже былъ, остерегался тщеславія, превозношенія.

Много было скорбей у Старца, продолжалъ О. Антоній, но много и радостей. Да и радости то какія, все видимо чудесныя, посылалъ ему Господь. Бывало смотришь на дивныя дѣла Божіи, да и думаешь: только праведникъ можетъ у Господа обрѣсти такую богатую милость.—Въ то же голодное время, копаюсь я разъ на огородѣ. Гляжу, къ перевозу подъѣхалъ обозъ, а у насъ тутъ мимо монастыря идетъ проѣзжая дорога, поворачиваетъ на кіевскій трактъ, я и думалъ, что обозъ идетъ мимо. Обозъ большой, подводъ пятнадцать, на каждой подводѣ по три мѣшка, въ каждомъ мѣшкѣ по девяти пудовъ. Переѣхали перевозъ извощики и остановились около монастыря. Я подошелъ къ нимъ и спрашиваю: кого имъ надобно? Дорогу что ли объѣздную желаете узнать?—Нѣтъ, говорятъ, мы только до этого мѣста ѣдемъ. Что же, говорю, накладная есть? Есть, говорятъ, и накладная и письмо къ Насто-

ятелю. Отъ когоже? Не велѣно сказывать, съ тѣмъ и присланы.—Повелъ я передняго извощика къ покойному въ келлію. Извощикъ подалъ ему письмо, подалъ и накладную. Покойникъ, какъ прочиталъ письмо, перекрестился, а у самаго въ три ручья слезы!—„Вѣрую, сказалъ онъ, Господи. что не ради меня недостойнаго, а ради сихъ убогихъ и сирыхъ призрѣлъ Ты милостію Своею на насъ". Что же оказалось?—Какой-то благодѣтель прислалъ этотъ обозъ Обители въ даръ, а у насъ въ то время ужъ такъ туго пришлось, что ни хлѣба не было, ни денегъ. Велика была милость Господня черезъ вѣрнаго раба Его, и къ намъ грѣшнымъ.

А сколько бывало горя и вмѣстѣ съ тѣмъ сколько и нечаянныхъ радостей по постройкамъ. Покойникъ во всю жизнь свою строился. Иной во сто лѣтъ того не сдѣлаетъ, что онъ сдѣлалъ въ 37. А какъ строился-то?—Всегда безъ денегъ. Видишь бывало, что и то нужно и другое нужно, а онъ задумалъ постройку, тогда какъ денегъ нѣтъ. Скажешь бывало ему: начинаете вы, Батюшка, такую большую постройку, а есть ли у Васъ деньги?—„Есть, скажетъ, есть", и вынетъ бумажникъ, а въ бумажникѣ рублей 15, 20. Да вѣдь это, скажешь ему, все равно что ничего; постройка вѣдь тысячная. —А онъ только улыбнется бывало, да и скажетъ: „а про Бога то ты забылъ. У меня нѣтъ, такъ у Него есть." И точно Богъ посылалъ ему. Такъ сильна была у него вѣра въ Бога. Иной не рѣшился бы и подумать начинать безъ денегъ постройку, а онъ такъ былъ увѣренъ въ помощи Божіей и такъ твердъ былъ въ этомъ, что ни сколько бывало и не задумывался. И дѣйствительно вѣра не посрамляла его. И рабочіе-то привыкли ему вѣрить. Если понадобятся имъ деньги, а онъ скажетъ: „повремените, братцы, день, другой;" рабочіе бывало уже и знаютъ, что денегъ у Батюшки дѣйствительно стало быть нѣтъ; и не ропщутъ. Ну скажутъ, ему Богъ на нашу долю пошлетъ. И точно посылалъ. По-

молится, бывало, Старецъ, глядишь съ почты и везутъ деньги. И самъ же первый бывало придетъ на работу и скажетъ рабочимъ: „ну, братія, онъ всѣхъ братіями называлъ по своей любви и смиренію, мнѣ на вашу долю Господь послалъ; давайте подѣлимся"; и сейчасъ же раздастъ кому сколько нужно. Помню, строили трапезную. Рабочіе кончили свое дѣло и на утро собирались расходиться по домамъ. Съ вечера подрядчикъ приходитъ къ покойнику и говоритъ, что рабочіе завтра уходятъ и просятъ расчетъ. Старецъ конечно и самъ зналъ, что работа окончена и надобно расчесть рабочихъ, но денегъ-то не было ни гроша!—„Хорошо, говоритъ, пусть ночуютъ, завтра отпущу." А между тѣмъ, чтобы выиграть время, пока закупщикъ съѣздитъ на почту и узнаетъ, нѣтъ ли откуда нибудь какой либо присылки, да и рабочихъ не отпустить безъ хлѣба и соли, какъ это водится, когда оканчивается большая постройка, покойникъ велѣлъ приготовить для нихъ на утро обѣдъ. Рабочіе узнали, что готовится обѣдъ и остались безъ ропота ждать до половины дня, а между тѣмъ закупщикъ привезъ съ почты, вовсе неожиданно, больше того, сколько нужно было для расчета рабочихъ.

Такъ Господь во всемъ утѣшалъ своего праведника!—

Этотъ разсказъ покойнаго схимника—сущая истина.

Съ О. Архимандритомъ Моисеемъ было много такихъ случаевъ относительно работъ и рабочихъ. Приведемъ одинъ изъ нихъ, подобный сейчасъ разсказанному, и сохранившійся въ памяти братіи: однажды плотники также кончали свою работу и пришли просить у него денегъ, говоря что дѣло приближается къ концу, а у О. Моисея въ то время ничего не было, кромѣ нѣсколькихъ мѣдныхъ монетъ. Взять или попросить было не у кого. „Да вы развѣ ужъ все тамъ кончили?," спросилъ онъ рабочихъ.—Кончаемъ, Батюшка, вотъ, вотъ кончимъ.—„Ну, когда совсѣмъ кончите, тогда и приходите." На другой день вечеромъ опять приходятъ, гово-

рятъ, что дѣло у нихъ совсѣмъ кончено и что они хотятъ идти домой.—„Да вы когда ходите идти?“ Завтра утромъ. „Завтра и приходите.“ На другой день являются опять, просятъ расчета, совсѣмъ уже собрались. А у Настоятеля все таки ничего нѣтъ.—„Да вотъ, погодите немного, съ почты ожидаю денегъ,“ сказалъ О. Моисей весьма твердо, а посланный еще не возвращался изъ города и неизвѣстно было, что онъ привезетъ. Привозятъ почту,—и чтоже? Получается письмо со вложеніемъ ста рублей изъ Варшавы, отъ какого-то, совершенно неизвѣстнаго Обители, одинокаго, холостаго чиновника, который, попавъ на службу въ чужой край, возъимѣлъ желаніе, еще при жизни своей, сдѣлать распоряженіе о поминовеніи своей души. Подобныхъ случаевъ было немало. Но иногда приходилось О. Архимандриту Моисею и безвыходно трудно, тогда онъ прибѣгалъ къ займамъ у добрыхъ людей и тотчасъ же по полученіи денегъ старался уплачивать эти долги, черезъ что и пользовался общимъ довѣріемъ. При постройкахъ, не смотря на всегдашнюю скудость въ средствахъ, онъ всегда заботился о томъ, что бы все было сдѣлано „по потребности и по приличію.“ И вездѣ и всегда скрывалъ свою личность и свой собственный трудъ. „Это былъ мужъ дѣла, а не словесъ самохвальныхъ,“ *) какъ нѣкто выразился объ О. Моисеѣ. При немъ Оптина Пустынь стала извѣстною во всемъ православномъ христіанствѣ, но кто слышалъ, чтобы О. Моисей когда либо похвалился такою достославною извѣстностью? Одни труды, всегда труды и заботы какъ бы не давали мѣста какому либо праздному и личному чувству зайдти въ эту великую душу, посвятившую себя на служеніе Богу и ближнимъ. На всѣ похвалы О. Моисей отвѣчалъ едва замѣтною улыбкою, которая гово-

*) См. въ приложеніи письмо О. Игум. Антонія Бочкова.

рила: „не соглашаюсь я съ вами, а сомнѣваюсь.“ Кому высказывалъ онъ свои успѣхи?

Оптинскіе старожилы изъ братіи разсказываютъ, что однажды посѣтилъ Оптину Пустынь, проѣздомъ въ столицу, одинъ Преосвященный. Осмотрѣвъ монастырь, онъ пошелъ въ Скитъ, любовался его уединеннымъ мѣстоположеніемъ и устройствомъ и потомъ спросилъ сопровождавшаго его О. Настоятеля: „кѣмъ это все устроено?“ О. Моисей сказалъ нѣсколько уклончивыхъ словъ въ родѣ того, что это устроивалось постепенно на здѣшнемъ мѣстѣ. Преосвященный отвѣчалъ: „я и самъ вижу, что Скитъ устроенъ на здѣшнемъ мѣстѣ, но желаю знать, кто именно построилъ Скитъ?“—„Настоятель съ братіею,“ сказалъ О. Моисей.—„Говорятъ, что вы все это устроили,“ продолжалъ Преосвященный.—„Да, и я при этомъ находился,“ отвѣтилъ О. Моисей. Послѣ этихъ словъ у посѣтителя отпала охота еще его распрашивать.

Иногда О. Архимандритъ самъ посмѣивался надъ собою, говоря: „вотъ въ Евангеліи о мудромъ строителѣ сказано: *кто отъ васъ хотяй столпъ создати, не прежде ли разчтетъ имѣніе, аще имать еже есть на совершеніе* (Ев. Луки 14, 25), а я—немудрый строитель. Началъ напримѣръ строить зданіе для новой трапезы и думалъ, что выстрою на пять тысячъ, а оно стало въ пятнадцать тысячъ.“

Правда, что постройки не дешево ему обходились, но это происходило и отъ того, что О. Архимандритъ не строго наблюдалъ за рабочими и ихъ дѣломъ, а довѣрялъ имъ болѣе на совѣсть. Не всѣ, знавшіе это, братія смотрѣли спокойно на такой порядокъ или, какъ выражались нѣкоторые, безпорядокъ въ хозяйствѣ. Настоятель Мещовскаго монастыря О. Игуменъ Никодимъ, взятый изъ числа братіи Оптиной Пустыни, какъ мы выше сказали, пріѣхалъ разъ изъ Мещовска въ Оптину Пустынь и, въ разговорѣ съ О. Архимандритомъ, замѣтилъ ему, что рабочіе много берутъ съ него денегъ, а

работаютъ лѣниво.—„Да, вотъ ужъ и намъ многіе дѣлаютъ пожертвованія, возразилъ Старецъ, для того, чтобы мы за нихъ молились. а какъ мы молимся, вполнѣ ли усердно? Какъ же мы будемъ строго взыскивать съ другихъ—мірскихъ людей.“

Тотъ же Игуменъ Никодимъ, какъ самъ послѣ разсказывалъ, пошелъ въ небольшой садикъ, бывшій при келліи О. Архимандрита Моисея, и видитъ крестьянскаго мальчика, сидящаго на дорожкѣ. Ты что здѣсь дѣлаешь? спросилъ онъ его.—Кротовъ ловлю.—Что же ты и жалованье получаешь?—Получаю. Прохожу дальше, другой мальчикъ сидитъ около яблони. А ты что дѣлаешь? Воронъ отпугиваю, чтобы яблоковъ не портили.—И жалованье получаешь?—Какъ же получаю. Вотъ пустяки-то, подумалъ О. Никодимъ, на что Архимандритъ деньги тратитъ. Входитъ онъ съ этою мыслью въ келліи О. Архимандрита и говоритъ ему: ходилъ я, Батюшка, у васъ по саду, да признаться и подивился, сколько тамъ мальчиковъ у Васъ и всѣ на жалованьѣ. Одинъ кротовъ ловитъ.... „Да! прервалъ его Старецъ, какой это вредный звѣрекъ, у лучшихъ растеній подкапываетъ иногда корни, они и сохнутъ, я ужъ нанялъ мальчика ихъ ловить.“—А другой мальчикъ, какъ я видѣлъ, воронъ пугаетъ. „Да! вотъ и эта птица, какъ она вредна, самое лучшее яблоко испортитъ, да испортитъ. Долженъ я былъ нанять мальчика, чтобы ихъ отгонять. Да и ребята-то бѣдные, сироты.“ Игуменъ замолчалъ, уразумѣвъ, что дѣло не столько въ кротахъ и въ воронахъ, сколько въ бѣдности мальчиковъ—сиротъ.

При жизни О. Архимандрита Моисея нѣкоторые упрекали его за то, что онъ все строится, при такихъ скудныхъ средствахъ. Можетъ быть у него и была дѣйствительно маленькая слабость къ постройкамъ, но во первыхъ, ни одна изъ сдѣланныхъ имъ построекъ не оказалась послѣ излишнею. Братскихъ келлій выстроено имъ было довольно, но онѣ постоянно всѣ заняты, какъ въ монастырѣ, такъ и въ

Скиту; гостинницъ было и есть еще недостаточно для посѣтителей и странниковъ. Во вторыхъ, онъ давалъ своими постройками хлѣбъ бѣднымъ людямъ, а между тѣмъ украшалъ и упрочивалъ Обитель, и въ третьихъ, можетъ быть онъ намѣренно тратилъ деньги на постройки, опасаясь привязаться къ первымъ и сдѣлаться сребролюбивымъ. Да и не лучше ли наконецъ вести постройки въ Обители, нежели приберегать копѣйку на мнимо-черный день и тѣмъ чернить свою душу, развивая въ ней *сребролюбіе—корень всѣхъ золъ* (I Тим. 6, 10). Послѣдняго особенно боялся О. Архимандритъ Моисей, и былъ „большой гонитель на деньги" какъ выражался о немъ его келейникъ. Необходимость заставила и преемника О. Архимандрита въ настоятельской должности О. Игумена Исаакія возвести нѣсколько новыхъ зданій.

Иные думали, что у О. Архимандрита Моисея есть большія деньги, на которыя онъ и производитъ постройки, но на дѣлѣ было совершенно наоборотъ. О. Моисей, по его собственному выраженію, богатъ былъ только нищетою *), и прибавимъ: сильною, никогда не оскудѣвавшею вѣрою во всеблагій промыслъ Божій. То была не вѣра отъ слуха, но вѣра видѣнія, которая, по слову Св. Отцевъ, является въ душѣ какъ плодъ богоугодной жизни и свойственныхъ ей дѣлъ. Изъ такихъ-то дѣлъ и состояла вся жизнь О. Архимандрита Моисея. Онъ былъ строгимъ исполнителемъ наставленій Св. Отцевъ подвижниковъ—отъ внѣшнихъ монастырскихъ правилъ до высокихъ Евангельскихъ заповѣдей. Во всемъ, начиная съ внѣшняго

---

*) Когда, по кончинѣ Отца архимандрита Моисея, открыли ящикъ, въ которомъ у него обыкновенно хранились деньги, то ящикъ оказался совершенно пустымъ; только въ уголкѣ его притаился одинъ гривенникъ, заскочившій ребромъ въ щель между стѣнкою и дномъ ящика и потому почти скрывшійся отъ взоровъ.

О. Игуменъ Антоній, узнавъ объ этомъ, сказалъ: „вѣрно, Батюшка, этого гривенника не замѣтилъ, а то онъ непремѣнно и его бы истратилъ". И мы думаемъ также.

образа, какъ онъ ходилъ, какъ сидѣлъ и стоялъ, какъ говорилъ, онъ былъ для всѣхъ братій высокимъ образцемъ монашеской скромности и христіанскаго совершенства.

Привыкши съ молоду въ пустыни вставать съ полночи, О. Архимандритъ Моисей и въ бытность свою Настоятелемъ едва ли не каждый день повторялъ это; покрайней мѣрѣ двое изъ братій, бывшихъ при немъ будильщиками, *) передавали, что приходя брать благословеніе будить братію къ утрени, они часто заставали О. Архимандрита Моисея уже бодрствующимъ: иногда молящимся на колѣняхъ передъ образомъ Спасителя, а иногда еще лежащимъ въ подрясникѣ и въ чулкахъ.—Впрочемъ кажется О. Моисей и во всю почти жизнь ложась спать не раздѣвался. Этотъ секретъ своего келейнаго подвига онъ нечаянно высказалъ при поѣздкѣ съ однимъ монахомъ, котораго взялъ съ собою за келейника и вмѣстѣ письмоводителя. Пріѣхавъ къ вечеру на постоялый дворъ, они остановились кормить лошадей. Напились чаю и расположились отдыхать. О. Архимандритъ въ одной комнатѣ, а О. Антоній Смирновъ за перегородкою въ другой. Но успѣлъ послѣдній раздѣться, улечься и хорошо заснуть, какъ О. Архимандритъ вошелъ къ нему совершенно одѣтый и говоритъ: „ну, пора намъ собираться ѣхать. Что же ты это, братъ, и раздѣлся. Я двадцать пять лѣтъ и въ своей келліи не раздѣвался во время сна, а ты въ дорогѣ раздѣлся спать ложась, въ дорогѣ какое спанье! поѣдемъ“.

Къ утрени О. Архимандритъ старался ходить неопустительно, и говорилъ другимъ, что это наилучшее время для молитвы. Говорилъ также, бывшему при немъ уставщикомъ, іеромонаху Моисею **): „къ утрени надобно ходить, потому

---

*) Нынѣ іеромонахи: О. Пименъ Пащенко духовникъ Обители и О. Макарій Поповъ.

**) Нынѣ Архимандритъ и Настоятель Калужской Тихоновой Пустыни и благочинный монастырей Калужской епархіи.

что во время литургіи за насъ приносится Безкровная Жертва Богу, а ходя къ утрени мы сами себя приносимъ въ жертву Господу, жертвуемъ для Него своимъ покоемъ". — Не только къ утрени, но и къ литургіи, преимущественно ранней, и къ вечернѣ старался Старецъ ходить неопустительно, если не задерживали какія либо особыя дѣла. По праздникамъ и по воскреснымъ днямъ служилъ часто, почти всегда; особенно послѣ того, какъ сдѣланъ былъ Архимандритомъ, говоря, что этотъ санъ полученъ имъ не для себя лично, а для украшенія Обители. — Во время богослуженія старался стоять правильно на обѣихъ ногахъ, и перебиралъ обыкновенно четки съ молитвою Іисусовою. Бывшій при немъ долго главнымъ пономаремъ монахъ Ѳеодосій разсказывалъ: разъ во время уборки въ церкви я положилъ на настоятельское мѣсто т. е. съ боку на верхъ его перилъ маленькіе гвоздики, да и забылъ про нихъ, а лежали они такъ, что чуть тронь, непремѣнно упали бы. Черезъ долгое время нашелъ я опять эти гвоздики на томъ же мѣстѣ и невольно подумалъ: вотъ какъ О. Архимандритъ стоитъ въ церкви, истинно какъ передъ Богомъ, и не коснулся онъ боковъ своего мѣста, по серединѣ стоялъ. Не то, что я грѣшный переминаюсь съ ноги на ногу, да и къ стѣнѣ прислоняюсь. И рясу послѣ служенія не позволялъ онъ на себя надѣвать, а только подашь ему бывало, онъ самъ и надѣнетъ. Вообще въ церкви во время богослуженія О. Моисей являлъ собою примѣръ глубочайшаго благоговѣнія: пройдетъ, не оглянется, не повернется; стоитъ не опрется, не прислонится, а только слушаетъ внимательно, что читаютъ и поютъ, да перебираетъ чётки, иногда закрывъ и глаза.

Кромѣ особенныхъ случаевъ, онъ всегда ходилъ въ братскую трапезу; въ послѣднее время жизни даже и къ ужину; и не только довольствовался братскою пищею, но и ея употреблялъ весьма умѣренно. Въ виду всѣхъ умѣлъ скрывать

свое воздержаніе, принималъ пищу по немногу, съ значительными промежутками, въ теченіе которыхъ какъ будто съ большимъ аппетитомъ жевалъ ее. Понуждая себя во всемъ, исполнялъ на дѣлѣ выраженіе церковной пѣсни о преподобныхъ: „тѣлесныя чувства огорчевая... презирати убо плоть преходитъ бо, прилѣжати же о души вещи безсмертнѣй". По вечерамъ иногда вмѣсто ужина ѣлъ только моченыя яблоки, а иногда приказывалъ себѣ сварить такъ называемую сладкую похлебку, т. е. рисъ съ сушеными яблоками и грушами. Отвѣдавъ немного этой похлебки онъ оставлялъ ее у себя въ келліи до другаго и третьяго дня. Похлебка конечно прокисала и портилась, но О. Архимандритъ все таки понуждалъ себя ее ѣсть. Одинъ разъ келейникъ его посмотрѣлъ на тарелку съ такою похлебкою и сказалъ: Батюшка, благословите похлебку эту вынести, вѣдь она прокисла, вся какъ шубою поднялась. — „Экой ты какой, не понимаешь, вѣдь эта похлебка называется кисло-сладкою; она и должна кислоту имѣть".

Въ другой разъ О. Архимандритъ стоявшіе у него въ келліи и прокисшіе остатки пищи чѣмъ-то подправилъ, позвалъ своего келейника и сказалъ ему съ улыбкою: „отнеси-ка это кушанье О. Антонію, и скажи, что я самъ его приготовлялъ." О. Игуменъ Антоній попробовалъ и сказалъ: „нѣтъ, ужъ скажи Батюшкѣ, что я этого ѣсть не могу." Келейникъ передалъ эти слова Игумена Антонія Архимандриту. „Какъ же такъ, а я самъ готовилъ," отвѣчалъ О. Моисей и разсмѣялся.

Однажды мелкій торговецъ привезъ продавать разныя вещи и между прочимъ очень упрашивалъ О. Архимандрита взять у него небольшой боченокъ испортившихся селедокъ. Онѣ были хороши, Батюшка, и сорта хорошаго, да недавно отъ жара попортились, сдѣлайте милость возьмите и проч. О. Архимандритъ согласился, взялъ и уплатилъ ему деньги. Приходитъ келейникъ и, разсмотрѣвъ селедки, говоритъ: Ба-

тюшка, эти селедки совсѣмъ испортились, куда же намъ ихъ дѣвать?—„А ему то куда ихъ дѣть, подумай; у насъ онѣ все таки разойдутся“, и приказалъ себѣ эти селедки тереть съ яблоками и съ хрѣномъ и подавать по одной вмѣсто ужина, такъ испорченныя селедки и разошлись, — въ пищу самаго Архимандрита.

Если кто либо спроситъ: для чего же онъ дѣлалъ такія вещи и ѣлъ несвѣжую пищу? Отвѣчаемъ: для того, чтобы не только не давать воли своимъ тѣлеснымъ чувствамъ, но и томить ихъ, или какъ онъ самъ не разъ выражался „вступивъ на узкій путь, въ чемъ нибудь надобно себя и понудить“. Не въ этомъ только одномъ, но и во всемъ, на каждомъ шагу въ жизни О. Моисей понуждалъ себя къ подвигу и бдительности надъ собою. Когда пріѣзжали посѣтители, которымъ необходимо было оказать особенное вниманіе, онъ приказывалъ приготовить обѣдъ въ настоятельскихъ келліяхъ и приглашалъ этихъ гостей, а вмѣстѣ съ ними и другихъ собесѣдниковъ изъ старцевъ Обители. Сначала О. Архимандрита Мельхиседека, жившаго въ Оптиной Пустыни на покоѣ, а впослѣдствіи О. Игумена Антонія, О. Макарія, О. Іоанникія (ученика О. Леонида), жившаго долго въ Петербургѣ и имѣвшаго большой кругъ знакомыхъ, а иногда и О. Порфирія Григорова, издателя писемъ Георгія затворника. О. Порфирій служилъ прежде въ военной службѣ, многое видѣлъ на своемъ вѣку, очень многое читалъ и былъ остроумнымъ, пріятнымъ собесѣдникомъ. Эти гости О. Архимандрита монахи и занимали его свѣтскихъ гостей за обѣдомъ, а самъ онъ только радушно угощалъ ихъ, слушалъ и въ промежуткахъ внимательнаго молчанія вставлялъ иногда какое нибудь назидательное словцо. На одномъ изъ такихъ обѣдовъ, поводомъ къ которому былъ пріѣздъ въ Обитель заслуженнаго генерала, участвовали О. Антоній и О. Макарій, и еще одинъ іеродіаконъ изъ братіи. Генералъ что-то разсказывалъ

и упомянулъ, что побужденіемъ въ этомъ дѣлѣ была благородная гордость. О. Архимандритъ знаменательно промолчалъ, а Батюшка О. Макарій не выдержалъ. „Какъ благородная гордость? Какая благородная гордость В. П.? Развѣ есть благородная гордость? Ее нѣтъ, а есть одна только гордость бѣсовская“. Эти слова такъ поразили генерала своею истиною и вмѣстѣ неожиданностью для него, что онъ отвѣтилъ: позвольте, Батюшка, позвольте, это прекрасно; я сейчасъ же запишу, что вы сказали. Генералъ тутъ же за обѣдомъ досталъ изъ кармана свою записную книжку, попросилъ позволенія у О. Архимандрита и записалъ: нѣтъ благородной гордости, а есть только одна гордость бѣсовская. — О. Архимандритъ привѣтствовалъ это записываніе пріятною улыбкою и продолжалъ потчивать своего гостя съ искреннимъ радушіемъ.

Мы упоминали уже выше, что О. Моисей вообще не любилъ много говорить и былъ особенно остороженъ и даже искусно скрытенъ въ разсказахъ о самомъ себѣ. Въ 1851 году посѣтилъ Оптину Пустынь А. Н. Муравьевъ, такъ много путешествовавшій по всему православному и инославному міру, такъ много писавшій, знакомый чуть ли не со всѣми сколько нибудь замѣчательными духовными лицами и любившій, чтобы все было передъ нимъ на распашку. Пожелалъ онъ узнать и О. Моисея. Долго съ нимъ бесѣдовалъ, много его распрашивалъ о его прежней и настоящей жизни, но кромѣ разсказа о наружномъ теченіи этой жизни не узналъ ничего. Смиренный и мудрый Старецъ принялъ путешественника весьма радушно и внимательно, но при пытливыхъ его распросахъ какъ-то умѣлъ ускользать изъ его рукъ, оставляя въ нихъ только сказанія о подвигахъ другихъ Старцевъ и о внѣшнихъ обстоятельствахъ своей собственной жизни. Не люблю я такихъ людей, которыхъ не понимаю, сказалъ Муравьевъ, выходя изъ келліи О. Моисея; но тѣмъ не менѣе

отдалъ ему въ своей книжкѣ „Святыя горы и Оптина Пустынь“ должную, справедливую похвалу и написалъ, что въ его замѣчательномъ характерѣ была „строгость духовная и углубленіе во внутреннюю клѣть своего сердца, отъ долгаго пустынножительства, и соотвѣтственныя его начальническому положенію“. Это справедливо. Привѣтливость съ ближними и строгость къ себѣ были отличительными чертами О. Моисея. Впрочемъ строгость благоразумно-умѣренная и недоходившая до крайности. По примѣру Св. Іоанна Лѣствичника О. Моисей употреблялъ въ пищу все дозволенное монашескому званію, но вкушалъ отъ всего по немногу. Пилъ иногда и вино, но также весьма мало. Одежду носилъ не рубищную, но и не изысканно-хорошую, а простую и скромную по приличію своего сана и званія.

Послѣ молитвы, самымъ любимымъ занятіемъ его было чтеніе книгъ духовнаго содержанія, а иногда и историческаго. Читать онъ очень любилъ и старался во всякую свободную минуту. Едва выберется малый досугъ, О. Архимандритъ Моисей принимался за чтеніе. Иногда разъ двадцать въ одно утро отрывали его отъ книги, то тѣмъ, то другимъ дѣломъ. Каждый разъ при входѣ посторонняго лица, онъ медленно поднимался, не сводя глазъ съ книги, или оглядывался на вошедшаго брата и опять взглядывалъ въ книгу, медленно закладывалъ и закрывалъ ее, какъ бы затверживалъ послѣднія читанныя имъ слова и соображалъ читанное, чтобы не потерять связи; потомъ спокойно выслушивалъ пришедшаго, дѣлалъ нужное распоряженіе и, отпустивъ приходившаго, снова возвращался къ книгѣ. При такомъ внимательномъ, всегдашнемъ чтеніи неудивительно, что онъ до глубокой старости сохранялъ въ памяти и могъ приводить наизусть длинныя изреченія изъ Св. Писанія и твореній Св. Отцевъ подвижниковъ. Обращая прочитанное имъ въ самое дѣло, О. Моисей съ помощію духовнаго вѣдѣнія, трудовъ и смиренной

молитвы успѣшно противостоялъ и бурѣ страстей душевныхъ и тѣлесныхъ. Ему было 40 лѣтъ отъ роду, когда онъ поселился въ Скиту Оптиной Пустыни, откуда два раза ѣздилъ за сборомъ въ Москву. 43-хъ лѣтъ онъ былъ назначенъ Настоятелемъ Обители. Такимъ образомъ во цвѣтѣ мужескихъ лѣтъ, съ живымъ и пылкимъ характеромъ, красивый собою и крѣпкій тѣломъ онъ изъ уединенія Рославльскихъ лѣсовъ вдругъ очутился въ постоянной молвѣ народной, въ обращеніи съ людьми разнаго рода. Это не могло обойтись для него подъ часъ безъ сильной борьбы внутренней, а между тѣмъ жизнь его была свѣтла и неукоризненна. Когда въ послѣдствіи его однажды въ откровенной бесѣдѣ распрашивали: неужели онъ въ то время не ощущалъ борьбы, и какъ онъ изъ нея выходилъ? Онъ улыбаясь отвѣчалъ, что больше всего старался на всѣхъ смотрѣть благимъ и чистымъ окомъ, понуждая себя и на свѣтскихъ особъ, бывавшихъ у него какъ у настоятеля, смотрѣть какъ на святыхъ, праведныхъ, преподобныхъ.... а себя уничижая мысленно. Такимъ то внутреннимъ подвигомъ въ союзѣ со внѣшними трудами и лишеніями, достигъ О. Моисей высокаго безстрастія и чистоты, которыми благоухала его жизнь.

При бесѣдѣ съ посѣтителями или братіями вообще говорилъ медленно, съ разстановками, какъ бы взвѣшивая и обдумывая каждое свое слово и, слушая другихъ, перебиралъ обыкновенно чётки съ молитвою Іисусовою, о чемъ свидѣтельствовало иногда и тихое, едва замѣтное движеніе устъ, которое иные относили къ старческой немощи. Келейникамъ своимъ онъ не разъ говаривалъ: „почаще надобно намъ читать „Судіи сѣдящу и ангеламъ стоящимъ, трубѣ гласящей, пламени горящу, что сотвориши душе моя, ведома на судъ? Тогда бо лютая твоя предстанутъ и тайная обличатся согрѣшенія: тѣмъ же прежде конца возопій Судіи: Боже, очисти мя и спаси мя!“

Случилось ему какъ-то бесѣдовать съ молодымъ человѣкомъ, который описывалъ ему разные безпорядки и злоупотребленія въ мірѣ, и съ большою ревностію доказывалъ, что для общаго блага слѣдовало бы принять такія-то мѣры, а что многіе дѣйствуютъ такъ-то, по такимъ-то побужденіямъ и т. д. Молча выслушалъ О. Архимандритъ оживленный монологъ и ничего не возражалъ, а когда восторженный патріотъ кончилъ свою рѣчь и думалъ, что убѣдилъ О. Моисея, такъ какъ молчаніе есть знакъ согласія, то Старецъ тихо сказалъ: „да, ужъ, Апостолъ говоритъ: *нова небесе и новы земли чаемъ, въ нихже правда живетъ;* (2 Петр. 3, 13) а между нами грѣшными какой искать правды?

На всѣхъ и на все въ жизни О. Архимандритъ Моисей старался смотрѣть какъ христіанскій философъ, во всемъ видѣлъ прямое или попустительное дѣйствіе промысла Божія, и ничего съ тревогою не принималъ къ сердцу, стараясь особенно о томъ, чтобы сохранить мирное устроеніе души. „*Взыщи мира и пожени ѝ*“ (Пс. 33, 15), повторялъ онъ какъ-то особенно выразительно. Зная, что гдѣ нѣтъ мира душевнаго, тамъ и все дѣланіе духовное теряется и человѣкъ не преуспѣваетъ, О. Моисей всячески старался избѣгать всего, что могло нарушить его душевное спокойствіе. И въ томъ, что близко до него касалось, онъ не позволялъ себѣ возмущаться, даже и подъ предлогомъ благой ревности. Мы уже приводили выше замѣчательныя слова, сказанныя имъ О. Антонію еще въ 1823 году. „Я всѣхъ васъ недостатки сношу великодушно и никакимъ немощамъ вашимъ не удивляюсь, а ежели бы всѣмъ тѣмъ огорчаться и взыскивать по должности моей строго, то совсѣмъ бы себя давно разстроилъ.“

Такого же христіанскаго любомудрія держался О. Моисей и среди скорбныхъ испытаній, постигавшихъ его самаго, близкихъ къ нему лицъ или всю Обитель. Во всѣхъ такихъ случаяхъ онъ успокоивалъ себя упованіемъ на милость Божію

и смиренно принималъ все скорбное и непріятное какъ заслуженное или посланное къ очищенію грѣховъ.— „Многія бури и ураганы, писалъ онъ однажды О. И. Антонію, потрясаютъ атмосферу и наносятъ разныя крушенія, а Св. Царь Давидъ изо всего извлекаетъ хвалу Богу (Пс. 148, 8). И дѣйствія духовъ злобы поднебесныхъ подобно бурямъ потрясаютъ души и сердца пребывающихъ на землѣ человѣковъ. Намъ немощнымъ что теперь дѣлать? Одно средство ближайшее и вѣрнѣйшее: воздѣвать руки ко Господу Богу, подобно Моисею въ пустынѣ, гдѣ нападала на него вражія сила Амаликова. Всевышнимъ Богомъ прейдемъ стѣну искушеній. Съ нами Богъ. И бояться слишкомъ не должно. Господь силенъ утишить бурю и подать тишину и миръ душамъ нашимъ.“—„Въ огорчающихъ случаяхъ нельзя не чувствовать скорби, писалъ онъ ему же, но *аще благая пріяхомъ отъ руки Господней, злыхъ ли не стерпимъ* (Іов. 2,10). Обоими да пользуемся: утѣшеніемъ ко благодаренію, а оскорбленіемъ къ снисканію терпѣнія“.

Былъ въ Оптиной Пустыни пожаръ на гостинницѣ, причинившій убытку тысячи на двѣ слишкомъ. О. Моисей спокойно вышелъ посмотрѣть какъ горитъ, спокойно стоялъ въ числѣ зрителей, не сдѣлалъ никакихъ распоряженій; онъ хорошо зналъ, что братія сами примутъ всѣ нужныя мѣры. Вынесли на пожаръ чудотворную Казанскую икону Божіей Матери; стали съ нею противъ вѣтра и послѣдній, вмѣстѣ съ огнемъ, измѣнилъ свое направленіе, обратился на лѣсъ, и пожаръ скоро былъ потушенъ. О Моисей послѣ выразился объ этомъ пожарѣ такъ: „да, ужъ нельзя не подумать, что это плоды моихъ грѣховъ.... Бѣды ходятъ по людямъ, а не по лѣсу. Пріятны Богу человѣки въ пещи смиренія. Итакъ благо мнѣ, яко смирилъ меня Господь“.

Случались ли другія непріятности, О. Моисей снискивалъ спокойствіе и миръ душевный въ молитвѣ, покорности волѣ

Божіей и точномъ исполненіи Евангельскихъ заповѣдей. „Отъ нападенія вражія будемъ обороняться молитвою (писалъ онъ къ О. Антонію). *Молитесь за творящихъ напасть* (Ев. Мат. 5, 44). N N да покроетъ Господь Своимъ милосердіемъ и да научитъ какъ побѣждать злое добродѣяніемъ".

Мы уже говорили о томъ, какъ великодушно О. Моисей прощалъ наносимыя ему обиды, думаемъ, что одною изъ главныхъ причинъ его всегдашняго душевнаго спокойствія было и то, что онъ ни къ кому не имѣлъ въ сердцѣ непріязненнаго чувства, обо всѣхъ имѣлъ благую мысль, со всѣми старался быть миренъ, во исполненіе заповѣди апостольской *„аще возможно, еже отъ васъ, со всѣми миръ имѣйте* (Рим. 12, 18). Въ случаѣ надобности О. Архимандритъ готовъ былъ просить прощенья и у тѣхъ, предъ которыми не былъ виноватъ. Однажды сдѣлалъ онъ какое-то замѣчаніе одному брату, но замѣтилъ, что послѣдній не хорошо принялъ его слова. Черезъ нѣсколько дней, собираясь идти къ служенію, позвалъ этого брата. „Вотъ я тебѣ тогда-то сдѣлалъ замѣчаніе и показалось мнѣ, что ты слова мои принялъ не благодушно. Угодники Божіи и въ ризахъ прашивали прощенія *), и я тебя прошу: прости меня Бога ради!" и при этомъ Старецъ Настоятель поклонился недовольному брату.

---

*) Это было со Св. Іоанномъ Милостивымъ. Однажды, совершая литургію, этотъ святый мужъ вспомнилъ, что одинъ клирикъ имѣетъ на него неудовольствіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ пришли ему на память и слова Христовы: *„аще принесеши даръ твой ко алтарю и ту помянеши яко братъ твой имать нѣчто на тя, остави ту даръ твой предъ алтаремъ и шедъ прежде смирися съ братомъ твоимъ* (Матѳ. 5, 24). Отступивъ нѣсколько отъ престола Патріархъ призвалъ того клирика и палъ къ ногамъ его, прося прощенія. Клирикъ, видя такое смиреніе Святителя, самъ упалъ ему въ ноги и со слезами взаимно просилъ прощенья. Тогда уже, примирившись съ клирикомъ, Св. Іоаннъ возвратился къ престолу и со дерзновеніемъ принесъ Безкровную Жертву. (Четья-Минея 12 Ноября).

Наконецъ, одну изъ главнѣйшихъ причинъ всегда мирнаго устроенія О. Архимандрита Моисея и вмѣстѣ съ тѣмъ одну изъ отличительнѣйшихъ и замѣчательнѣйшихъ чертъ его составляло то, что онъ никогда не желалъ настойчиво, чтобы исполнялась его воля, но напротивъ, съ совершенною покорностью и въ маломъ и въ великомъ предавался волѣ Божіей. Какъ и что ни случись, никогда онъ ничѣмъ не возмущался. Случалось, что дастъ онъ кому либо изъ братіи порученіе, а по обстоятельствамъ оно исполнится не такъ, какъ онъ предполагалъ. „Видно не было на то воли Божіей", говорилъ онъ въ подобныхъ случаяхъ, и спокойно отказывался отъ прежняго своего предположенія. „На все потребно имѣть готовое терпѣніе, еще говорилъ онъ, и хотѣть не иначе какъ будетъ, дабы не нарушалось спокойствіе духа". Всѣмъ совѣтовалъ онъ держаться, какъ онъ выражался, мирнаго правила преподобнаго Аввы Дороѳея: „не желай чтобы все дѣлалось такъ, какъ ты хочешь; но желай чтобы оно было такъ, какъ будетъ, и такимъ образомъ будешь миренъ со всѣми." *) И самъ среди труднѣйшихъ обстоятельствъ въ исполненіи этого правила находилъ себѣ спокойствіе духа. На немъ во всей силѣ исполнялись слова Святаго Дороѳея: „кто не имѣетъ своей воли, того желаніе всегда исполняется. Поелику таковый не имѣетъ своего желанія, то, чтобы ни случилось съ нимъ, онъ всѣмъ бываетъ доволенъ, и такъ оказывается, что онъ всегда исполняетъ свои желанія; ибо онъ не хочетъ, чтобы дѣла исполнялись такъ, какъ онъ желаетъ, но хочетъ чтобы они были, какъ будутъ" **).

Когда братъ О. Архимандрита О. Антоній скорбѣлъ на игуменствѣ и искалъ себѣ избавленія отъ ига настоятельства,

---

*) Преподобнаго отца нашего Аввы Дороѳея поученія и посланія. Изд. 1-е 1856 г. стр. 193.

**) Поученіе 19-е, стр. 199.

неудобоносимаго для него по крайней его болѣзненности и по другимъ причинамъ, О. Моисей, увѣщевая его къ терпѣнію, писалъ ему между прочимъ: „уныніе и уклоненіе отъ должности, по указанію онаго губительнаго духа унынія, показываетъ, что ты еще и доселѣ ходишь не въ истинномъ разумѣ, и не въ вѣрѣ,... съ твоею волею... я отнюдь не согласенъ, а Божіей—предаюсь неограниченно, и боюсь помыслить вопреки“... Конечно это были не одни слова, но вся жизнь О. Моисея выражала и доказывала въ немъ эту преданность.

Дальнихъ предположеній на будущее О. Архимандритъ Моисей не любилъ никогда дѣлать. Случалось, что рабочіе, не окончивъ еще начатаго дѣла, испрашивали его распоряженій относительно другаго дѣла, которое еще имѣлось въ виду впереди, но Старецъ никогда не соглашался толковать о чемъ либо впередъ, а приказывалъ вопрошавшимъ приходить въ свое время, или по окончаніи дѣла. „Утрѣ воля Божія да будетъ“, говаривалъ онъ. Спокойно дѣлались всѣ дѣла, потому что онъ никогда не покушался передѣлывать обстоятельства по своимъ предположеніямъ, а, напротивъ, предположенія свои принаравливалъ къ обстоятельствамъ, усматривая въ послѣднихъ волю Божію.

Когда епархіальное начальство по чему либо не одобряло и не утверждало представленій О. Моисея, какъ мы видѣли выше, даже когда его постигали великія скорби и тутъ онъ оставался вѣренъ самому себѣ. „Все это за грѣхи наши, говорилъ онъ, должно о всемъ благодарить Господа, праведно налагающаго на насъ трудъ къ терпѣнію, которое для насъ полезнѣе утѣшенія, возвышающаго душу. Видно такъ Господу угодно. Скорби не могли бы постигнуть насъ безъ попущенія Божія—ради грѣховъ нашихъ. И самыя эти скорби охраняютъ насъ отъ другихъ искушеній“.—Подчиняя такимъ образомъ свою волю и всю свою жизнь волѣ Божіей О. Архиманд-

ритъ Моисей не на словахъ только, а на дѣлѣ, все относилъ ко Господу, зная, что отъ Него дарується намъ всякое благо.

Всю жизнь О. Архимандрита можно выразить такими словами: *онъ жилъ сокровенно въ Богѣ*. Какъ ни высоко это слово, для него оно было и дѣломъ. Во всемъ, въ попеченіяхъ объ устройствѣ и содержаніи Обители, въ управленіи братствомъ и нравственной его поддержкѣ, во всѣхъ своихъ благонамѣренныхъ предпріятіяхъ, во всемъ возлагался онъ на Господа съ полною вѣрою и упованіемъ: все, случавшееся съ нимъ, принималъ какъ отъ Господа: скорбное, какъ посланное для пользы душевной, утѣшительное, какъ знакъ Отеческаго милостиваго промышленія. „Отъ Него, Создателя, говорилъ онъ, бытіе наше, Имъ живемъ и движемся и отъ Него всякое благо и всякій даръ.“

Пріобрѣтя великую вѣру, безгнѣвіе, кротость и другія добродѣтели, которыя по ученію Св. Отцевъ способствуютъ молитвѣ и воскриляютъ ее, О. Архимандритъ былъ великимъ любителемъ и дѣлателемъ и сей царицы добродѣлетей; пребывалъ всегда въ молитвенномъ соединеніи съ Господомъ, ради Котораго и несъ описанные нами и оставшіеся отъ насъ сокрытыми многіе труды благочестія.—Стоя въ храмѣ и внимательно слушая божественную службу, нерѣдко такъ углублялся въ молитву, что не замѣчалъ, когда кто изъ братій подходилъ къ нему и кланялся, испрашивая его благословенія или прощенія... Нѣкоторые по своему объясняли такую невнимательность Настоятеля къ подходившимъ, но отъ людей духовной жизни не могло укрыться высокое молитвенное настроеніе Старца. Бесѣдуя объ этомъ съ кѣмъ-то, О. Игуменъ Антоній однажды такъ выразился объ О. Архимандритѣ Моисеѣ: „все, что поютъ и читаютъ въ церкви, онъ тамъ слышитъ“, указывая рукою на глубину сердца*). Самъ

*) Въ 1-й главѣ приведено было слышанное О. Моисеемъ въ Сар.

О. Архимандритъ Моисей, на вопросъ одного іеромонаха о келейномъ правилѣ, сказалъ разъ: „да и я прежде различныя правила исполнялъ, а теперь мнѣ осталось одно только правило-мытарево“. (Боже! милостивъ буди мнѣ грѣшному Ев. Луки 18, 13). Такъ смиренно выражался о себѣ Старецъ, но близко знавшіе и понимавшіе его жизнь видѣли въ немъ не только „*дѣяніе*“, но и „*въ видѣніе восходъ*“, и богатство дарованій духовныхъ.

Недавно скончавшаяся, достоуважаемая старица Игуменья Вѣра, бывшая настоятельницею Зосимовой Пустыни, сообщила намъ замѣчательный случай молитвеннаго самоуглубленія О. Архимандрита Моисея, случай, котораго сама она была свидѣтельницею. Посѣтивъ однажды Оптину Пустынь, она, прохаживаясь около монастырской ограды съ приближенными къ ней сестрами, замѣтила, что на встрѣчу имъ шелъ О. Архимандритъ Моисей, но какъ-то особенно медленно. Когда онъ приблизился, Мать Вѣра и бывшія съ нею подошли къ нему и поклонились, прося благословенія. Но каково было удивленіе ихъ, когда Старецъ, всегда привѣтливый и внимательный, никого не благословилъ, ничего не сказалъ и продолжалъ тихо двигаться впередъ, не замѣчая никого. Мать Вѣра громко назвала его по имени, онъ очнулся, удивился, что около него цѣлая толпа людей, сталъ извиняться... Но выраженіе лица его, орошеннаго слезами, свидѣтельствовало въ какомъ состояніи его застигли... М. Игум. Вѣра, подавъ другимъ знакъ, чтобы онѣ удалились, одна продолжала путь со Старцемъ, который началъ съ нею бесѣду духовную, весьма замѣчательную, однако ни однимъ словомъ не коснулся тогда молитвы.

Пуст. отъ старца Серафима наставленіе: „стоя въ церкви, надобно творить молитву Іисусову, тогда будетъ внятно слышно и церковное богослуженіе“.

Таковъ былъ О. Архимандритъ Моисей: среди непрестанныхъ заботъ и попеченій внѣшнихъ—*потаенный сердца человѣкъ въ неистлѣніи кроткаго и молчаливаго духа* (1 Петр. 3, 4),—монахъ, видимо посвятившій себя различной и многоплодной для Обители и братства дѣятельности, невидимо же проводившій сокровенную жизнь со Христомъ въ Богѣ.

Искренній и великій любитель духовнаго чтенія О. Архимандритъ Моисей любилъ и пріобрѣтать книги преимущественно нравственнаго содержанія. Бывая въ Калугѣ, старался и на базарѣ и въ лавкахъ и гдѣ только могъ пріобрѣтать полезныя книги и во множествѣ привозилъ ихъ въ Обитель. Во время его настоятельства выписывались въ Оптиной Пустыни всѣ выходившіе тогда духовные журналы, всѣ замѣчательныя книги духовнаго содержанія. Все это онъ старался прочитать самъ и потомъ уже сдавалъ въ монастырскую библіотеку, которая основана была имъ же въ 1854 году, а къ концу его настоятельства содержала около 5000 экземпляровъ (изъ коихъ болѣе половины поступило въ нее изъ келейной библіотеки О. Архимандрита), а въ настоящее время, послѣ присоединенія келейной библіотеки О. Игумена Антонія, заключаетъ въ себѣ болѣе 7000 нумеровъ. Едва ли въ какомъ либо изъ русскихъ общежительныхъ монастырей найдется такая обширная библіотека какъ Оптинская; но и она, какъ все почти примѣчательное въ Оптиной Пустыни, обязана своимъ существованіемъ О. Архимандриту Моисею. Книгами изъ нея пользовались и еще пользуются для чтенія не только монастырская братія, но и богомольцы и всѣ желающіе изъ сосѣдей Обители.

Духовная благотворительность и доброжелательность О. Моисея простиралась далеко за предѣлы этой ввѣренной ему Обители. Въ жизнеописаніи Старца О. Макарія *) подробно

*) См. Сказаніе о жизни и подвигахъ Оптинскаго Старца іеросхимонаха Макарія. Москва 1861.

изложено, какъ, по благословенію О. Моисея, подъ личнымъ и ближайшимъ руководствомъ О. Макарія издано было до 16-и книгъ духовно-нравственнаго содержанія, большею частью твореній Св. Отцевъ подвижниковъ, переведенныхъ съ греческаго языка на славянскій Архимандритомъ Паисіемъ Величковскимъ и переложенныхъ на русскій братіями Оптиной пустыни. Владыка Московскій Филаретъ благосклонно содѣйствовалъ этимъ изданіямъ и весьма интересовался ими. Средства для изданія были пожертвованы различными благодѣтелями. О. Моисей, при всемъ искреннемъ, полнѣйшемъ сочувствіи этому дѣлу, не могъ на него удѣлить изъ доходовъ Обители, потому что Обитель сама нуждалась на каждомъ шагу. Ему оставалось только радоваться и благодарить Бога за то, что книги, которыя онъ нѣкогда съ великимъ трудомъ собственноручно переписывалъ и которыя составляли доселѣ такую драгоцѣнную рѣдкость, печатаются теперь въ большомъ числѣ экземпляровъ и будутъ доступны многимъ жаждущимъ духовной пользы. Но какъ только множество этихъ экземпляровъ, привезенныхъ изъ типографіи, поступало въ распоряженіе О. Архимандрита Моисея, онъ немедленно пользовался ими для духовной милостыни, и, съ согласія Старца О. Макарія, разсылалъ по почтѣ цѣлые тюки этихъ книгъ въ видѣ пожертвованій въ разсадники будущихъ пастырей и учителей и многимъ частнымъ лицамъ. Такъ разослано было О. Моисеемъ по одному экземпляру всѣхъ Оптинскихъ изданій въ даръ, 1) во всѣ библіотеки, какъ духовныхъ академій, такъ и семинарій, 2) почти всѣмъ епархіальнымъ Преосвященнымъ, ректорамъ и инспекторамъ духовныхъ академій и семинарій, 3) въ Лавры и во всѣ общежительныя русскія Обители, 4) на Аѳонскую гору въ монастыри: русскій Св. Пантелеймона, болгарскій Зографъ; въ скиты: Св. Пророка Иліи, Св. Андрея Первозваннаго и болгарскій скитъ Пресвятыя Богородицы (Ксилургу). Сверхъ того, во многія

приходскія церкви, въ мѣстностяхъ, зараженныхъ расколомъ, разосланы были безмездно изданныя въ обличеніе раскольническихъ заблужденій сочиненія вышеупомянутаго іеросхимонаха Іоанна. Также и посѣтителямъ Оптиной Пустыни, всѣмъ знакомымъ, въ разныхъ ближнихъ и дальныхъ городахъ, раздавались и разсылались Оптинскія изданія. И кто могъ подумать, что Обитель, изъ которой такъ много книгъ разсылалось щедрою рукою безмездно во всѣ концы Россіи, сама далеко не была обезпечена и часто очень затруднялась въ средствахъ къ существованію.

Кромѣ письменныхъ изъявленій благодарности отъ многихъ архипастырей и О.о. ректоровъ и инспекторовъ, О. Архимандритъ Моисей, по представленію семинарскихъ начальствъ, удостоился въ 1857 году получить за эти приношенія благословеніе Св. Синода. Не сомнѣваемся, что и отъ Господа Бога О. Моисей получилъ великую награду за то, что матеріальныя заботы не подавляли его духа, не заставляли его вещественную пользу Обители и свою лично предпочитать духовной пользѣ ближнихъ. Отвсюду извлекать и приносить послѣднюю,—было его главною заботою и первою цѣлью всей его дѣятельности. „Когда нибудь, кто нибудь прочтетъ ту или другую книгу, говаривалъ Старецъ, и—душевная польза одного человѣка вознаградитъ всѣ наши труды. Наше дѣло—сѣять; Богъ дастъ, когда нибудь будутъ и плоды.“

Еще при жизни О. Архимандрита Моисея появились эти плоды его благотворной дѣятельности, но самая жизнь его уже склонялась къ концу. Въ 1856 году Старецъ былъ обрадованъ пріѣздомъ брата, съ которымъ вмѣстѣ началъ нѣкогда подвигъ иноческихъ трудовъ; О. Игуменъ Саровской Пустыни Исаія посѣтилъ въ августѣ мѣсяцѣ того года Оптину Пустынь. Онъ желалъ еще разъ въ жизни повидаться съ братьями: О. Моисеемъ, съ которымъ не видался уже

38 лѣтъ и съ О. Игуменомъ Антоніемъ, съ которымъ также давно не встрѣчался.

О. Игуменъ Исаія пріѣхалъ во время послѣ-обѣденнаго отдыха О. Моисея. Послѣдняго разбудили. Онъ вышелъ въ свою залу и, при встрѣчѣ съ братомъ, первыя слова его были: Господь сказалъ въ Евангеліи: *блаженъ рабъ его же Господь его пришедъ обрящетъ бдяща* (Ев. Луки 12, 37), а ты засталъ меня спящимъ. Такъ, отъ избытка сердца, преисполненнаго Евангельскимъ ученіемъ, излились невольно, прежде всего устами Старца слова Евангельскія о бдѣніи тѣлесномъ и духовномъ.

26 августа въ день Коронаціи Государя Императора три брата служили вмѣстѣ литургію и молебенъ. Первенствовалъ между ними старшій лѣтами и саномъ О. Архимандритъ Моисей, по правую руку его стоялъ О. Игуменъ Исаія, по лѣвую О. Игуменъ Антоній. Съ благоговѣйнымъ умиленіемъ смотрѣли мы, братія Оптиной Пустыни, на этотъ святолѣпный Соборъ духовныхъ мужей и вмѣстѣ братьевъ по плоти. Чѣмъ отличались эти добродѣтельные Старцы отъ своихъ древнихъ сонменниковъ: Моисея, Антонія и Исаіи, украшавшихъ первобытное монашество? Развѣ тѣмъ только, что жили не въ первые вѣка христіанства, а въ 19 столѣтіи. Мы были очевидными свидѣтелями, что и въ нихъ сіяли тѣже добродѣтели: тоже глубокое смиреніе, тоже великое вѣдѣніе сердца человѣческаго и внутренней его жизни, таже всепокрывающая любовь къ ближнимъ, сей *союзъ совершенства* (Кол. 3, 19). На нихъ мы видѣли точное исполненіе словъ Св. Епископа Нифонта, который на вопросъ одного христіанина: какъ нынѣ святые умножились во всемъ мірѣ, будетъ ли также и при концѣ вѣка сего?—отвѣчалъ: „сынъ мой, до самаго скончанія вѣка сего не оскудѣютъ пророки у Господа Бога, равно какъ и служители сатаны. Впрочемъ, въ послѣднее время, тѣ, которые по истинѣ

будутъ служить Богу, благополучно скроютъ себя отъ людей и не будутъ совершать среди ихъ знаменій и чудесъ, какъ въ настоящее время, но пойдутъ путемъ дѣланія, растворенного смиреніемъ, и въ Царствіи Небесномъ окажутся большими Отцевъ, прославившихся знаменіями; потому что тогда никто не будетъ дѣлать предъ глазами человѣческими чудесъ, которыя бы воспламеняли людей и побуждали ихъ съ усердіемъ стремиться на подвиги.“ *) — Такъ и О. Архимандритъ Моисей успѣлъ благополучно скрыть себя отъ людей, потому что при жизни его многіе, не знавшіе его близко, считали его хотя и хорошимъ, но обыкновеннымъ человѣкомъ: только духовные мужи, *состязующія вся*, по слову Апостола (I Кор. 2, 15), ощущали благоуханіе добродѣтелей О. Моисея и считали его высоко-духовнымъ Старцемъ, не напрасно проведшимъ жизнь свою въ трудахъ и подвигахъ. О. Игуменъ Исаія, по опыту знавшій какъ трудно управлять большимъ братствомъ и поддерживать въ немъ внутреннее благоустройство, съ особеннымъ удовольствіемъ присматривался къ порядкамъ Оптиной Пустыни и взаимнымъ духовнымъ отношеніямъ между Настоятелемъ, Старцемъ О. Макаріемъ и братствомъ и въ письмѣ своемъ къ О. Архимандриту Моисею какъ бы невольно выразился: „какъ счастлива Оптина Обитель, что есть въ ней мужи, въ нихъ же сердце и душа едина.“—„Чинъ и уставъ Оптиной Обители, писалъ онъ же къ О. Игумену Антонію, мудро и отечески управляемой Батюшкою Архимандритомъ Моисеемъ, весьма назидательны, и можно сказать рѣдкіе въ настоящее время, и— видится особенная надъ Обителью благодать Божія.“

Послѣднее несомнѣнно справедливо. Иначе нельзя и объяснить себѣ, откуда все бралось и мало по малу благо-

---

*) См. Руководство къ духовной жизни Варсан. Велик. Москва 1855 стр. 654.

устроивалось въ Обители. Братства было уже много, миръ и согласіе между ними соблюдались замѣчательно. Правда, что въ денежныхъ средствахъ О. Архимандритъ Моисей постоянно нуждался; но причиною этому служило то, что самъ онъ былъ, по выраженію его келейника, „великій гонитель на деньги". Не любилъ Старецъ ихъ сберегать, а тратилъ немедленно по полученіи. По всей вѣроятности онъ какъ огня боялся страсти сребролюбія. Разъ, отпуская въ путь одного изъ монаховъ сборщиковъ и подавая ему сборную книгу и сумку, онъ такъ проговорился о себѣ: „когда я былъ въ Саровской Пустыни, присматривался къ тому, какъ кто живетъ и кто что имѣетъ, и сказалъ самъ себѣ: умру съ голоду, но никогда въ жизни ничего не буду имѣть. Вотъ и хожу всю жизнь съ сумою".

Не задолго до кончины О. Моисея въ 1860 году Господь послалъ ему утѣшеніе—видѣть, что Обитель получила хотя нѣкоторое обезпеченіе въ своихъ хозяйственныхъ потребностяхъ. Вслѣдствіе повтореннаго представленія О. Архимандрита о нуждахъ Оптиной Пустыни, какъ по недостатку лѣсныхъ матеріаловъ для поддержки строенія, такъ и, еще болѣе, по неимѣнію дровъ для отопленія церквей и жилыхъ зданій, было Высочайше разрѣшено въ добавленіе къ прежде отведеннымъ Оптиной Пустыни 42-мъ десятинамъ луговой земли, на которой и былъ построенъ хуторъ, отвести Пустыни изъ той же казенной дачи Каменки лѣсной участокъ въ 108 десятинъ, прилегающій къ вышеупомянутому хутору. По полученіи увѣдомленія объ этомъ, въ тотъ же день совершено было всенощное бдѣніе, а на утро послѣ литургіи отслуженъ благодарственный молебенъ Подателю всѣхъ благъ. Братія радовались и поздравляли другъ друга, принимая за явный знакъ милости Божіей эту милость Правительства, которая удовлетворила до извѣстной степени одну изъ главнѣйшихъ нуждъ Обители, заставляв-

шую опасаться особенно за будущее, по случаю ежегоднаго возрастанія цѣнности лѣсныхъ матеріаловъ. Такъ на О. Моисеѣ, въ виду всѣхъ насъ, исполнялось слово Евангельское: *ищите прежде царствія Божія и правды Его и сія вся приложатся вамъ* (Ев. Матѳ. 6, 33). Впрочемъ, при всемъ процвѣтаніи Пустыни, на ней лежалъ еще въ то время долгъ въ семь тысячь рублей; но забота объ этомъ долгѣ не очень удручала О. Архимандрита. Мысленно успокоивалъ онъ себя тѣмъ, что принялъ монастырь еще съ большимъ долгомъ, въ 12 тысячь, и съ пустыми: кладовою и житницею, а теперь запасовъ въ Обители было много, да и силенъ Господь послать въ свое время благодѣтелей, которые уплатятъ долгъ. Послѣднее замѣчательно сбылось вскорѣ послѣ его кончины.

Кончина эта видимо уже приближалась. Силы Старца слабѣли со дня на день. Изъ иноковъ, получившихъ подъ его управленіемъ монашеское образованіе, многіе занимали уже мѣста настоятелей въ разныхъ Обителяхъ *). Сонмъ почтенныхъ Старцевъ, украшавшихъ Оптину Пустынь и ус-

---

*) Въ Оптиной Пустыни были при О. Настоятелѣ Моисеѣ въ числѣ братства и полагали начало монашеской жизни: 1) Настоятель Сергіевской Пустыни Архимандритъ Игнатій Брянчаниновъ, впослѣдствіи Епископъ Кавказскій и Ставропольскій, 2) О. Архим. Никодимъ, бывшій настоятель Мало-Ярославецкаго монастыря, 3) Архим. Мелетій, бывшій экклисіархъ Кіево-Печерской Лавры, 4) Архим. Моисей, нынѣ настоятельствующій въ Калужской Тихоновой Пустыни, 5) Архимандритъ Ювеналій, бывшій Настоятелемъ въ Глинской и Коренной Пустыняхъ и впослѣдствіи Намѣстникомъ Александро - Невской Лавры, 6) Архим. Леонидъ, нынѣшній намѣстникъ Св. Троицкой Сергіевой Лавры, Отцы Игумены: 7) Антоній, братъ О. Архим., бывшій Настоятелемъ Мало Ярославецкаго монастыря, 8) Антоній Бочковъ, бывшій настоятелемъ Черемецкаго монастыря, 9) Геронтій, бывшій Настоятелемъ Тихоновой Пустыни, 10) Пафнутій, нынѣ настоятельствующій въ Николаевскомъ Черно-острожскомъ Мало-Ярославецкомъ монастырѣ, 11) Исаакій, нынѣшній Настоятель Оптиной Пустыни и 12) Маркъ, бывшій Наст. Мещовскаго монас. 13) О. Строители: Исаія, нынѣ наст. Покров. Добраго Монас. и 14) Досиѳей, нынѣ Наст. Мещовскаго Георгіевскаго Монастыря.

покоиваемый христіанскою любовью ея Настоятеля, уже давно сталъ рѣдѣть. Оставались въ Оптиной Пустыни, какъ три духовныя свѣтила, лишь три великихъ Старца: О. Архимандритъ Моисей, О. Игуменъ Антоній и Іеросхимонахъ Макарій. Первымъ изъ нихъ кончилъ свое земное поприще Старецъ О. Макарій, 6-ю годами младшій О. Архимандрита. Въ послѣднее время жизни О. Макарія, вслѣдствіе недоразумѣній, корнемъ которыхъ было не вполнѣ одинаковое, хотя и равно-духовное, справедливое пониманіе монастырскихъ дѣлъ и хозяйства, произошло между нимъ и О. Архимандритомъ нѣкоторое охлажденіе. Примѣшалось къ этому и различіе во взглядахъ на лѣсъ, который О. Макарій очень любилъ, какъ украшеніе Обители, и всячески старался о его сбереженіи, а О. Архимандритъ Моисей думалъ и говорилъ, что лѣсъ, годный для построекъ, долженъ для нихъ и служить и такимъ образомъ исполнять свое назначеніе. Невидимый врагъ нашего спасенія старался раздуть это различіе во взглядахъ въ полное разстройство между Старцами, но не успѣлъ въ этомъ. Мирный образъ жизни Старцевъ между собою не былъ нарушенъ и О. Макарій, напутствуемый за его труды въ Обители благожеланіями и благодарнымъ чувствомъ О. Архимандрита Моисея, мирно скончался 7 сентября 1860 года. Видимо приближалась и очередь О. Архимандрита Моисея. Восьмой десятокъ лѣтъ его жизни приходилъ къ концу: но и въ такія преклонныя лѣта, когда, по неизбѣжному закону природы, при обветшаніи организма, во всѣхъ людяхъ оказываются разныя старческія немощи или особенности, О. Архимандритъ отнюдь не дозволялъ себѣ послабленія въ монашескихъ подвигахъ, а напротивъ еще увеличивалъ ихъ для себя самаго.

Въ такой глубокой старости онъ, вѣроятно для примѣра братіямъ, пересталъ пить чай по утрамъ. Чтобы оцѣнить всю тягость такого труда для ветхаго деньми Старца надобно

припомнить, что онъ происходилъ изъ купеческаго сословія, гдѣ, какъ говорится, выросъ на чаю; потомъ пилъ его во всю свою долгую жизнь, и тогда какъ силы наиболѣе нуждались въ подкрѣпленіи, оставилъ чай по утрамъ, чтобы братія, видя въ немъ примѣръ подвига, не увлекались приманкою тѣлеснаго подкрѣпленія, но понуждали себя къ подвигамъ. „Вотъ, смотрю я, все у насъ чай да чай," говорилъ онъ разъ одному пріѣзжему настоятелю общежительной Пустыни, „положимъ, что онъ и подкрѣпляетъ силы, но если будемъ лишать себя тѣлесной отрады, то Господь не оставитъ за это духовнымъ утѣшеніемъ."—Безъ сомнѣнія Господь и вознаграждалъ Старца внутренно обильнымъ утѣшеніемъ духовнымъ за его подвиги и понужденіе себя, а еще болѣе за то смиренное чувство, съ которымъ онъ ихъ проходилъ. О. Архимандритъ Моисей твердо помнилъ слова Св. Іоанна Лѣствичника: „гдѣ не присутствуетъ свѣтъ, тамъ все мрачно, и гдѣ нѣтъ смиренномудрія, тамъ все наше нечисто и суетно."*)

Во все время своего настоятельства, какъ мы упомянули выше, О. Моисей старался неопустительно ходить въ братскую трапезу, а въ послѣдніе годы ходилъ даже къ ужину и на вечернее правило послѣ него. Силы тѣлесныя оскудѣвали, но О. Архимандритъ сталъ еще болѣе ревновать и заботиться о строжайшемъ соблюденіи монашескихъ правилъ и общежительнаго устава, такъ что нѣкоторымъ могло казаться и казалось, что Старецъ, всю жизнь проведшій въ трудахъ и подвигахъ, подъ конецъ ея судилъ о другихъ по себѣ и ему менѣе стали понятны немощи немощныхъ. Но, какъ бы кто ни смотрѣлъ на это, для всѣхъ была очевидна высокая благонамѣренность его дѣйствій. Всѣ видѣли, что онъ руководился одною только мыслью—содѣйствовать душевному спасенію ближнихъ. Нерѣдко приводилъ онъ на память

*) Лѣствица Препод. Іоанна. Москва 1862 г., стр. 224.

себѣ и другимъ слова, сказанныя ему еще въ 1842 году приснопамятнымъ іерархомъ, основателемъ Скита и духовнымъ благодѣтелемъ Оптиной Пустыни Митрополитомъ Кіевскимъ Филаретомъ: „Отецъ Моисей! Веди всѣхъ ихъ (Владыка указалъ на окружавшихъ его братій) въ Царство Небесное, ни одного не оставляй“.

Усиливая съ теченіемъ времени свою ревность къ личнымъ подвигамъ и ко благу ближнихъ, О. Архимандритъ все болѣе и болѣе снисходилъ во глубину смиренномудрія. „Самъ то я хуже всѣхъ,“ смиренно повторялъ онъ, „другіе, можетъ быть, только думаютъ, что они хуже всѣхъ, а я на самомъ дѣлѣ дозналъ, что я хуже всѣхъ“.—Сбывались на немъ слова преподобнаго Аввы Дороѳея: „какъ деревья, когда на нихъ бываетъ много плодовъ, то самые плоды преклоняютъ вѣтви къ низу и нагибаютъ ихъ, такъ и душа, когда смиряется, тогда приноситъ плоды, и чѣмъ болѣе приноситъ плода, тѣмъ болѣе смиряется; ибо и святые, чѣмъ болѣе приближаются къ Богу, тѣмъ болѣе видятъ себя грѣшными“. *)

Наконецъ настала пора Старцу отрѣшиться отъ здѣшней жизни, какъ зрѣлому плоду отъ дерева. 15 января 1868 года минуло О. Архимандриту Моисею 80 лѣтъ, а въ маѣ того же года онъ заболѣлъ. Въ теченіе всей жизни О. Моисей никогда не былъ сильно боленъ и съ нимъ случилось такъ, какъ бываетъ съ людьми крѣпкаго тѣлосложенія: первая въ жизни трудная болѣзнь была для него и послѣднею.

Первымъ признакомъ болѣзни О. Архимандрита Моисея была небольшая опухоль на спинѣ, грозившая перейдти въ нарывъ. Старецъ не обращалъ на нее вниманія и 21 мая, въ день храмоваго праздника Владимірской иконы Божіей Матери, въ послѣдній разъ соборнѣ служилъ литургію.

---

*) Преподобнаго Аввы Дороѳея Поученія. Москва 1856 г. Поученіе 2, стр. 44.

На другой день утромъ предполагалъ онъ выѣхать въ Калугу для поздравленія Владыки съ благополучнымъ возвращеніемъ изъ Петербурга на паству. Послѣ трапезы О. Архимандритъ простился съ братіею и между прочимъ сказалъ, что ѣдетъ въ Калугу, можетъ быть, въ послѣдній разъ.

Поѣздка эта сдѣлалась дѣйствительно неожиданно тяжела для О. Архимандрита и повліяла на развитіе и исходъ его болѣзни. Преосвященному Григорію былъ представленъ доносъ, въ которомъ малодушные порицали образъ дѣйствій Отца Моисея и управленіе Обителью. Преосвященный Григорій, при всемъ уваженіи къ трудамъ и святой жизни О. Архимандрита Моисея, по своей обязанности Архипастыря, сообщилъ ему этотъ доносъ и пожелалъ узнать: есть ли въ немъ что либо справедливое? О. Архимандритъ объяснилъ Владыкѣ, какъ ведутся дѣла и тѣмъ успокоилъ Архипастыря, но неожиданность этого доноса и ложность его содержанія тяжело легла на слабѣвшія силы Старца. Получивъ приглашеніе отъ Владыки къ обѣду на другой день, О. Архимандритъ прямо отъ Преосвященнаго Григорія отправился къ тогдашнему О. Ректору семинаріи, впослѣдствіи Епископу Астраханскому Герасиму, съ которымъ былъ сердечно хорошъ, и со слезами разсказывалъ ему о происшедшемъ. Разсказъ этотъ остался въ памяти Преосвященнаго Герасима, такъ что онъ упомянулъ о немъ и въ надгробномъ словѣ О. Архимандриту Моисею. Говоря о его великодушіи и кротости, Преосвященный Герасимъ привелъ его собственныя слова: „по навожденію вражескому иногда проносили мое имя *яко зло* и чернили клеветами—малодушные изъ братіи. Но правда свѣтлѣе солнца. Защитивъ себя передъ начальствомъ отъ извѣтовъ, я охотно прощалъ ненавидящихъ и обидящихъ меня и тѣмъ обезоруживалъ ихъ и плѣнялъ сердца ихъ въ любовь.“ Такъ, обливаясь слезами, О. Моисей *разъ* самъ говорилъ намъ, благословляя при этомъ Господа,

давшаго ему широту сердца. И въ эти минуты въ очахъ его свѣтилось такое младенческое незлобіе, что кажется самое холодное, черствое сердце плѣнилось бы имъ и пожелало усвоить себѣ это качество дивное.

Этотъ *разъ*, когда О. Архимандритъ Моисей повѣдалъ свою скорбь Преосвященному Герасиму, былъ, какъ намъ достовѣрно извѣстно, именно послѣдній, въ маѣ мѣсяцѣ 1862 года.—Вѣрно, Старецъ предчувствовалъ свою близкую кончину, потому что передъ отъѣздомъ изъ Калуги, на слова монаха его сопровождавшаго: *) Батюшка! Вы благословили напомнить Вамъ о покупкахъ,—отвѣчалъ: „нѣтъ, ужъ теперь не время этому.“—24 мая вечеромъ О. Архимандритъ выѣхалъ изъ Калуги, по своей привычкѣ ѣздить преимущественно по ночамъ. По возвращеніи въ Обитель 25 мая утромъ оказалось, что изъ небольшой опухоли на спинѣ образовался нарывъ величиною въ яблоко. Пригласили уѣзднаго врача, который при осмотрѣ нашелъ, что это нарывъ—карбункулъ, еще не развившійся; прописалъ мазь и, уѣзжая, сказалъ братіи: берегите Старца, болѣзнь опасная.

На другой день, 26 мая, хотя боль усиливалась, но О. Архимандритъ сдѣлалъ было распоряженіе служить самому на праздникъ Св. Троицы, и, только по убѣжденію врача, передъ самою всенощною отмѣнилъ это распоряженіе, назначивъ вмѣсто себя другаго.**) Къ вечеру болѣзнь усилилась и О. Архимандритъ слегъ въ постель. Для облегченія боли врачъ рѣшился сдѣлать операцію, послѣ которой больной получилъ нѣкоторое облегченіе, но только на время.

---

*) Нынѣ Наст. Мещовскаго Монастыря іеромонахъ Досиѳей

**) Въ запискахъ недавно скончавшагося монаха Порфирія Севрюгина, бывшаго въ 1862 г. помощникомъ монастырскаго библіотекаря, сказано:

„26 мая 1862 г. на другой день своего пріѣзда изъ Калуги, неутомимый въ исполненіи своей настоятельской обязанности, О. Архимандр-

29 мая больной причастился Св. Таинъ, которыя были принесены послѣ ранней литургіи изъ церкви, въ сопровожденіи всего находившагося тамъ братства. Между тѣмъ, по желанію врача, послали приглашеніе въ Бѣлевъ къ другому доктору, который и прибылъ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ молодымъ медикомъ. Однако, не смотря на всѣ ихъ усилія и пособія, болѣзнь развивалась, нарывъ все болѣе и болѣе увеличивался, такъ что наконецъ сдѣлался величиною въ полоскательную чашку. Къ нему присоединилась неожиданно, и развилась чрезвычайно быстро, водяная въ желудкѣ, которая внутреннею тягостью увеличивала внѣшнюю боль отъ нарыва и удвоивала страданія.

31 мая вечеромъ О. Архимандритъ опять причастился Св. Таинъ и съ этого дня до самой кончины причащался уже ежедневно, а въ пятницу 1 іюня особоровался св. елеемъ. Таинство елеосвященія совершалъ, послѣ ранней литургіи, родной братъ О. Архимандрита и вмѣстѣ духовникъ его въ послѣднее время, О. Игуменъ Антоній съ 6 іеромонахами и 2 іеродіаконами, въ присутствіи братіи. Больной.

ритъ въ послѣ-обѣденное время, вечерявшему уже дню и заходившему въ свои предѣлы солнцу, изволилъ въ послѣдній разъ навѣстить монастырскую библіотеку. Какъ бы предчувствуя скорое свое отшествіе, онъ пришелъ въ послѣдній разъ взглянуть и проститься съ любимымъ своимъ книгохранилищемъ, которое въ теченіе своего настоятельства неусыпно собиралъ и успѣлъ такъ щедро обогатить множествомъ разныхъ, замѣчательныхъ книгъ.

Молча и внимательно обошелъ О. Архимандритъ всю залу библіотеки, осмотрѣлъ не задолго до этого поставленные новые шкафы. Остался ими доволенъ и уходя изволилъ преподать свое пастырское и отеческое благословеніе намъ обоимъ: библіотекарю О. Павлину и мнѣ его помощнику Петру Севрюгину. Этотъ молчаливый его приходъ былъ послѣдній. Изъ библіотеки онъ отправился прямо въ свои келліи и больше изъ оныхъ уже никуда не выходилъ. Какъ всегда, такъ и тутъ своимъ краснорѣчивымъ молчаніемъ О. Архимандритъ назидательно далъ намъ замѣтить, что потребно наблюдать храненіе устъ и не должно отверзать ихъ безъ нужды.“

къ удивленію всѣхъ, вышелъ для соборованія довольно бодро изъ спальни въ залу, но потомъ, ослабѣвъ, сидѣлъ а послѣ и лежалъ: при чтеніи Евангелія каждый разъ поднимался и слушалъ стоя; лице его было спокойно и свѣтло. Трогательно было видѣть, когда маститый Старецъ, угнетаемый страшною болью, смиренно поклонился предстоявшимъ, прося у нихъ прощенія. Послѣ совершенія таинства присутствовавшіе принимали его благословеніе, а когда больной нѣсколько отдохнулъ, всѣ братія, какъ изъ монастыря, такъ и изъ скита, стали приходить, желая проститься съ своимъ настоятелемъ и принять его благословеніе. Пріемъ продолжался до вечера, но когда страдалецъ сильно изнемогалъ, то прекращался на нѣсколько времени, чтобы дать больному малый отдыхъ; потомъ опять пускали къ О. Архимандриту всѣхъ желающихъ, онъ прощался со всѣми, всѣхъ благословлялъ и, не смотря на свои страданія и изнеможеніе, привѣтствовалъ всѣхъ: кого искреннимъ словомъ, кого ласковымъ взглядомъ.— Какъ вы себя чувствуете, Батюшка? спросили его. „Да! отвѣчалъ онъ, долготерпѣніе Божіе на мнѣ продолжается.“ Въ другой разъ, на подобный же вопросъ онъ отвѣчалъ: „Да! доктора борются съ болѣзнію, а мнѣ только потребно терпѣніе.“—Батюшка, сказалъ одинъ изъ новопоступившихъ изнуренному Старцу, скажите мнѣ слово на пользу.—„Господь и Его слово да будетъ съ вами,“ отвѣчалъ онъ.

Вообще во время тяжкой болѣзни своей страждущій Старецъ никому не отказывался давать наставленія и въ предсмертныхъ рѣчахъ его, преисполненныхъ духовной мудрости и сердечной любви къ вопрошающимъ, была какая-то особенная знаменательность. Со смиреніемъ бесѣдуя съ однимъ старцемъ онъ между прочимъ выразился о себѣ такъ: „другіе можетъ быть только думаютъ, что они хуже всѣхъ, а я въ 57 лѣтъ монашества опытомъ и на самомъ дѣлѣ дозналъ, что я хуже всѣхъ.“ Такимъ искреннимъ смиреніемъ, при

упованіи на милость Божію, объясняется то невозмутимое спокойствіе и благодушіе, которыми Старецъ-подвижникъ отличался во всю свою жизнь и которыя не оставляли его и въ предсмертныхъ страданіяхъ. При его вѣрѣ и надеждѣ на милосердіе Божіе, въ немъ, въ страшное время разлученія души отъ тѣла, не было замѣтно страха смерти, естественнаго каждому; но, полный спокойствія и любви, онъ заботился только о братствѣ, ввѣренномъ его попеченію. Іеромонаху Исаакію, который послѣ смерти О. Моисея назначенъ настоятелемъ Оптиной Пустыни, умирающій много говорилъ о любви къ Богу и ближнему, какъ бы предвидя въ немъ преемника своего и желая его приготовить къ благодушному принятію и несенію креста начальствованія, ради любви къ ближнему. Еще одному старцу говорилъ: „признаю двѣ жертвы, пріятныя Богу: *жертва хвалы прославитъ Мя и тамо путь имже явлю ему спасеніе мое* (Пс. 49, 23). И „*жертва Богу духъ сокрушенъ. Сердца сокрушенна и смиренна Богъ не уничижитъ* (Пс. 50, 19), а *печаль міра сего смерть содѣловаетъ* (2 Кор. 7, 10)“. Эти слова были особенно знаменательны въ устахъ О. Архимандрита: въ нихъ онъ исповѣдывалъ то, какъ самъ поступалъ въ почти 40 лѣтнее управленіе обителью; во время скудости, такъ часто его посѣщавшей, и имѣя содержать большое братство безъ всякихъ опредѣленныхъ доходовъ, онъ, отвергая всякую излишнюю печаль, старался привлечь къ себѣ милосердіе Божіе смиреніемъ духа и сердечною благодарностью, съ которою принималъ всякое благодѣяніе, какъ отъ руки Божіей, какъ бы незначительно оно ни казалось. Еще говорилъ: „весь законъ въ двухъ заповѣдяхъ заключается: *возлюбиши Господа Бога твоего, и возлюбиши искренняго твоего яко самъ себе* (Ев. Матѳ. 22, 38. 39). Значитъ, чтобы возлюбить, какъ должно, ближняго, надобно сперва научиться самаго себя лю-

бить какъ должно.“ Не разъ, лежа, самъ съ собою разсуждалъ въ слухъ о пользѣ Старчества.

О. Игуменъ Мещовскаго монастыря Никодимъ, какъ самъ послѣ разсказывалъ въ присутствіи одного только О. Игумена Антонія, сказалъ О. Архимандриту Моисею: „Батюшка, конечно въ животѣ и смерти Богъ воленъ, но болѣзнь Ваша трудная, Вы назначили бы себѣ преемника“. О. Архимандритъ отвѣтилъ только двумя словами: „Богъ укажетъ“. Потомъ, при другихъ свидѣтеляхъ, монастырскій казначей іеромонахъ Савва предложилъ Старцу вопросъ: кого онъ по себѣ назначаетъ настоятелемъ? О. Архимандритъ взглянулъ на образъ Спасителя и сказалъ: „Да, это дѣло великое и трудное; поручаю это самому Господу“.

По временамъ больной чувствовалъ себя довольно бодрымъ, выходилъ въ пріемную, спрашивалъ у письмоводителя бумагъ, разговаривалъ съ нѣкоторыми братіями о монастырскихъ дѣлахъ (о чемъ онъ впрочемъ никогда не забывалъ).

О. Игуменъ Антоній разсказывалъ, что въ это время нѣкоторые изъ рабочихъ пришли просить расчета. „Я и сказалъ О. Архимандриту: Батюшка, рабочіе пришли, просятъ, чтобы ихъ расчитать. „Что же, надобно расчитать.“—Да денегъ-то нѣтъ, Батюшка.—„Занять надобно у кого нибудь, а рабочихъ расчитать“. Я и пошелъ отъ Батюшки въ раздумьи: у кого же занять? Только что схожу съ крыльца его келлій, какъ вижу, на встрѣчу мнѣ идетъ знакомая дама, и, подойдя, спрашиваетъ о здоровьѣ О. Архимандрита. Я отвѣчалъ: слабѣетъ силами; да вотъ благословилъ мнѣ расчесть рабочихъ, а денегъ нѣтъ, надобно занять у кого нибудь. Дама эта тутъ же вынула свой бумажникъ, достала изъ него 50 рублей и подала ихъ мнѣ, говоря: вотъ, О. Игуменъ, позвольте мнѣ вамъ этимъ послужить, прошу Васъ принять отъ меня эти деньги въ долгъ безъ отдачи. Такъ Го-

сподь за молитвами Батюшки О. Архимандрита и послалъ неожиданно денегъ для уплаты рабочимъ".

Въ воскресенье 3 іюня О. Архимандритъ чувствовалъ себя хорошо и въ братіи ожила надежда, что онъ останется живъ; но на другой же день эта кратковременная надежда исчезла. Консиліумъ врачей, къ которому усердіемъ преданныхъ лицъ приглашены были кромѣ упомянутыхъ еще два, призналъ болѣзнь неизлечимою.

6 іюня вечеромъ О. Игуменъ Антоній предложилъ больному принять схиму, приводя ему въ примѣръ благоговѣйно имъ чтимаго покойнаго Кіевскаго митрополита Филарета. О. Архимандритъ согласился и сказалъ, что и самъ давно имѣлъ желаніе принять великій монашескій образъ и получилъ на то благословеніе отъ сего же іерарха. Тутъ же вспомнилъ, что за 41 годъ передъ тѣмъ въ самый этотъ день 6 іюня онъ прибылъ изъ Рославльскаго лѣса въ Оптину Пустынь.

Сейчасъ же были сдѣланы необходимыя распоряженія, и, въ присутствіи немногихъ изъ старшей братіи, совершенъ чинъ постриженія братомъ и духовникомъ О. Архимандрита О. Игуменомъ Антоніемъ. При началѣ обряда спросили его: „можетъ быть Вамъ угодно перемѣнить имя?" Онъ отвѣчалъ: „довольно и Моисей". На вопросы, дѣлаемые при постриженіи, онъ отвѣчалъ, хотя и съ усиліемъ, но внятно и съ большимъ чувствомъ. Память его была при этомъ свѣтла, видъ лица святолѣпенъ, а выраженіе его словъ и дѣйствій такъ просто, что одинъ изъ присутствовавшихъ старцевъ невольно назвалъ его новымъ Сисоемъ. Когда по окончаніи обряда его стали поздравлять, онъ благодарилъ всѣхъ съ такимъ умиленіемъ и съ такою любовію, что у присутствовавшихъ невольно навертывались слезы на глазахъ. Больной, утѣшаясь схимою, долго не снималъ ее и посѣщавшимъ его, какъ въ этотъ вечеръ, такъ и въ послѣдующіе дни, съ удовольствіемъ разсказывалъ о своемъ постриженіи, и говорилъ,

что такого утѣшенія и такой духовной радости, какая наполняла его душу съ принятіемъ великаго ангельскаго образа, онъ въ жизни своей не помнитъ. 6 іюня вечеромъ и 7 утромъ всѣ братія, отъ мала до велика, вторично приходили принимать благословеніе отъ новопостриженнаго схимонаха Архимандрита. Видъ маститаго Старца, лежавшаго въ схимѣ на болѣзненномъ одрѣ и среди тяжкихъ страданій сіявшаго отъ внутренняго духовнаго утѣшенія, былъ такъ назидательно-величественъ, что трудно было оторваться отъ этого зрѣлища: всѣ входившіе въ келлію для полученія благословенія съ сожалѣніемъ и нехотя оставляли ее, и останавливались у дверей сосѣдней келліи, чтобы еще посмотрѣть на великаго Старца.

Кромѣ братіи О. Архимандритъ принималъ и благословлялъ и постороннихъ, находившихся въ эти дни въ Обители. Когда огласилась вѣсть о его опасной болѣзни, то изъ Москвы, Калуги, Тулы, Орла и другихъ мѣстъ стало съѣзжаться въ Оптину Пустынь много преданныхъ ему лицъ мірскихъ съ своими семействами и духовныхъ, желавшихъ принять послѣднее благословеніе высокоуважаемаго Старца. Всѣхъ принималъ онъ съ сердечною любовію и благодарилъ съ глубокимъ смиреніемъ и искренностью за участіе и съ каждымъ изъ многочисленныхъ посѣтителей старался бесѣдовать, сколько позволяли ему слабѣющія силы.

Вечеромъ 6 іюня, по желанію О. Архимандрита, написано было его духовное завѣщаніе. *) На другое утро, когда хотѣли прочитать больному въ постели это завѣщаніе, онъ не согласился на то, а, приказавъ накинуть на него рясу, вышелъ въ залу, сѣлъ на обычное свое мѣсто, и, удаливъ всѣхъ келейныхъ, остался одинъ съ письмоводителемъ и самъ сталъ внимательно читать завѣщаніе и по прочтеніи каж-

---

*) См. приложенія.

дой статьи останавливался, обдумывая ея смыслъ. Прочитавъ все, перекрестился и подписалъ очень тщательно и чётко. Это была послѣдняя его подпись, послѣ которой онъ не бралъ уже въ руки пера. Отдавая бумагу письмоводителю іеромонаху Евѳимію, сказалъ: „теперь все кончено.“ Когда онъ хотѣлъ встать, то отъ безсилія опустился опять на диванъ, проговоривъ: „оскудѣ крѣпость моя.“ И въ спальню его уже повели келейные.

По принятіи схимы больной провелъ ночь гораздо лучше прежнихъ, и на другой день состояніе его здоровья утѣшало всѣхъ, хотя и не долго. Вечеромъ появилась тоска, которая къ ночи, часъ отъ часу, усиливалась. Больной до трехъ разъ переходилъ изъ спальни въ залу и оттуда обратно въ спальню, но нигдѣ не находилъ покоя. Не дождавшись ранней обѣдни, въ часъ по полуночи причастился Св. Таинъ, послѣ чего О. Игуменъ Антоній прочиталъ отходную, обливаясь слезами. Такъ наступило 8 іюня.—день очень тяжкій для больнаго. Надобно замѣтить, что съ первыхъ дней его болѣзни окружавшіе его ожидали скорой кончины, и доктора, по своимъ соображеніямъ, нѣсколько разъ назначали срокъ—сколько ему остается жить, потомъ отстрочивали еще на нѣсколько дней, и больной съ каждымъ днемъ дѣйствительно слабѣлъ, но, поддерживаемый благодатію Божіею, переносилъ страданія, которыя, казалось, быстро прекратили бы жизнь обыкновеннаго человѣка и переживалъ отдаленнѣйшіе сроки, назначаемые ему по соображеніямъ науки. Жизнь его незамѣтно угасала, но и среди предсмертныхъ страданій онъ являлъ то великодушіе и ту духовную силу, съ которою въ продолженіе своей долголѣтней жизни переносилъ величайшія лишенія, скорби и заботы, не всѣмъ извѣстныя и не для всѣхъ понятныя...

Водяная быстро разливалась; нарывъ проникъ уже въ кость, слабость ежечасно увеличивалась и—, въ такомъ состояніи О. Архимандритъ 9 іюня, началъ раздавать иконы

на благословеніе, сначала старшимъ изъ братіи и нѣкоторымъ другимъ лицамъ, пріѣхавшимъ въ Обитель. Благословляя образомъ, онъ самъ сперва благоговѣйно прикладывался къ нему, и потомъ уже подавалъ и дѣлалъ это съ особеннымъ чувствомъ умиленія и съ большимъ вниманіемъ, сознавая, что это уже послѣднее прощаніе, и что его предсмертный даръ высоко будетъ цѣнимъ принимающимъ. Потомъ возвѣстили братіи, чтобы всѣ приходили принимать благословеніе умирающаго, и тогда уже невозбранно шли монахи и мірскіе, крестьяне и знатные, мужчины, женщины и дѣти. Почти весь день прошелъ въ этомъ утомительномъ пріемѣ. Келейные, жалѣя больнаго, нѣсколько разъ прекращали пріемъ, и тогда онъ самъ спрашивалъ: „что-же, или уже никого нѣтъ?“ Уже вечеромъ, во время бдѣнія, было объявлено приходившимъ, чтобы ждали до утра. На слѣдующій день, послѣ причащенія больнаго опять начался пріемъ братій и постороннихъ и продолжался до самаго вечера. Приходили и нѣкоторыя лица, имѣвшія, по недоразумѣніямъ, неудовольствіе на О. Архимандрита, онъ принялъ ихъ такъ радушно, такъ усердно благодарилъ ихъ за посѣщеніе, съ такою любовію преподавалъ имъ прощеніе, и самъ у нихъ просилъ прощенія, что они выходили отъ него заливаясь слезами и растроганныя до глубины сердца.

Между тѣмъ стало стекаться все болѣе и болѣе лицъ всякаго званія, желавшихъ получить послѣднее благословеніе Старца, а онъ такъ ослабѣлъ, что не было никакой возможности принимать лично всѣхъ, и потому онъ благословилъ нѣсколько коробокъ съ образками, которые отъ его имени и были раздаваемы О. Игуменомъ Антоніемъ и однимъ изъ монастырскихъ духовниковъ. Но иные, принимая образки, не обинуясь, жаловались: мы пришли не за образками, а принять благословеніе, пустите взглянуть на самого. Нѣкоторые со слезами просили допустить ихъ, валялись въ но-

гахъ. Одни говорили: мы сами дальніе, живемъ здѣсь давно; благословите проститься на вѣчно. Другіе ближніе говорили: допустите насъ ради Бога, вѣдь мы свои, хоть послѣдній разъ взглянуть на батюшку. Ужъ насъ-то грѣшныхъ не пустить. И трудно было рѣшить: кого пощадить надобно, больнаго ли, или приходящихъ. Такъ продолжалась раздача образковъ нѣсколько дней. Былъ слѣдующій замѣчательный случай: больной, тоскуя и издавая болѣзненные стоны, подозвалъ къ себѣ келейника своего и сказалъ: „спроси, что эта за женщина? Что ей нужно? Зачѣмъ она меня безпокоитъ?“ Келейникъ, не видя никакой женщины, подумалъ, что это бредъ и сказалъ нѣсколько словъ, только чтобы успокоить больнаго. Но потомъ оказалось, что на крыльцѣ дѣйствительно давно стояла женщина, которая, получивши образокъ для себя, не хотѣла удалиться, но настоятельно просила, чтобы ей дали другой образокъ для ея сына. Узнавъ объ этомъ, келейникъ взялъ образокъ, поднесъ его къ О. Архимандриту для благословенія, и вынесъ его по таинственному требованію, дожидавшейся крестьянкѣ, а потомъ сказалъ больному, что женщина желала получить его благословеніе и теперь удовлетворена. Старецъ отвѣтилъ: „вотъ я теперь спокоенъ.“

Всѣхъ образковъ было роздано въ эти дни болѣе четырехъ тысячъ. При этомъ не были забыты и отсутствовавшіе. Въ эти же дни самъ О. Архимандритъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы нѣкоторыя изъ его келейныхъ иконъ были разосланы на благословеніе и на память многимъ лицамъ, имъ уважаемымъ и благотворителямъ Обители.

Съ вечера 10 числа начались очень тяжкія страданія, которыя продолжались двое сутокъ. Пріемъ посѣтителей прекратился, за исключеніемъ немногихъ. Ночью страданія увеличились. О. Игуменъ Антоній *) прочиталъ вечернія

---

*) Съ 10 числа по самый день кончины О. Игуменъ Антоній

молитвы, канонъ Божіей Матери на исходъ души и окропилъ больнаго св. водою, а въ самую полночь прочиталъ краткія молитвы къ причащенію. Послѣ этого больнаго тотчасъ и причастили. Однако, не смотря на жестокія страданія и изнеможеніе, онъ принималъ Св. Причастіе стоя и молитву „вѣрую Господи и исповѣдую",— читалъ самъ, хотя съ большимъ усиліемъ, и послѣ причащенія благословлялъ всѣхъ присутствовавшихъ.

Во время жестокой болѣзни цвѣтъ лица его былъ свѣжъ и румянъ, а послѣ принятія Св. Таинъ, всякій разъ, особенно свѣтѣлъ и благообразенъ, выраженіе лица спокойно и привѣтливо: всѣмъ чувствовалось, что и въ страданіяхъ онъ былъ преисполненъ благодати. Во все время болѣзни, чтеніе молитвъ, какъ упомянуто было выше, совершалось О. Игуменомъ Антоніемъ. Кромѣ того больной приглашалъ иногда и другихъ старцевъ прочитать ему какія либо молитвы, по ихъ усмотрѣнію.

Въ жизни своей О. Архимандритъ не любилъ принимать услугъ, безъ особенной нужды, и, сохраняя свои привычки, 80-ти лѣтній Старецъ пытался и во время болѣзни, до послѣдней крайности, отклонять услуги келейныхъ. Если замѣчалъ, что кто либо оставался въ его келліи, выжидая не понадобится ли что нибудь больному, то настоятельно высылалъ его, говоря: „пойди, отдохни". Когда же предсмертная немощь заставила его вполнѣ отдаться рукамъ другихъ, онъ съ глубокимъ смиреніемъ сознавалъ, что точно ослабѣлъ, что затрудняетъ собою другихъ, и искреннюю свою благодарность за услуги, выражалъ словомъ: „благодарствую", привѣтливымъ взоромъ и самымъ смиреннымъ и терпѣливымъ выжиданіемъ, особенно при перевязкѣ раны, которая была

каждодневно повторялъ то же самое, т. е. окроплялъ больнаго св. водою, читалъ канонъ на исходъ души и краткія молитвы къ причащенію.

крайне болѣзненна и при всей поспѣшности и старательности келейныхъ очень утомительна для страдальца.

12 іюня вечеромъ больной замѣтно ослабѣлъ, руки стали холодѣть, и всѣ уже думали, что онъ не доживетъ до Св. Причастія. Однако въ часъ по полуночи его причастили; но теперь больной не только не могъ самъ читать молитву „вѣрую Господи и исповѣдую“, но не имѣлъ силъ держать и головы своей. За то съ наступленіемъ такой большой слабости во всемъ тѣлѣ кончились и жестокія его страданія. Больной былъ уже свободенъ отъ нихъ въ послѣдніе дни, такъ что на слѣдующія сутки причащеніе его отложили до конца ранней обѣдни. Сознаніе же его, при такомъ тѣлесномъ изнеможеніи, было даже свѣтлѣе, чѣмъ въ предшествовавшіе дни. Если, напримѣръ, при облаченіи въ схиму предъ причащеніемъ, забывали надѣть по обычаю поручи, онъ взоромъ и знакомъ руки самъ напоминалъ объ этомъ, хотя съ трудомъ сидѣлъ на стулѣ. Когда чувствовалъ себя получше, продолжалъ заниматься монастырскими дѣлами. Одному посѣтителю, къ удивленію его, сказалъ, что въ воскресенье надѣется быть въ церкви, и когда тотъ возразилъ, что ему по слабости силъ никакъ нельзя служить, то прибавилъ: „служить нельзя, а быть можно“. Слова эти сбылись: почивъ о Господѣ въ субботу, онъ въ воскресенье былъ перенесенъ въ церковь.

14 іюня больной, какъ бы въ бреду, сталъ собираться въ путь, говорилъ, чтобы все приготовили къ отъѣзду, что ему здѣсь нечего дѣлать, что останется здѣсь развѣ еще день. Приказалъ вынести изъ своихъ келлій свои одежды и вещи, исключая одной подушки и т. п., говоря, что все это теперь уже не нужно. Потомъ приказалъ помѣстить передъ собою на стѣнѣ икону Св. Тихона Задонскаго, которая и стояла передъ нимъ по часъ кончины, послѣдовавшей въ день тезоименитства Св. Тихона 16 іюня.

15 іюня О. Архимандритъ былъ такъ слабъ, что во время причащенія едва держался на ногахъ, или точнѣе— висѣлъ на рукахъ другихъ, но все таки не хотѣлъ принять Св. Таинъ лежа, и не терялъ сознанія. Вечеромъ со вниманіемъ слушалъ Евангеліе отъ Іоанна, читанное однимъ изъ Старцевъ. Глубоко трогательна была та смиренная внимательность, которую умирающій оказывалъ во все время своей болѣзни всѣмъ посѣщавшимъ его. Такъ напримѣръ, одинъ изъ іеромонаховъ, поклонившись ему, поцѣловалъ его руку, а Старецъ тихо привлекъ и его руку къ своимъ устамъ. Или: больной лежитъ съ закрытыми глазами, одинъ изъ іеромонаховъ цѣлуетъ его благословляющую руку, страдалецъ, не имѣя уже силъ пошевелиться, отвѣчаетъ ему пожатіемъ руки.

15 іюня вечеромъ открылось сильное томленіе; потомъ сдѣлался ознобъ. Слабость больнаго увеличилась. Врачъ говорилъ, что страждущій едва ли можетъ прожить до полуночи. Ровно въ полночь принесли Св. Тайны, которыя страдалецъ принялъ уже лежа, и то съ трудомъ. Во второмъ часу сталъ томиться, потомъ успокоился. Вдругъ видятъ: правая рука умирающаго Старца поднимается и осѣняетъ предстоящихъ, тѣ поспѣшили подойдти и онъ благословилъ ихъ. Потомъ Старецъ продолжалъ благословлять и тогда, когда уже никого не было: видно было, что онъ благословляетъ отсутствующихъ своихъ знакомыхъ. Въ это самое утро, какъ узнали послѣ изъ письма, полученнаго въ Обители, одно преданное Старцу лицо въ С.-Петербургѣ видѣло въ тонкомъ и необыкновенно свѣтломъ снѣ О. Архимандрита, лежащаго на одрѣ и благословляющаго поочередно каждаго изъ членовъ его семейства. О. Игуменъ Антоній, видя, что умирающій благословляетъ и тогда, когда передъ нимъ никого не было, далъ ему въ руки крестъ, и тогда Старецъ продолжалъ осѣнять крестомъ, пока не изнемогла рука. Потомъ распорядились, чтобы іеромонахи и іеродіаконы про-

должали начатое накапунѣ, по желанію больнаго, чтеніе Евангелія, которое и не прерывалось до послѣдняго его вздоха. При этомъ былъ трогательный случай. На долю іеромонаха Евѳимія Трунова, который поступилъ въ Обитель весьма молодымъ, 31 годъ состоялъ при О. Архимандритѣ Моисеѣ письмоводителемъ и былъ ему сердечно преданъ, какъ Отцу и духовному своему благодѣтелю, на долю этого О. Евѳимія, говоримъ, выпало читать 16-ю главу Евангелія отъ Іоанна. Дойдя до 16-го стиха: *„вмалѣ и ктому не видите Мене и паки вмалѣ и узрите Мя, яко иду ко Отцу“*, О. Евѳимій зарыдалъ, и отъ слезъ не могъ продолжать. О. Архимандритъ, хорошо знавшій кто читаетъ, открылъ глаза, съ усиліемъ повернулъ голову, взглянулъ на него съ любовію и благословилъ его издали своею изнемогшею рукою. Черезъ нѣсколько времени потомъ дыханіе умирающаго стихло до того, что одинъ изъ бывшихъ тамъ іеромонаховъ сказалъ: скончался? Больной, не открывая глазъ, едва слышно отвѣтилъ на это: „продолжайте.“ И продолжали чтеніе священнослужители одинъ за другимъ, пока въ 10 часовъ Старецъ легко вздохнулъ и весьма тихо и мирно предалъ Господу душу свою, въ то самое время когда очередной іеромонахъ читалъ конецъ 16-й главы Евангелія отъ Матѳея: *пріити бо имать Сынъ человѣческій во славѣ Отца Своего, со Ангелы Своими: и тогда воздастъ комуждо по дѣяніемъ его. Аминь глаголю вамъ, яко суть нѣцыи отъ здѣ стоящихъ, иже не имутъ вкусити смерти, дондеже видятъ Сына человѣческаго грядуща во царствіи Своемъ* (ст. 27 и 28).

Такъ скончался О. Архимандритъ Моисей, въ твердомъ упованіи на милосердіе Божіе, сподобившись еще въ сей жизни преисполниться благодатныхъ утѣшеній отъ Господа. Такъ зашло въ невечерній день вѣчности это свѣтило вѣры и добродѣтели, но свѣтъ имъ разлитый, въ свое время, сіяетъ и до сихъ поръ и Обитель имъ обновленная не пере-

стасть служить духовнымъ пристанищемъ для многихъ, ищущихъ духовнаго назиданія, утѣшенія въ скорбяхъ земной жизни и незаблуднаго пути къ спасенію вѣчному.

„Неизъяснима и невыразима словами та сладость, говоритъ Преподобный Ѳеогностъ *), которую ощущаетъ душа, извѣщенная о своемъ спасеніи, при разлученіи съ тѣломъ. Получая (теперь) то, чего надѣялась, она оставляетъ тѣло какъ одежду, безъ скорби, и съ миромъ идетъ къ пришедшему свыше свѣтлому и тихому ангелу: безпрепятственно проходитъ съ нимъ воздухъ, нимало не возмущаемая лукавыми духами, но восходитъ радостно, съ дерзновеніемъ и восклицаніями благодарности, пока не будетъ приведена на поклоненіе Творцу и отъ Него получитъ опредѣленіе—водвориться до общаго воскресенія съ подобными ей и равными по добродѣтели.“ **)

Почившаго вынесли въ залъ, гдѣ уже во множествѣ собрались братія и народъ. Братъ покойнаго О. Игуменъ Антоній совершалъ съ 12 іеромонахами и 2 іеродіаконами заупокойное служеніе (каноны по исходѣ души и соборную панихиду); корридоры и все мѣсто свободное снаружи около Настоятельскихъ келлій были полны народа; всѣмъ розданы были свѣчи и началось общее пѣніе канона: почти все братство и нѣкоторые изъ мірскихъ вторили пѣнію, и составился хоръ, въ полномъ смыслѣ слова потрясавшій сердца! Послѣ этого слѣдовало прощаніе. Трудно было отыскать лице, не орошенное слезами. Затѣмъ начались панихиды, продолжавшіяся до часу по полуночи. Онѣ смѣнялись одна другою и

*) См. Преп. Ѳеогноста главы о дѣяніи и видѣніи, гл. 60-я: Восторгнутые класы въ пищу души. Москва 1849, стран. 199.

**) Нѣкто изъ преданныхъ О. Архимандриту Моисею, по выслушаніи разсказа о его кончинѣ, размышляя о судьбѣ его, взялъ лежавшую передъ нимъ книгу и раскрылъ ее; ему прямо попалось мѣсто здѣсь нами выписанное. Оно лучше всякихъ разсказовъ изображаетъ то состояніе, въ которомъ О. Архимандритъ сподобился отойдти ко Господу.

до самаго погребенія почившаго, за исключеніемъ немногихъ часовъ глубокой ночи и времени церковнаго служенія.

На другой день утромъ въ 4 часа совершенъ былъ выносъ останковъ покойнаго въ церковь Казанской иконы Пресвятой Богородицы. Почившій священно-архимандритъ схимонахъ, съ крестомъ и Евангеліемъ на груди, походилъ болѣе на св. мощи, чѣмъ на мертвеца.

Немедленно по кончинѣ О. Архимандрита отправленъ былъ въ Калугу къ Преосвященному Григорію монахъ Досиѳей *) съ донесеніемъ о совершившемся. Владыка, распросивъ подробно о кончинѣ Старца, сказалъ, что онъ самъ пріѣдетъ въ Обитель воздать послѣдній долгъ въ Бозѣ почившему. 18 іюня, исполняя свое слово, Преосвященный Григорій дѣйствительно прибылъ въ Оптину Пустынь съ ректоромъ семинаріи О. Архимандритомъ Герасимомъ и свитою. Въ три часа пополудни большой колоколъ возвѣстилъ приближеніе къ Обители архипастыря. Всѣ братія вышли къ св. воротамъ, гдѣ Владыка и былъ благоговѣйно встрѣченъ братствомъ и наѣхавшимъ отвсюду народомъ. Въ соборѣ, по окончаніи входной молитвы, Преосвященный, обратясь къ братіи сказалъ: „все хорошо, только одного человѣка не достаетъ.“

Благословивъ послѣдовательно всѣхъ братій, Владыка отправился къ покойному Настоятелю обители въ Казанскую церковь. Положа нѣсколько поклоновъ, благословилъ почившаго и простился съ нимъ. Въ тоже время назначилъ и мѣсто погребенія въ Крестовоздвиженскомъ придѣлѣ за малымъ правымъ клиросомъ. Оттуда, въ сопровожденіи братства, Преосвященный зашелъ въ часовню, устроенную надъ могилою покойнаго Старца іеросхимонаха Макарія, поклонился низко

---

*) Нынѣ Настоятель Георг. Мещовскаго монастыря.

гробницѣ послѣдняго и, немного постоявъ, отправился въ покои бывшаго Настоятеля.

19 іюня Архипастырь служилъ божественную литургію и потомъ совершалъ отпѣваніе и погребеніе О. Архимандрита Моисея, съ двумя архимандритами, четырьмя игуменами, двумя строителями, двумя протоіереями, двѣнадцатью іеромонахами, восемью іереями и двѣнадцатью діаконами. Стеченіе же народа было такое большое, что подобнаго никогда въ Обители не видали, и похоже было на какое-то торжество, а не на печальную процессію. Трапеза была предложена для разныхъ лицъ, числомъ до двухъ тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ болѣе тысячи было нищихъ. Какъ при жизни своей покойный Старецъ любовію и смиреніемъ многихъ привлекалъ къ себѣ, такъ и по кончинѣ его таже любовь собрала многихъ къ его погребенію.

О. ректоръ калужской семинаріи архимандритъ Герасимъ во время отпѣванія сказалъ прекрасное надгробное слово, въ которомъ кратко изобразилъ жизнь покойнаго Старца, близкаго ему по сердцу *).

Подземный сводъ покрылъ гробъ притружденнаго подвижника, но живая память о немъ и о любви его, равно какъ и благодатной силѣ его въ трудахъ и подвигахъ, не изгладилась изъ сердецъ его искреннихъ почитателей, и долго, долго будетъ жить въ поколѣніяхъ братства Оптиной Пустыни.

Какъ скоро сдѣлалось извѣстнымъ о кончинѣ О. Архимандрита Моисея, многія обители (Свято-Троицкая Сергіева Лавра, Саровская пустынь, Святогорская и Коренная пустыни, Задонскій монастырь и другія) въ честь и память многопотрудившагося, опытнаго подвижника-настоятеля совершили поминовеніе по немъ съ особенною торжественностью, почитая память праведнаго съ похвалами.

---

*) Смот. приложенія.

Черезъ нѣсколько времени по кончинѣ О. Архимандрита Моисея. на мѣстѣ его погребенія положена была большая гладкая плита съ начертаннымъ на ней масляною краскою осьмиконечнымъ крестомъ. Плита эта была ограждена съ западной стороны и съ сѣверной чугунною рѣшеткою, примыкавшею съ востока къ правому клиросу придѣла, а съ юга къ каменной стѣнѣ храма. За клиросомъ надъ плитою прибита была металлическая посеребренная доска, на которой вырѣзана слѣдующая надпись, составленная братомъ О. Архимандрита Игуменомъ Антоніемъ. „На семъ мѣстѣ погребено тѣло Настоятеля сей святой Обители Отца Архимандрита Моисея, скончавшагося іюня 16 дня 1862 года, со всѣми христіанскими напутствованіями, съ принятіемъ на себя великаго ангельскаго образа, т. е. святой схимы, и съ упованіемъ на Божіе милосердіе, изреченное самимъ Спасителемъ: идѣже есмь Азъ, ту и слуга Мой будетъ! А онъ, т. е. почившій о Бозѣ Архимандритъ, отъ юности до скончанія своего работалъ Господу со страхомъ и служилъ Ему съ любовію и благоговѣніемъ. Былъ сначала начальникомъ здѣшняго Скита, имъ устроеннаго, четыре года; потомъ настоятелемъ Обители сей 37 лѣтъ. Въ иноческомъ званіи проведено имъ 57 лѣтъ, а всего житія его было со дня рожденія до кончины 80 лѣтъ, 5 мѣсяцевъ и 1 день; и оставилъ онъ о себѣ въ Обители сей память вѣчную съ похвалами! А посему просимъ и молимъ Господа Бога да упокоитъ душу его со святыми въ небесномъ царствіи Своемъ, о чемъ вси Господу помолимся“.

Плита покрывавшая могилу О. Архимандрита Моисея была снята на время при похоронахъ О. Игумена Антонія, погребеннаго 1865 г. въ одномъ склепѣ съ О. Архимандритомъ, потомъ снова была положена на общую могилу Старцевъ и лежала на ней до 1873 года.

Въ 1873 году иждивеніемъ вдовы щигровскаго предво-

дителя дворянства Елизаветы Васильевны Небольсиной, лично знавшей покойнаго О. Архимандрита Моисея и получившей отъ него первый совѣтъ о принятіи православія, сдѣлано было въ Петербургѣ *) на могилу обоихъ Старцевъ Моисея и Антонія великолѣпное надгробіе изъ бѣлаго итальянскаго мрамора. Оно представляетъ собою мраморный саркофагъ, помѣщенный на постаментѣ. На крышѣ саркофага лежитъ большой, мраморный высоко-рельефно высѣченный, осьмиконечный крестъ, составляющій съ крышею одно цѣлое.

На бокахъ саркофага надписи также высоко-рельефно высѣченныя изъ того же мрамора. На восточной сторонѣ: 1873 года. На сѣверной, въ двухъ овалахъ помѣщено,—въ первомъ: Схимникъ Архимандритъ Моисей скончался 16 іюня 1862 года, на 81 году отъ роду; во второмъ: Схимникъ Игуменъ Антоній скончался 7 августа 1865 года, на 71 году отъ роду. На южной сторонѣ: „Добрѣ подвигъ совершившіи и вѣру соблюдшіи молите, молимся, спастися душамъ нашимъ". На западной: „Праведницы во вѣки живутъ и въ Господѣ мзда ихъ". Саркофагъ окруженъ бронзовымъ черезъ огонь вызолоченнымъ поручнемъ на 6 такихъ же столбикахъ съ кронштейнами.

Стóитъ онъ слишкомъ полторы тысячи рублей серебромъ. Посеребренная металлическая доска съ надгробною надписью О. Моисея, о которой мы упомянули выше, перенесена теперь на клиросъ Воздвиженскаго придѣла, и соблюдается сохранно въ память составителя надписи и того, о комъ она говоритъ.

Но не камень и металлъ, а живыя преданія о святой жизни Старцевъ и сила ихъ молитвъ, до нынѣ очевидно дѣйствующая на мѣстѣ ихъ подвига, говорятъ о нихъ богомольцамъ и низводятъ на Оптину Пустынь благословеніе Божіе.

---

*) Стараніемъ О. Архимандрита Ювеналія.

Преподобный Сергій Радонежскій передъ кончиною своею обѣщалъ Своей Обители безбѣдное существованіе послѣ него. О. Моисей не дерзнулъ дать такого обѣщанія на словахъ; но Богъ исполняетъ это на самомъ дѣлѣ, по молитвамъ его посылая часто Обители нежданную помощь и не допуская ее до оскудѣнія вещественнаго, а главное духовнаго.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Письмо Монахини Доспоеи къ Тимоѳею и Іонѣ Путиловымъ.

Въ послушаніи о Христѣ почтеннѣйшему Тимоѳею и братіи, миръ и Божіе благословеніе.

Пріятное письмо ваше, посланное чрезъ брата А. С., имѣла удовольствіе получить; и читавъ оное, не могла не вспомнить словъ, что всуе путь, аще не благословитъ Богъ. Вы, направя стопы ваши на путь миренъ къ необуреваемому пристанищу, благополучно достигли, настигши на пути старца, хотя безмолвна, но внутрь сердца снабденна и Богомъ благословенна, коего древній посохъ указывалъ вамъ путь къ вѣчно тихому пристанищу въ Саровскомъ Іерусалимѣ. Сіе напутствіе Божіе весьма сходно съ принятымъ вами намѣреніемъ. И должно замѣтить, что на путь правый указуетъ идущимъ не скитающійся въ мірской прелести, ищущій спокойствія тѣлеснаго, переходя изъ града въ другой; но напутствуемый чрезъ Христа старецъ, хотя въ раздранномъ рубищѣ и хладный тѣломъ, но теплый вѣрою и безмолвствуя языкомъ въ мирѣ отверстъ устами въ обители внутренней, затворившій уста, какъ бы дверь хижины теплой отъ охлажденія и дабы не вшелъ тать похитить сокровище, аще даде ему Господь. Сего старца, напутствующаго васъ, увидя

изъ письма, не могла я не чувствовать истинной вѣры, что сѣвшій съ вами, сей провожающій на служеніе Богу, избранникъ отъ Христа Спасителя нашего, человѣкъ потаеннаго сердца въ неистлѣніи молчаливаго духа и слова его внутрь; дабы доказать вѣрующимъ, что избравшихъ лучшій конецъ житія и преходящихъ путь остатки жизни въ вѣрѣ и нелѣностномъ послушаніи для достиженія спасенія будетъ благословлять Самъ Отецъ Небесный, яко напутствующій васъ старецъ, отъ коего всѣ мимоидущіе смиренно просятъ Божія благословенія, яко слабые суть въ мірѣ, во брани плоти и крови и съ духи злобы.

Вы же, видѣвъ совѣсть свою какъ бы въ зеркалѣ, и принявъ несеніе креста Спасителя нашего, обѣщая послушаніе нести его и далѣе, дондеже укажется мѣсто и время сложить его, страшитесь сбросить его съ себя, угождая побужденіямъ плоти, въ коей часто бываетъ и врагъ владыкою. Но достигши спокойствія совѣсти, и будучи наставляемы отцемъ Александромъ, не страшитесь мирнаго возмущенія со стороны родственниковъ, имѣя Отца и Матерь, иже на небеси. Впрочемъ хотя дядя, сестры и прочіе родственники въ неудовольствіи по свойству плотскому, и мятутся, яко въ мірѣ ница наказаній, но вспомните родителей К. Д-ча незлобствующихъ о спасеніи ближняго. Можетъ быть Богъ смиритъ сердца и вашихъ родственниковъ, если вѣры утвержденіе не поколеблется въ сердцѣ вашемъ и не сдѣлаете отступленія, давъ себя исхитить волку изъ стада Христова и разтерзать среди прелестьми ослѣпленныхъ.

Іона братъ, утѣшающій жизнію, несущій троепослушаніе съ терпѣніемъ, и К. Д. трудившійся съ вами въ хлѣбнѣ. Вы пишете: общелюбимы строителемъ и пустынниками, пекущимися о вашемъ назиданіи душевномъ. Дай Богъ, чтобы съ любовію сей почтенной о Христѣ братіи преходили вы трудности послушанія для тѣла къ облегченію и спасенію духа,

достигая при черномъ покровѣ главы блистающаго на оную вѣнца отъ Спасителя міра. Видѣвъ же васъ несѣтующихъ и безъ унынія, благодарящихъ Господа нашего, прошу васъ смиренно, писать мнѣ впредь при случаяхъ о продолженіи житія вашего. Я же при молитвѣ какъ духовно, такъ и тѣлесно здрава. И прошу читать письмо вмѣстѣ, дабы цѣпь дружества вашего была тверже. Впрочемъ желая вамъ душевнаго и тѣлеснаго здравія и Божія благословенія, имѣю честь быть, грѣшная Монахиня Досиоея.

29 Октября 1805 года.

Въ Русскихъ Достопамятностяхъ *) при описаніи Ивановскаго монастыря въ Москвѣ, сказано о старицѣ Досиоеѣ слѣдующее: „Сюда прислана была въ 1785 году, по секретному повелѣнію Императрицы Екатерины II, одна женщина не старыхъ лѣтъ, по видимому, знатнаго происхожденія. Неизвѣстно, какое было ея въ свѣтѣ значеніе, какое имя и фамилія; но здѣсь, въ монашествѣ, она наречена Досифеею. Никто ее не видалъ, кромѣ игуменьи, духовника, причетника, недавно умершаго въ глубокой старости, да московскаго купца Филиппа Никифоровича Шепелева, торговавшаго чаемъ и сахаромъ на Варваркѣ, отъ котораго мы, за нѣсколько тому лѣтъ, заимствовали нѣкоторыя свѣдѣнія объ этой таинственной монахинѣ. По ихъ словамъ, она была уже пожилая, средняго роста, худощава тѣломъ и стройна станомъ, не смотря на свои лѣта и долговременное заключеніе, еще сохраняла въ лицѣ нѣкоторыя черты прежней красоты, ея пріемы и обращеніе обнаруживали благородство ея происхожденія и образованность. Старый причетникъ видѣлъ какихъ-то, по его замѣчанію, знатныхъ особъ, допущенныхъ

---

*) Русскія Достопамятности выпускъ пятый. Ивановскій монастырь въ Москвѣ. Москва 1862.

игуменьею на короткое время къ затворницѣ, которая говорила съ ними на иностранномъ языкѣ. Досиоея жила въ одноэтажныхъ каменныхъ келліяхъ, примыкавшихъ къ восточной части ограды монастыря, близь покоевъ игуменьи, и недавно еще сломанныхъ. Все ея помѣщеніе составляли двѣ уютныя низменныя комнатки подъ сводами и прихожая для келейницы; ихъ нагрѣвала изящатая печь съ лежанкою. Окна обращены были на монастырь. *) На содержаніе ея отпускалась особенная сумма изъ казначейства; столъ она имѣла хорошій. Иногда на имя ея пересылались къ игуменьѣ отъ неизвѣстныхъ лицъ значительныя суммы денегъ, которыя она употребляла болѣе на украшеніе церкви, на пособіе бѣднымъ и на подаяніе нищимъ. Къ окошкамъ ея, задернутымъ занавѣсками, иногда любопытство и молва привлекали народъ; но штатный служитель, заступавшій мѣсто караульнаго, отгонялъ любопытныхъ. Въ церковь Досиоея выходила весьма рѣдко и то въ сопровожденіи приставленной къ ней старицы. Корридоръ и крытая деревянная лѣстница отъ ея келлій вели прямо въ надворотную церковь, гдѣ духовникъ ея съ причетникомъ совершалъ богослуженіе для нея одной. Тогда церковныя двери запирались извнутри, чтобы никто не могъ войдти. Все время своей затворнической жизни она посвящала молитвѣ, чтенію духовныхъ книгъ и рукодѣлію; вырученныя ею за труды деньги раздавала чрезъ свою келейницу нищей братіи. Послѣдніе годы Досиоея провела въ безмолвіи и въ подвигахъ благочестія.

Послѣ 25-лѣтняго пребыванія въ Ивановскомъ монастырѣ, она скончалась 64 лѣтъ, 4 февраля 1810 года, а по над-

---

*) Мнѣ ихъ показывалъ старый причетникъ, служившій въ монастырѣ полвѣка. Во время пребыванія Досиоеи въ монастырѣ, я бывалъ тамъ съ отцемъ моимъ и матерью и видѣлъ ея погребеніе.

Иванъ Снегиревъ.

писи на портретѣ ея, какъ увидимъ далѣе, 1808 года. Какъ она прислана была въ этотъ монастырь по секретному указу 1785 года, то имени ея мы не нашли въ клировыхъ вѣдомостяхъ. Хотя въ продолженіе десяти лѣтъ царствованія Александра I и содержали ее нѣсколько свободнѣе, но все еще держались прежняго указа и она оставалась въ забвеніи.

Хотя жизнь Досиѳеи въ монастырѣ была сокровенною для свѣта, но ея погребеніе было торжественное и великолѣпное. Отпѣвалъ ее, за болѣзнію Митрополита Платона, Викарій его Преосвященный Августинъ съ почетнымъ духовенствомъ. На отпѣваніе съѣхались: главнокомандующій столицы графъ Иванъ Васильевичъ Гудовичъ, женатый на графинѣ Прасковьѣ Кириловнѣ Разумовской, и другіе вельможи Екатерининскаго времени. Стеченіе народа въ монастырѣ было необыкновенное. Тѣло Досиѳеи погребено не въ томъ монастырѣ, гдѣ обыкновенно хоронили инокинь Ивановской обители, но въ Новоспасскомъ монастырѣ, усыпальницѣ Романовыхъ, у восточной ограды, на лѣвой сторонѣ отъ колокольни. Надъ ея могилою, на дикомъ камнѣ надгробія подъ № 122, читаемъ слѣдующую надпись: „подъ симъ камнемъ положено тѣло усопшія о Господѣ монахини Досиѳеи, обители Ивановскаго монастыря, подвизавшейся о Христѣ Іисусѣ въ монашествѣ 25 лѣтъ и скончавшейся февраля 4-го 1810 года. Всего ея житія было 64 года. Боже, всели ея въ вѣчныхъ Твоихъ обителяхъ“.

Въ настоятельскихъ келліяхъ Новоспасскаго монастыря, по сказанію г. Мельникова, хранится портретъ Таракановой, который почитали за изображеніе погребенной тамъ монахини Досиѳеи, въ мірѣ принцессы Доротеи. Портретъ писанъ на полотнѣ, выш. $10^1/_2$, шир. $7^1/_2$ вер. На задней его сторонѣ читаемъ: Принцесса Августа Тараканова, въ иноцѣхъ постриженная въ Московскомъ Ивановскомъ монастырѣ,

гдѣ по многихъ лѣтѣхъ праведной жизни своей, скончалась 1808 года и погребена въ Новоспасскомъ монастырѣ.

Иванъ Снегиревъ.

II.

Изъ писемъ Архимандрита Александра Арзамасскаго, бывшаго въ Москвѣ, въ Новоспасскомъ монастырѣ намѣстникомъ, къ братіямъ Тимоѳею и Іонѣ Путиловымъ.

1.

Братіямъ моимъ о Христѣ Іисусѣ Тимоѳею и Іонѣ, по пріѣздѣ въ Саровскую пустынь, совѣтую: 1) живши тамо, ходить къ братіи и дѣло имѣть съ тѣми только, съ которыми прикажетъ вамъ Строитель и духовникъ; 2) послушанія проходить безъ роптанія, а когда же въ чемъ отяготитеся, то просите со смиреніемъ перевести въ другое; когда жъ не переведутъ, послушайтеся. 3) Помните и живите никуда не выходите; потому что вы если какія многія, мнимыя вамъ, увидите неудобности или соблазны; то если оныя изъ себя не истребите, и съ ними перейдете, вдесятеро еще найдете и съ побродяжничествомъ вашимъ станутъ умножаться, пока совсѣмъ васъ опять возвратятъ въ міръ. А когда жъ станете слушаться наставленій ихъ, и сами себя будете обвинять и соблазны на братію за собственный свой недугъ и немощь признавать; то всегда и во всемъ будете оставаться мирными. 4) Также за послушаніе; хотя и тяжелое будетъ,

то тяжело оно кажется только за непослушаніе и упрямство. Потому увидите такое-жъ самое послушаніе проходящихъ съ покоемъ васъ немощнѣе. Впрочемъ если оставятъ васъ, по вашему желанію безъ послушанія, то столько васъ одолѣютъ помыслы, что и не сладите съ ними; почему не отзывайтеся отъ послушанія, но ищите послушанія.—5) Для вѣчной вашей душевной пользы паче и паче помните, яко на всякое искушеніе—смиреніе, самоукореніе, и терпѣніе—побѣда. Господь же Премилостивый да просвѣтитъ васъ и умудритъ, да поможетъ вамъ, и да сохранитъ васъ, и покрыетъ отъ всѣхъ шуіихъ и десныхъ сѣтей вражіихъ. 6) Проходя послушанія, берегите себя отъ тяжелыхъ подъемовъ и храните здравіе. Отвѣтъ бо дадите предъ Богомъ, если себя отъ безумной ревности какъ либо повредите и испортите, да и ближнихъ отяготите. Сдѣлавшися бо уродами, уже не братіи вы, но братія вамъ служить принуждена; въ каковомъ случаѣ горькую жизнь имѣть будете, отъ чего меня и васъ да помилуетъ Господь. Когда вспомните, то помяните и грѣшнаго Александра, любящаго васъ, ради васъ же самихъ. 1805 г.

2.

Любезный о Христе Іисусѣ брате

Тимоѳей И... и съ любезнымъ Іоною!

Благодать и милость Божія да будетъ съ вами!

Получилъ и послѣднее твое письмецо, и сердечно радуюсь, что милосердый Господь не попустилъ вамъ болѣе скитаться въ мірѣ, и осквернять свои души прелестію. Терпи Бога ради, и не забудь, что *нѣсть наша брань къ крови и плоти, но къ началомъ* (Ефес. 6, 12) и проч. Лучше бо, по св. Лѣствичнику, съ помыслами братися намъ, нежели со

мнѣніемъ. А не добро быти намъ безстрастнымъ; бѣси бо множицею отходятъ мнѣнія ради, вѣдяще, яко можемъ и кромѣ ихъ коварства отъ собственныя гордости погибнути, а посему ниже покаянія обрѣсти. Пишите за стуженіе помысловъ; то ежели можно удержать вѣтры, тогда и помыслы. А святіи отцы глаголютъ, что можно иноку и страстну быть, но не дѣйствовать по страсти. Слѣдовательно мы осудимся за дѣйствіе по страсти, а не за то только, что имѣемъ въ себѣ оныя, и чрезъ помыслы стужаемъ. И первый бо Адамъ, по чувству распознавательному, проразумѣвалъ, что добро яблоко въ снѣдь, но не за познаніе, а за вкушеніе онаго яблока осужденъ. Да и Богъ заповѣдалъ ему не еже не разумѣти о добротѣ плода, но еже, глаголетъ, да не снѣсте. Почему не смущай свою душу никакими помыслами; потому что ты не любишь ихъ, и не услаждаешься ими. Ежели имѣешь отца и извѣствуешься къ нему сердцемъ и вѣрою; то открывай ему всѣ свои брани и помыслы, а свой разумъ, яко поврежденный и грѣхами оскверненный и измаранный, отнюдь не принимай и не вѣрь себѣ ни въ чемъ до кончины своей. И когда станешь являть ему оныя, то узриши милость Божію и облегченіе и исцѣленіе, а ежели-жь запустишь и утвердишься въ своемъ разумѣ, то напослѣдокъ неисцѣльно вознедугуешь, и никому уже и ни въ чемъ и никогда не повѣришь; а всю жизнь діаволъ водить будетъ, куда захочетъ, и показывать все по своему; потому что умъ помрачится, и всякое слово братнее подозрѣвать будешь, и ни въ чемъ и никогда не увѣришься. Паче всего прошу васъ, любезныхъ моихъ, самимъ Богомъ: будьте послушливы безъ разсужденія всякому брату, паче же отцамъ вашимъ, и смиряйтеся предъ всѣми; по святыхъ бо отецъ ученію единѣмъ смиреніемъ можно спастися, а безъ сего и всѣми добродѣтелями не избѣжишь вѣчнаго осужденія. Что намъ до зрительной жизни?— Лишь бы Богъ сохранилъ насъ отъ дѣятельныхъ грѣховъ;

потому что помыслы, какъ пишете, какъ бы ни развлекали умъ, но самовластнаго произволенія нашего никто отъ насъ отнять не можетъ. Да и можно ли получить вѣнецъ безъ брани? Богъ дастъ тебѣ разумъ; только Бога ради терпите.

3.

Любезный о Христѣ Іисусѣ Брате Т. И.

Спасайся о Господѣ! Получилъ ваше писаньеце, и сердечно радъ, что милосердый Господь Богъ сподобилъ васъ достигнути тихаго пристаница, и соединитися лику монашествующихъ. Поминай, брате, милость съ вами Божію, и какъ можно старайся о своей душѣ. Будь послушливъ безъ разсужденія; подзорниковъ же на братію, и блазнителей и любопытниковъ бѣгай Господа ради, и затыкай уши свои; себѣ единому внимай, почто изшелъ еси изъ міра. Также пишешь увѣдомить тебя, что разсуждаютъ родственники твои; то ихъ разсужденіе общее мірянамъ. И ты о семъ забудь мыслить и себя смущать; бойся токмо себя самого, а не ихъ; ибо никто тебя отвлечь отъ Бога не можетъ; а сами мы всего виновники бываемъ. Притомъ по сердцу твоему извѣститъ Господь и родителей твоихъ, что препятствовать не будутъ; силенъ бо Господь Богъ. Ежели-жъ бы отецъ вашъ и препятствовать вздумалъ вамъ, по наущенію діавола, то кажется довольно говорено съ Тобою, что таковый отецъ, несть уже отецъ, но ратникъ противъ душевнаго спасенія вашего. Такъ тогда видно будетъ, какъ съ нимъ поступить.

4.

Пречестный во Іеромонасѣхъ
Отецъ Моисей,
Любезный братъ мой!

Писаніе ваше я получилъ и возблагодарилъ всещедрую Десницу промысла Божія, пекущагося о каждомъ изъ насъ, укрѣпляющаго немощныхъ и устрояющаго все намъ во благое.—Благодарю васъ, что вы не забываете меня и не отметаете моихъ совѣтовъ: богатый милостію Богъ обогатитъ васъ за сіе дарами Своея благодати; токмо надлежитъ намъ подвигомъ добрымъ подвизатися. Поставленные на ратномъ полѣ вѣка сего воины ни о чемъ болѣе не думаютъ, какъ о томъ, чтобы одержать побѣду надъ врагами: такъ отвергшіеся міра должны о томъ токмо и помышлять, чтобы, при помощи Божіей, содѣлаться совершенными побѣдителями. Но какъ въ сраженіи съ внѣшними врагами есть двѣ крайности: сильная стремительность,—и недѣятельность; такъ точно и въ духовной брани. Стремительность часто преступаетъ предѣлы благоразумія и отстраняется отъ истины иногда слишкомъ далеко, а потому не только иногда не получаетъ успѣха, но еще въ горшую впадаетъ опасность. Такъ напримѣръ, полководецъ пылкаго духа не рѣдко, не испытавъ собственныхъ силъ и твердости, и ввѣрясь одной своей запальчивости, сильно устремляется на враговъ своихъ, но не выдержавши борьбы, когда пройдетъ его жаръ, или совершенно погибаетъ, или остается въ посмѣяніи у враговъ. Въ духовной брани случается тоже: ибо сильная стремительность къ побѣдѣ нерѣдко возраждаетъ въ человѣкѣ духъ самонадѣянности. Отъ сего и утвердившіеся въ подвигахъ вѣры великіе мужи иногда ослабѣвали, особенно когда благодать Божія на нѣкоторое время оставляла ихъ

дабы испытать ихъ и показать имъ собственную ихъ немощь. Ап. Петръ, сильно желавшій и въ темницу и на смерть итти со Христомъ, въ опасности троекратно отвергся Его, и убоялся даже рабы Архіереевой. Изъ сего мы должны научиться, что во брани съ внутренними врагами не должно слишкомъ спѣшить, т. е. забѣгать впередъ; впрочемъ и не оставаться въ бездѣйственности. Ибо само собою разумѣется, что недѣятельные тоже, что безоружные, которыхъ, пришедши, врагъ поемлетъ въ плѣнъ безъ сопротивленія. Слѣдовательно въ духовныхъ подвигахъ должно держаться святой, непадательной средины. Стезя средняя есть самая наилучшая и вѣрнѣйшая стезя спасенія, на которую и мы съ вами почти что попали. Бодрствуйте же, стойте, укрѣпляйтеся, говоритъ Апостолъ. И подлинно мы должны токмо непрестанно бодрствовать и быть какъ бы на караулѣ умственномъ готовыми, взирая окомъ разума на вездѣсущіе Божіе, и помышляя, что Онъ не только внѣшно, но и внутренно живетъ въ нашемъ сердцѣ, въ нашей душѣ, какъ въ своемъ храмѣ. Въ семъ-то духовномъ упражненіи состоитъ страхъ Божій. Ибо кто точно знаетъ, что Богъ вездѣсущъ, что Онъ видитъ всѣ его помышленія, и что Онъ испытуетъ его сердце и утробу: тотъ побоится не только дѣлать зло, но и помышлять о злѣ. Такимъ образомъ душа рабовъ Божіихъ будетъ пребывать во всегдашнемъ пріятномъ спокойствіи, гдѣ-бъ она ни была съ тѣлесною своею храминою. Да благословитъ насъ Богъ таковымъ познаніемъ, дабы мы могли любить ученіе Его и слѣдовать закону Его во всю жизнь нашу, гдѣ-бы мы ни были. Простите меня, любезный брате, и не оставьте въ святыхъ молитвахъ.

Остаюсь любящій васъ Александръ грѣшный Архимандритъ недостойный.

18 Генваря, 1825 года.
Г. Арзамасъ.

Всечестный О. Игуменъ Моисей!

Любезный братъ о Христѣ!

Пріятное писаніе ваше я получилъ 13-го числа текущаго мѣсяца. Сердечно благодарю васъ за память и любовь ко мнѣ ветхому старцу; и я взаимно доселѣ радуюсь духомъ, что промыслу Божію угодно было исторгнуть васъ изъ рукъ Египтянъ и употребить къ духовной жизни, которую благодатію Его продолжаете вы теперь.

О братѣ вашемъ О. Антоніи не скорбите много; онъ призванъ на дѣло Самимъ Богомъ для исполненія должности, возложенной на него провидѣніемъ, Напутствуйте его молитвами. Время настоящей жизни пройдетъ скоро, и мы въ свое время соберемся въ одно сборное мѣсто для принятія по состоянію искомаго нами.

Отшедшаго отъ насъ брата Іеросхимонаха (Архимандрита) Мельхиседека да упокоитъ Господь въ обителяхъ Отца Небеснаго. Онъ много перенесъ крестовъ: но кресты, какого бы рода они ни были, угоднѣе Богу нежели благоденствіе. Это явно изъ примѣра многихъ Святыхъ. Завѣщаніе его я читалъ со сладостію. О здравіи моемъ можете судить по преклонности лѣтъ моихъ. Силы мои оскудѣваютъ; впрочемъ пользуюсь совершеннымъ зрѣніемъ и слухомъ.—Теперь, имѣя отъ роду слишкомъ 80 лѣтъ, твержу урокъ Искупителя нашего: „будьте готовы, ибо, въ который часъ не думаете, придетъ Сынъ человѣческій.—

Прости, любезное чадо, и помолись обо мнѣ зѣло любящемъ душу твою. Остаюсь по гробъ мой усердный вамъ, дряхлый старецъ Александръ, Архимандритъ недостойный.

Маія 26-го 1841 г.

Г. Арзамасъ.

III.

СВИДѢТЕЛЬСТВО.

Объявитель сего Московской третьей гильдіи купеческой сынъ Тимоѳей Ивановъ Путиловъ съ получаемымъ срочнымъ паспортомъ находился для богомолья Тамбовской епархіи въ Саровской Пустыни болѣе трехъ лѣтъ. Въ продолженіи жъ того времени съ прилежнымъ вниманіемъ старался всячески духовные обряды точно наблюдать. А чрезъ добропорядочное свое поведеніе заслуживалъ въ общемъ нашемъ братствѣ довѣренность, въ отправленіи монастырскихъ послушаній, кои исполнялъ съ усерднымъ прилежаніемъ. А нынѣ оный, чувствуя себя одержимымъ болѣзненными припадками, почему и имѣетъ желаніе пребыть навсегда въ духовной жизни, съ тѣмъ еще, чтобы воспринять и самое монашество. Но какъ къ достиженію таковаго предмета настоитъ, въ силу узаконеній получить свободное увольненіе, въ такомъ случаѣ, ежели Общество соблаговолитъ богоугодное сего намѣреніе уважить, тогда, по желанію его, принять согласны мы, а потому во всемъ вышеписанномъ сіе свидѣтельство и дано за подписаніемъ моимъ и приложеніемъ монастырской печати. Февраля 2-го дня 1807 года.

Саровская Пустыня. Строитель Іеромонахъ Исаія.

Что сіе свидѣтельство дано и подписано рукою Саровской Пустыни Строителя іеромонаха Исаія въ томъ удостовѣряю находящійся въ оной на пребываніи Игуменъ Маркеллинъ.

Въ томъ же удостовѣряю Игуменъ Назарій Головинъ.

У сего свидѣтельства Саровской Пустыни монастырская печать.

СВИДѢТЕЛЬСТВО.

Явитель сего Московской третей гильдіи купецкой сынъ Тимоѳей Ивановъ Путиловъ, по данному ему вѣчному отъ Московскаго Купеческаго Общества увольненію въ монашество, находился въ Брянскомъ Успенскомъ Свѣнскомъ монастырѣ добропорядочно и въ монастырскихъ послушаніяхъ велъ себя ревностно и честно. Въ увѣреніе чего и дано сіе за подписаніемъ и приложеніемъ монастырской печати. Ноября 27-го дня 1810 года.

Свѣнскій Игуменъ Амвросій.

№ 51-й.

У сего свидѣтельства печать Брянскаго Успенскаго Свѣнскаго монастыря.

СВИДѢТЕЛЬСТВО.

Дано сіе, Орловской епархіи изъ Брянской Бѣлобережской Предтечевой Пустыни, Московскому купцу Тимоѳею Иванову Путилову въ томъ, что онъ Путиловъ, съ даннымъ ему отъ Московскаго Купеческаго Общества въ монашество увольненіемъ, находился по нижеписанное число въ сей Пустыни честно и трезво и добропорядочно; возлагаемыя ему всякія монастырскія послушанія проходилъ съ усердіемъ и нелѣностно. А какъ нынѣ, по имѣющейся въ немъ благословной надобности своей, возжелалъ посвятить себя путешествіемъ въ губернскій городъ Смоленскъ, для поклоненія, изъ усердія своего, чудотворной иконѣ Смоленскія Божія Матере. На что испросилъ себѣ благословеніе отъ Обители сей отправиться на нѣкоторое время, съ тѣмъ расположеніемъ, чтобы по исполненіи своего удовольствія паки возвратиться въ оную. Для того съ подлиннаго увольненія его, оставшагося въ Обители

сей копія, сіе свидѣтельство во увѣреніе какъ о добромъ его поведеніи и о нашемъ къ нему благорасположеніи. Такъ и во всѣхъ ему, ежели гдѣ случатся препятствующіе случаи и выдается. За подписаніемъ оной Пустыни Настоятеля и съ приложеніемъ казенной монастырской печати. Ноября 30-го дня 1819 года.

Вышеозначенной Пустыни Строитель Іеромонахъ Моисей.

№ 66-й.

IV.

Игуменъ Моисей*) родился Ярославской губерніи въ городѣ Борисоглѣбскѣ 1782 года Генваря 15 дня, въ день преподобныхъ Павла Ѳивейскаго и Іоанна Кущника. Нареченъ былъ Тимоѳеемъ во имя св. апостола Тимоѳея 22 Генваря. По постриженіи въ 1822 году въ монашество получилъ новое имя Препод. Моисея Мурина, празднуемаго 28 Августа. А во іеромонаха посвященъ 1822 года 25 Декабря въ Праздникъ Рождества Христова въ Калужскомъ Каѳедральномъ тепломъ соборѣ Преосвященнымъ Филаретомъ Епископомъ Калужскимъ, что нынѣ въ Кіевѣ Митрополитъ.

Игуменъ Моисей промысломъ Божіимъ приведенъ начально съ братомъ моимъ въ Саровскую Пустынь 1805 года Мая 13 дня, на 24 году жизни, съ трехъ годовымъ паспортомъ; а оттуда 1807 года Февраля 2 дня, получа свидѣтельство за подписаніемъ Строителя іеромонаха Исаіи съ подтвержденіемъ о томъ Игуменовъ: Маркеллина и Назарія, бывшаго Ва-

*) Обѣ эти собственноручныя записки О. Архим. Моисея найдены были, по кончинѣ его, въ его бумагахъ. Писаны онѣ очевидно ранѣе 1853 года, когда О. Моисей былъ возведенъ въ санъ архимандрита.

лаамскаго, за ихъ подписомъ, отправился за увольненіемъ и въ 1808 году 23 Февраля получилъ изъ Московскаго Купеческаго Общества увольненіе въ монашеское званіе, по которому 1809 года Іюля 14 дня опредѣленъ Указомъ Орловской епархіи въ Брянскій Свѣнскій монастырь. Гдѣ находясь, по благословенію Преосвященнѣйшаго Досиѳея Епископа Орловскаго, представляемъ былъ въ Св. Синодъ къ постриженію въ мантію; но по недостатку въ увольнительномъ Свидѣтельствѣ слова о обязательствѣ всемъ Обществомъ платежа казенныхъ повинностей въ ономъ отказано Указомъ 1810 года Марта 8 дня. Почему, получа обратно свое увольнительное свидѣтельство отъ Игумена Амвросія 27 Ноября 1810 года, отправился паки въ Москву ходатайствовать у Общества Купеческаго дополненія означеннаго слова, и въ 1811 году получа 16 Марта новое свидѣтельство, по совѣту іеросхимонаха Алексія Симоновскаго, расположился испытать себя, по первоначальному желанію своему, въ пустынномъ уединеніи, отдѣльно отъ монастыря. И слыша о Старцѣ іеросхимонахѣ Аѳанасіи, живущемъ Смоленской губерніи Рославской Округи въ лѣсной дачѣ помѣщика Броневскаго Демьяна Михаиловича, прибылъ туда и былъ онымъ Старцемъ помѣщенъ въ сожительство съ нимъ.—А въ 1812 году, по нашествіи на Смоленскую губернію непріязненныхъ Французовъ я оставилъ Пустыню и отправился въ Свѣнскій монастырь, а оттуда въ Бѣлобережскую Пустынь, въ которой съ Августа мѣсяца прожилъ болѣе года и возвратился паки въ ту же Пустыню 1815 года къ Іеросхимонаху Аѳанасію.— А 1816 года Генваря 15 дня прибылъ ко мнѣ изъ Ростова братъ Александръ, съ которымъ, того же года въ послѣднихъ числахъ Августа отправился я до Кіева, чрезъ города: Мглинъ, Стародубъ и Черниговъ. Достигши туда 11 Сентября и пробыли до 16 Сентября, обходя всѣ Св. Обители въ Кіевѣ и принявъ благословеніе отъ Его Святѣйшества Митрополита

Серапіона, также и Намѣстника Лавры Архимандрита Антонія, отправились обратно, черезъ города: Козелецъ, Королевецъ и Сѣвскъ, посѣщая на пути Св. Обители: Софроніеву, Глинскую, Площанскую, Бѣлобережскую и Свѣнскій монастырь. Достигши наконецъ своей пустынной келліи въ Ноябрѣ мѣсяцѣ пробыли въ оной до Декабря 1817. Потомъ отправился я съ братомъ Александромъ въ Москву, для испрошенія у Общества Купеческаго увольненія въ монашеское званіе и—благодареніе Богу—получили оное и возвратились 1818 года въ Мартѣ мѣсяцѣ въ Пустыню.—

V.

Любезнѣйшій Братецъ мой
Александръ Ивановичъ
Спасайтеся о Господѣ!*)

Достигши своего пустыннаго гнѣзда, желалъ и спѣшилъ душею скорѣе сообщить вамъ мои строки съ усерднѣйшею благодарностію за любовь и щедроту вашу мнѣ оказанную, но отдаленность отъ городовъ не позволяла скоро доставить на почту письма, а теперь, имѣвши случай отправить, увѣдомляю васъ о себѣ, что я, благодареніе Богу, до кельи своей добрался благополучно. Можно сказать, что какъ по трудахъ покой сладокъ, такъ и по странствованіи и всей разсѣянности бывшей теперь въ пристанищѣ тихаго уединенія весьма кажется пріятно, въ разсужденіи покоя и удовольствія душевнаго. И сіе собственный опытъ открываетъ, что находясь въ кругу предметовъ, занимающихъ зрѣніе, вкусъ,

*) Собственноручныя письма О. Архимандрита Моисея къ О. Игумену Антонію, когда послѣдній былъ еще въ мірѣ.

слухъ и всѣ чувства не можетъ уже быть столь сладко мысленное занятіе въ памяти Бога и поученіи святаго закона Его.

Удаленіемъ же отъ міра свободившись всѣхъ чувственныхъ встрѣчь, увлекающихъ умъ и мысли, все духовное занятіе становится живѣе, сладостнѣе, потому что умъ, свободясь случаевъ къ разсѣянію, начинаетъ собираться къ себѣ, а чрезъ то и душа начинаетъ чувствовать присутствіе Божіе; благоговѣйный къ Нему страхъ и любовь ощутительнѣе, и чувства внѣшняго человѣка внутреннему, то есть уму, становятся покорнѣе. Для того то намъ, желающимъ спасенія Божія, но имѣющимъ немощное и испорченное грѣхомъ естество, весьма хорошъ, легокъ и дѣйствителенъ способъ къ покаянію—удаленіе отъ свѣта. Понеже умъ, черезъ уединеніе и вниманіе собираясь къ себѣ, видитъ исходящія отъ сердца и къ нему приходящія противныя мысли, а видѣвши, разумѣетъ свою нечистоту, и, не терпя оной, понуждается къ очищенію. Очищать же и противоборствовать имъ будучи самъ собою не въ силахъ, узнаетъ на искусѣ немощь свою и окаянство и совершенную нужду во Христѣ Спасителѣ. Для того, взыскивая помощи Христовой, обращается ко всемогущей силѣ Его яко немощный въ собственномъ разумѣ своемъ и силѣ. Призываетъ всеблагое и всесильное имя Іисусово, съ искреннимъ самаго себя умаленіемъ, охужденіемъ и печалію сердечною да очиститъ, укрѣпитъ и подастъ руку спасенія. И такимъ образомъ по узнаніи прежде окаянства своего и немощи, узнаетъ потомъ и спасеніе Божіе, заступающее во время брани внутренней. Ибо близъ Господь всѣмъ призывающимъ Его во истинѣ (Пс. 144, 18.) и сокрушенные духомъ спасетъ. Узнавши же сіе спасеніе въ чувствѣ сердца, радуется какъ о полученномъ облегченіи отъ находящихъ нечистыхъ помысловъ, такъ наипаче о благости Божіей и промыслѣ Его, соприсутствующемъ ему и спасающемъ. А чрезъ то входитъ въ живую вѣру извѣстнымъ (достовѣрнымъ)

ощущеніемъ въ себѣ силы не своей, но Христовой, почему со сладостію сердечною наипаче привергаетъ себя къ Спасителю и предаетъ всего себя Ему, съ несомнѣннымъ на Него упованіемъ и любовію. Сіе преданіе себя и сердечное упованіе сообщаетъ душѣ превосходный миръ и радость, составляющіе внутреннее царствіе Божіе, котораго Христосъ Спаситель прежде всего искать намъ повелѣваетъ. И оно-то по истинѣ есть полное и удовлетворительнѣйшее для человѣка блаженство, такъ что все прочее чувственное благо, желаемое свѣту, представляется уже слишкомъ дебелымъ, ничего не значущимъ и нестоющимъ никакого исканія. — Все сіе при начатіи письма пришло мнѣ на умъ написать, не потому чтобы я въ точно такомъ былъ теперь устроеніи духа, но отчасти познавая ходъ внутренней жизни въ безмолвіи, которое привлекаетъ душу ради истиннаго покаянія удобнѣйшаго мнѣ грѣхолюбивому во всякое время совѣсти своей храненіе отъ грѣховъ, дабы не застала лютая смерть меня неготоваго грѣшника. Написалъ же сіе отъ искренняго расположенія и любви къ вамъ. Зная ваше намѣреніе, согласное съ нашимъ—представить себя Христу жертву живу, святу, благоугодну Богу въ словесное служеніе; да поживемъ отвергшеся нечестія и мірскихъ похотей въ зависимости благодати, цѣломудренно и праведно и благочестно. Ждуще христіанскія кончины и блаженнаго упованія и явленія славы великаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, иже далъ есть себѣ за ны, да избавитъ ны отъ всякаго беззаконія, и очиститъ себѣ люди избранны, ревнители добрымъ дѣломъ (Къ Титу 2, 2—14).

Любезный братецъ! Не отлагай желанія благонамѣреннаго и не угашай духа, аще уже возгорѣся. Будь твердъ и единодушенъ. Въ семъ бо намѣреніи бываетъ сильное колебаніе отъ естества, склоннаго къ удовольствію чувственному и отъ врага спасенія нашего. Не бойся близкимъ быть къ Богу, а

далекимъ отъ развращеннаго міра. *Міръ преходитъ и похоть его, творяй же волю Божію пребываетъ во вѣки* (1 Іоан. 2, 17.). Я не убѣждаю васъ съ моей стороны, но, по откровенности вашей, разсуждаю о семъ, что ежели вы чувствовали въ себѣ зовущаго васъ Духа Святаго въ Его зависимость и свободу отъ страстной и многомятежной жизни мірской, ради вѣчнаго и отнюдь непремѣннаго соединенія съ Нимъ, и таковое чуствуя въ сердцѣ своемъ Божіе сладостное влеченіе, удостовѣряющее васъ превосходнымъ обрѣтеніемъ даровъ Его и любви, вы дѣлали сокровенное разумомъ и волею соглашеніе. Для того, братецъ, надобно быть вамъ вѣрнымъ безъ измѣненія Духу благодати, чтобы не уклониться вліяніемъ чувствъ отъ сердечнаго онаго предложенія къ удовольствію плотскому и тѣмъ не сдѣлать бы оскорбленія зовущему васъ Духу Божію. Чтобы оставленіемъ воли Его не быть оставленнымъ отъ Него—послѣдовать вашей плотской волѣ, могущей подвергнуть васъ всякаго рода страстямъ, отъ которыхъ васъ и меня да избавитъ Господь. Надобно весьма страшиться сего. Когда же рѣшительно, безъ двоедушія вступите въ путь послушанія Христова и ради Его въ слѣдъ Его пойдете, то всякій шагъ вашъ будетъ изочтенъ предъ Нимъ и вознагражденъ стократною цѣною. Ибо всякъ, рече, иже оставитъ міръ и яже въ немъ ради Его сторичное пріиметъ воздаяніе здѣсь и въ будущемъ. Таковое обѣтованіе Христово (Ев. Матѳ. 19, 29.) буде вождѣленно вамъ, то спѣшите къ нему и не отлагайте дерзновенія вашего, еже имать мздовоздаяніе велико. Теките да постигнете.

Любезнѣйшій братецъ мой
Александръ Ивановичъ
спасайтеся!

Письмо ваше отъ незабвеннаго братолюбія получилъ я съ пріятнымъ удовольствіемъ. Сердечно порадовался о томъ, что вы живы и здоровы. Книжечками я радъ бы вамъ служить, но жаль, что далеко стали другъ отъ друга и оказій совсѣмъ нѣтъ. Однако во удовольствіе прошенія вашего, пріятнаго для меня, препровождаю при семъ хотя немногіе, но многое, и можно сказать все нужное къ наставленію душеспасительному содержащіе списочки. Пользуйте ими вашу душу, питая ее словами жизни и молитвою и всѣми благими дѣлами всякій день: такъ какъ тѣло различными питаемъ и напояваемъ пищами и питіями, которыми истощеваемыя силы паки возобновляются и сохраняется жизнь наша.

Ежели духъ благочестія становится въ васъ слабѣе—сіе не удивительно, потому что вы въ такомъ находитесь кругу, гдѣ все противное оному духу и видите и слышите и во всемъ участвуете сердцемъ и волею и неволею; о чемъ я и не безъ сожалѣнія бываю по васъ. Однако не надобно, братецъ, вовсе нерадѣть о душѣ, но все таки духъ оный разогрѣвать: то чтеніецемъ духовнымъ, то молитвою хотя краткою, то памятію вѣчности и прочимъ дѣланіемъ заповѣдей Христовыхъ питать и возращать себя въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова. Вспомните онаго постыдную и зловредную должность исправляющаго мытаря Евангельскаго, который хотя въ совсѣмъ противномъ Богоугожденію образѣ жизни былъ, однако не оставлялъ ходить въ церковь, и въ одно время случилось такъ, что онъ много Богу угодилъ немногими только словами покаянія и вышелъ изъ церкви оп-

равданъ паче фарисея, ревностнаго наблюдателя всего закона. Любезный, не угашай вовсе духа и не ослабляй себя нерадѣніемъ и излишнею дебелостію тѣла и разсѣяніемъ ума въ пристрастныя воображенія, да не постраждеши послѣди жребія Евангельскаго лѣниваго раба, скрывшаго талантъ благодати, пріятой въ крещеніи, которая отнюдь не должна быть тща и безплодна въ душѣ каждаго Христіанина.—Для возбужденія нашего нерадѣнія и сіе приводить себѣ на память нужно всегда, что мы смертны: жизнь наша скоропреходяща и неизвѣстностію смертнаго часа очень опасна, ибо хотя извѣстно знаемъ, что умремъ, что не знаемъ когда умремъ: сегодня или завтра, рано или поздно, въ день ли или въ ночь? Сія судьба каждаго человѣка совсѣмъ неизвѣстна, когда кого постигнетъ смертная коса, и въ какомъ устроеніи обрящетъ, готоваго ли благими дѣлами или неготоваго и злыми преисполненнаго? Въ чемъ бо застанетъ кого, въ томъ и на судъ предъ Богомъ представитъ и отъ дѣлъ своихъ всякъ или прославится или постыдится. И никто намъ въ часѣ ономъ смертномъ не поможетъ, точію съ Богомъ добрыя дѣла. Здѣсь нужно разсуждать и о дѣлахъ добрыхъ и злыхъ и о послѣдствіи обоихъ. Извѣстно намъ отъ Писанія Святаго, что созданы мы не для того, чтобы только ѣсть вкусно, да пить пріятно и гулять и веселиться безъ памяти. Мы созданы есмы на дѣла благая, посредствомъ коихъ въ краткой сей жизни стяжаваемъ вѣчную, блаженную жизнь, къ которой всѣ благодатію Божіею призваны.

И такъ здѣшній вѣкъ нашъ есть время непрестанныхъ дѣлъ тѣлесныхъ и душевныхъ, а будущій вѣкъ—пріятіе по дѣломъ. Но надобно твердо знать какія дѣла принести имѣютъ благополучную вѣчность, и какія—несчастливую, дабы однихъ уклоняться, а другихъ придерживаться всегда. Человѣкъ сугубъ—изъ тѣла и души; сугубыя его и дѣла: одинъ называется человѣкомъ, но внѣшнимъ, другой именуется че-

ловѣкомъ внутреннимъ. Сіи въ одной ипостаси человѣка соединенные такъ между собою различны, какъ различны между собою небо съ землею и такъ одинъ другому противоборственны, что не бывшу просвѣщенну благодатію Христовою не можно разобрать себя самаго и управить безбѣдственно. Внѣшній бо человѣкъ есть тѣло тлѣнное, на послуженіе душѣ Богомъ устроенный, своего требуетъ удовлетворенія; внутренній человѣкъ есть душа безсмертная, по образу Божію и по подобію созданная на дѣла благая и требуетъ своего свойственнаго дѣланія и довлетворенія. Дѣла наши называются сѣяніемъ, также сугубымъ: одни во внутренняго человѣка, а другія во внѣшняго и различные каждаго плоды видятся. *Сѣяй бо въ плоть отъ плоти пожнетъ истлѣніе; сѣяй же въ духъ, отъ духа пожнетъ животъ вѣчный* (Гал. 6, 8). Внѣшняго человѣка сѣяніе и собираніе въ здѣшнемъ вѣкѣ въ трехъ обдержится видахъ: въ похоти плоти, въ похоти очесъ и въ гордости житейской (1 Іоан. 2, 16). Ежели внутренній человѣкъ не поучается въ законѣ Божіемъ и не питается, не укрѣпляется чтеніемъ и молитвою, то побѣждается отъ внѣшняго, и имже побѣжденъ будетъ тому и работаетъ. Отъ сего видятся дѣла, угодныя тѣлу, но противныя Богу, каковы суть: гордость, сребролюбіе, чревообъяденіе, совершеніе всякаго рода похотей, празднословія, смѣхи, гулянія, пьянство, злоба, лукавство, ложь, зависть, лѣность и прочія, вотъ плоды сѣянія въ плоть, и посему плоть и кровь царствія Божія наслѣдити не могутъ (1 Кор. 15, 50.). Когда же душа закону Божію поучается, а тѣло благоразумію души покорено, тогда дѣла видятся сіи: любовь къ Богу и ближнему, миръ со всѣми, кротость, простота, благосклонность, милосердіе ко всѣмъ, скромность, воздержаніе, цѣломудріе, незлобіе и прочее, и сіи дѣла суть плоды Духа Святаго и называются сѣяніемъ въ духъ.—

Въ здѣшнемъ вѣкѣ дѣла наши суть сѣяніе, а будущій

вѣкъ есть жатва посѣяннаго нами, и кто что посѣетъ здѣсь, то и тамъ пожнетъ. Ежели кто сердечную свою ниву потщится воздѣлать и удобрить и насѣять сѣменами безсмертнаго жита, то вѣрно можетъ надѣяться по сѣянію своему узрѣть и жатву къ покою своему вѣчному и удовольствію. Сѣющій слезами покаянія радостію пожнетъ, и „насыщуся тогда“ говоритъ Пророкъ (Пс.) ибо по трудахъ благочестія слѣдуетъ пріятный покой. Не трудящемуся же въ дѣлѣ благочестія покой и насыщеніе отречено, праздный, сказано, да не ястъ.—

Воображай себѣ, любезный братецъ, истину сію всегда, что еже сѣетъ человѣкъ въ здѣшнемъ вѣкѣ, то самое и пожнетъ въ будущемъ стократно, и на этой истинѣ повѣряй самаго себя каждодневно: что ты посѣялъ на счетъ будущаго вѣка?—пшеницу или терніе? Испытавши себя располагайся къ исправленію лучшаго на слѣдующій день и такимъ образомъ всю жизнь проводи. Ежели плохо проведенъ былъ день настоящій, такъ что ты ни молитвы порядочно Богу не принесъ, ни сокрушился сердцемъ ни однажды, ни смирился въ мысли, ни милости или милостыню никому не сдѣлалъ, ни простилъ виноватаго, ни стерпѣлъ оскорбленія; напротивъ же того, не воздержался отъ гнѣва, не воздержался въ словахъ, пищѣ, питьѣ, или въ нечистыхъ мысляхъ умъ свой погружалъ, все сіе разсмотрѣвъ по совѣсти осуди себя и положись на слѣдующій день быть внимательнѣе во благое и осторожнѣе въ злое.

И такъ разсматривай, любезный, сѣятву твою всегда и отъ терніа очищай и пекись яко истинный христіанинъ дѣлати не одно только гиблющее брашно, но пребывающее въ животѣ вѣчномъ. Какая бо польза если мы и всѣмъ себя на этомъ свѣтѣ удовольствуемъ и честію и славою и богатствомъ и всѣми сластями, душу же свою отщетимъ оныхъ плодовъ Духа Святаго, и пусты явимся предъ Богомъ какъ неплодное

дерево, которое обыкновенно посѣкается и во огнь вметается. Воздавай Кесарева Кесареви внѣшнимъ твоимъ человѣкомъ, внутреннимъ же всегда взирай къ Богу и закону Его поучайся и Богъ будетъ съ тобою. Я болѣе всего опасаюсь, чтобы ты худымъ товариществомъ не повредился; тотъ товарищъ навѣрно худой, который назираетъ жены и пиры. Вино бо и жены многихъ погуби глаголетъ Писаніе. Блюди себя отъ таковыхъ; ибо скоро и удобно входятъ въ насъ привычки слабыя и страстныя, отвычка же очень трудна. Рѣдкіе освободились совершенно отъ худыхъ привычекъ, по большей же части во страстяхъ оныхъ и жизнь свою кончили, на осужденіе себѣ вѣчное, отъ чего меня и тебя да помилуетъ премилосерднѣйшій Господь. Я уповаю, что духъ страха Божія въ васъ есть, которымъ можете предохранять себя отъ грѣха и направлять къ добродѣтели. Для сего могутъ служить и списочки сіи, кои къ вамъ посылаю: держитесь правилъ ихъ по возможности своей и вѣрно „обновится яко орля юность твоя“ (Пс. 102, 5.).—

О себѣ васъ увѣдомляю, что я живу въ прежнемъ уединеніи. Слава Богу! Здоровъ и благодатію Божіею покровительствуемъ.—

Остаюсь вамъ навсегда усердный и доброжелательный братъ грѣшный Тимоѳей.

Нижайше кланяюсь.

Ч. 17-го Іюля 1814.
Пустынь.

Любезнѣйшій мой Братецъ
Александръ Ивановичъ!
возмогай о Благодати Христовой.

Твое Братолюбное пріятнѣйшее для меня писаніе съ душевнымъ удовольствіемъ получилъ, и сердечно порадовался о вашемъ всѣхъ здравіи и пребываніи, и благодарилъ Бога о твоемъ добромъ и Богоугодномъ предложеніи освободиться отъ злострастнаго, грѣхотворнаго и весьма тяжкаго для Христолюбивой души бремени мірскаго. Поистиннѣ бо *весь міръ во злѣ лежитъ* и дѣйствія его не къ другому чему относятся какъ только къ удовлетворенію похоти плоти, похоти очесъ и Богопротивной гордости,—для того преданные ему какъ сами себя бѣдно обманываютъ, такъ и другихъ льстятъ политичными обѣтами, я сіе отношу къ вашимъ откупщикамъ, ласкающимъ васъ для своихъ выгодъ и порабощенія. На языкѣ у нихъ подлинно мёдъ, а въ сердцѣ ядъ проклятаго корыстолюбія, побужденіемъ котораго они отъ устъ своихъ пріятность каплютъ и втайнѣ услаждаютъ гортань незлобиваго сердца, но напослѣдокъ, изъ пріятнаго выходитъ все противное. оказывается же въ остаткѣ одна только горестная скорбь и чувствительная жалоба. Міръ много обѣщаетъ добраго, но въ самой вещи не только ничего не хочетъ дать, но еще и всего лишитъ. смотритъ. Кто съ прямой стороны мірское кругообращеніе будетъ разсматривать, тотъ непремѣнно увидитъ, что всѣ дѣянія его, по большой части, не только съ Евангеліемъ Христовымъ, но и съ человѣчествомъ не сходны. *Видѣхъ* (говоритъ Пророкъ) *беззаконіе и пререканіе во градѣ. Днемъ и нощію обыдетъ и по стѣнамъ его, и беззаконіе и трудъ посредѣ его и неправда: и не оскудѣ отъ стогнъ его лихва и лесть.* (Пс.) Сколь-же трудно лю-

бящему Бога и Его святой законъ находиться въ такомъ противообразномъ кругу? Ежели находиться въ мірѣ безъ согласія съ нимъ, то должно потерять всю его къ себѣ благосклонность и пріятность и быть презрѣннымъ и посмѣяннымъ. Соглашаясь же съ нимъ дружественною преданностію надлежитъ сдѣлаться противнымъ Богу: *другъ бо міру сему врагъ Божій бываетъ.* Такъ чѣмъ же можно рѣшить себя въ вещахъ столь несогласныхъ? Инымъ ничѣмъ, какъ изъ двухъ одно преобидѣть; или для согласія съ міромъ преобидѣть любовь Божію и Его Законъ, или для любви Божіей презрѣть міръ, а купно *Богу работати и мамонѣ,* Самъ Христосъ Богъ нашъ сказалъ, *невозможно.* Того ради любящіе Бога, какъ видимъ изъ исторій, различнымъ образомъ избирали себѣ по примѣру Христова житія тѣсный и страдательный путь жизни. Иные, какъ-то мученики, находясь въ кругу міра, претерпѣвали всякое утѣсненіе, мученіе и напослѣдокъ пролитіемъ крови своей оканчивали жизнь. Другіе, какъ-то иноки, удаляясь отъ мірскихъ зловредныхъ попеченій, самоизвольное дѣлали умерщвленіе всѣхъ плотскихъ желаній, провождая жизнь въ произвольной нищетѣ и тѣмъ весьма Богу угодили. Иные инымъ образомъ ради любви Христовой претерпѣли труды, и, пройдя великодушно свой тѣсный путь жизни, вѣчнаго покоя достигли. Почему и ты, любезный братецъ, разсуждая самого себя и міръ, избери вмѣстительный себѣ путь, а наипаче послѣдуй внутреннему побужденію и влеченію духа,— пойди съ вѣрою за зовущимъ тебя Христомъ, (аще слышишь гласъ Его въ совѣсти и ощущеніи сердечномъ) взявши съ собою *свѣтильникъ ногама Законъ Божій,* и не бойся, братецъ, лишенія мірской чести и сладострастнаго покоя. Когда желаешь быть почтенъ отъ Бога и упокоенъ вѣчно-блаженнымъ всесладостнымъ покоемъ, то возлюби смиреніе и злостраданіе, ради, смирившагося и претерпѣвшаго тебя ради поносную смерть, Христа. Подклони выю свою

подъ яремъ Его. *Благо бо взяти отъ юности яремъ Господень. Кто мнѣ служитъ* (сказалъ сынъ Божій) *тотъ мнѣ да послѣдуетъ, и идѣже есмь Азъ, ту и слуга мой будетъ.* Смотримъ же, гдѣ Онъ по воплощеніи своемъ? Сперва во уничиженіи отъ гордаго міра, въ поношеніи отъ него, оплеваніи, заушеніи и пригвожденіи ко кресту. Гдѣ же потомъ—теперь? Во славѣ Отчей, въ торжествѣ вѣчнаго Царствія. И такъ замѣть, любезный братецъ, что хотящему быть тамъ, гдѣ преславное и неизреченное Царствіе Христово, не прежде можно туда достигнуть, какъ по страданіи. Надлежитъ прежде пройдти по примѣру Его временное злостраданіе вольное и невольное. *Тако бо подобаше Христу пострадати и внити въ Славу Свою.* И намъ тоже предлежитъ. *Чадо, аще приступаеши работати Господеви Богу твоему, уготови душу твою во искушеніе,* и прочее. Однако, не должно какъ льститься видѣвши близкій покой міра сего и сладость его, ибо онъ кратокъ и наконецъ горести полонъ, такъ не должно и бояться тѣсноты и скорби ради заповѣдей Христовыхъ, понеже кратковременная скорбь, но вѣчные потомъ: покой, радость и слава. Для чего же и не пождать въ претерпѣваніи здѣшней нужды и труда за будущее вѣчное несказанное благополучіе, когда извѣстно, что хотя бы кто и *весь міръ здѣсь пріобрящетъ, душу же свою отщетитъ,* отъ онаго со Христомъ вѣчнаго блаженства, какая ему польза? Сегодня царствуетъ и прославляютъ его, а завтра слышитъ изреченіе: возьмите неключимаго раба, свяжите ему руцѣ и нозѣ и вверзите въ геенну огненную.

Любезный братецъ! когда видишь неудобство мірской жизни, такъ что для доброй твоей совѣсти она невмѣстительна, то не коспи весь интересъ оставить и возложи себя на волю Божію, рѣшайся въ иной благонамѣренный путь жизни пойдти, куда тебя промыслъ Божій управитъ. Я не получая отъ тебя отвѣта сомнѣвался въ полученіи тобою моего письма,

но теперь радъ, что ты его получилъ безъ задержки. Сердечно благодарю какъ за письмо, такъ и за бумажечку; не оставь увѣдомить меня, какъ ты рѣшишься когда и куда? Я письма твои получаю вѣрно чрезъ онаго Іеродіакона отца Смарагда. Онъ мнѣ изъ всѣхъ старцевъ искреннѣйшій. Пиши безъ сумнѣнія,—а самому мнѣ лично получать писемъ неудобно, городъ слишкомъ въ 40 верстахъ.

Хотя письмо мое и многословно, но не хочется упустить еще о себѣ что нибудь сказать на бывшій вашъ вопросъ о моемъ пребываніи. Я здоровьемъ благодареніе Богу доволенъ, жизнь же свою не могу вамъ лучше представить, какъ въ видѣ путешественника въ Іерусалимъ, ибо жизнь человѣческая не другое что, какъ путь. А путь—къ горнему оному Іерусалиму. *Не имамы бо здѣ града пребывающаго, но грядущаго взыскуемъ;* вообразите же путешествіе, съ чѣмъ оно соединено? Оно не имѣетъ единообразія, но все различно. На немъ встрѣчаются горы и дебри, голодъ и холодъ, ненастная погода и бури, скорби и болѣзни, волны морскія и разбойническія насилія, трудъ и страхъ, не говорю вмѣстѣ съ тѣмъ и о пріятностяхъ, которыя и между всѣми противностями также есть, особливо больше всѣхъ надежда достиженія желаемаго града утѣшаетъ. Вотъ, братецъ, каковъ путь! Онъ какъ въ тѣлесномъ, такъ и въ душевномъ образѣ жизни таковъ. Съ весны я занимался огородными растеніями, копалъ землю, сѣялъ кое что и сажалъ. Среди лѣта строилъ себѣ новую особливую келейку, а теперь вокругъ ее также растенія насаживаю, а наступающей зимою чаю имѣть отъ всего того покой или занятіе больше душевное, аще Господь даруетъ тщаніе и силы къ тому. Впрочемъ искренне признаюсь вамъ, что за теперешнюю мою жизнь не раскаяваюсь и мірской не жалѣю, но и не могу достойно возблагодарить Господа Бога за толикую Его ко мнѣ милость, что вывелъ меня изъ Египетской работы и вселилъ въ сію пус-

тыню, въ которой остаюсь вашъ усердный доброжелатель братъ вашъ грѣшный инокъ Т., нижайше всѣмъ вамъ кланяюсь.

1815 года Октября 6-го дня.

Любезнѣйшій мой Братецъ
Александръ Ивановичъ.

Возмогай о благодати призывающаго тя Христа въ свое служеніе и соцарствованіе.

Объясненіе твоихъ къ благонамѣренной цѣли предпріятыхъ мѣръ, настоящихъ чувствованій и твердаго къ любви Христовой предложенія и со всѣмъ тѣмъ многихъ въ мысли волнъ и унынія, трогало душу мою пріятною чувствительностію—ты какъ будто мое бывшее состояніе описалъ, въ какомъ я съ братомъ находились при послѣднемъ отхожденіи изъ Москвы въ иночество. Это почти единообразное для всякаго сопутствіе, затрудняющее насъ въ добромъ расположеніи, всегда въ рѣшительномъ часѣ находитъ страхъ, уныніе и всякаго рода воображенія, возмущающія душу и колеблющія благое предложеніе. И сіе хотя наипаче отъ діавольскаго наведенія происходитъ, но совокупно и отъ самаго естества нашего, которому предлежитъ дѣйствительное умерщвленіе отъ мірской славы, сласти, интереса и всѣхъ несообразныхъ съ духомъ Христовымъ обычаевъ, къ тому же еще и внѣшнія въ желаемомъ добрѣ препятствія какъ-то: развязка сдѣланной обязанности хозяину, долгъ родственный къ родительницѣ и братской любви, освобожденіе отъ всего общества, достиженіе новой по всему жизни. Все сіе совокупно стекаясь къ уму нашему, который еще не бывши достаточно уполномоченъ сердечною вѣрою и истиннымъ разсуд-

комъ не можетъ не обремѣнять и наносить крѣпкаго унынія немощной душѣ нашей, и поистиннѣ великаго стоитъ труда, какъ прежнихъ обычаевъ освободиться, такъ и къ необычному поступить, отречься всего естественнаго и къ паче естественному расположиться житію. Однако гдѣ хотѣніе есть благое, тамъ ничто не можетъ быть препятствіемъ, но еще можно сказать, что затрудняющія различныя препятствія—особливо въ началѣ великую приносятъ пользу. Ибо влекомый дѣйствіемъ благодати человѣкъ въ желаніе добродѣтели и не находя въ себѣ къ совершенію тоя силъ и способовъ, наставляется чрезъ то ко взысканію непосредственной помощи Христовой—начинаетъ обращаться къ Нему отъ всего сердца, взывать, плакать и воздыхать и учащать моленія свои къ Нему. И такимъ образомъ обрѣтаетъ, ощущаетъ помощь и входитъ въ живую вѣру, въ которой утверждается сердцемъ, успокоивается и обрѣтаетъ все... Потому что *близъ Господь всѣмъ призывающимъ Его во истинѣ*. Самъ бо благословитъ Господь о всѣхъ взыскающихъ Его. *Призови мя*, рече, *въ день скорби твоей, и изму тя, и прославиши Мя*. И *взыскающіи бо Господа не лишатся всякаго блага*. И такъ не вдавай себя, братецъ, въ уныніе, но упованіемъ на Бога бодрствуй и всѣмъ сердцемъ утренной къ Нему, возвѣщая всѣ свои печали и недоумѣнія. И когда впредь еще будетъ устрашать тебя мысль представленіемъ различныхъ трудностей, то самъ въ себѣ говори: Богу нѣтъ ничего невозможнаго. Я по сердечному участію моему и братолюбію сугубой исполнился радости, видя приближающійся твой душеспасительный исходъ изъ многотрудной Египетской работы, въ свободу чадъ Божіихъ. Благословенъ Господь Богъ, возлюбившій твое спасеніе и направляющій стопы твоя на путь миренъ, да достигнеши обѣтованныя земли безстрастія, кипящей медомъ и млекомъ благодати. Пора же, пора братецъ. Иди смѣлою ногою по Христѣ. Блаженъ путь

въ онь же идеши. *Ходяй бо по Христѣ не имать ходити во тьмѣ, но имать свѣтъ животный*, безъ сомнѣнія въ семъ пути не раскаешься, но всякое воздавать будешь Богу благодареніе за дивную Его къ тебѣ милость, приведеніемъ въ сожитіе избранныхъ. Великій Моисей отвергся дщери Фараоновой и лучше изволилъ страдать съ людьми Божіими, нежели имѣть временную грѣха сладость. Воображая и ты свое прежнее занятіе будешь много жалѣть и оплакивать потерю лучшаго времени, употребленнаго на служеніе бахусовой синагогѣ. Вѣдь за всѣ твои труды больше не будетъ тебѣ мзды, ни въ семъ вѣкѣ ни въ будущемъ, какъ только что въ рукахъ твоихъ теперь есть. Право жалко, что многіе предобрые люди весьма дешевятъ своими душами, за сущее въ нихъ помраченіе,—пропили, да просчитали на деньгахъ души свои; ей, плача достойно все занятіе ихъ. Посмотри пожалуй на чувствованіе откупщиковъ и бѣсовъ и увидишь, что они дѣйствительно одинаковы и одни другимъ способствуютъ. Бѣсы помогаютъ откупщикамъ, а откупщики бѣсамъ, и радость и печаль между ними единообразна бываетъ. Бѣси радуются о пьянствѣ и сѣтуютъ о воздержаніи, подобно и откупщики съ служащими радуются о попойкѣ, печалятся же о маломъ расходѣ. Да пускай ихъ, какъ себѣ хотятъ занимаются, переливаютъ сивуху и пластаются въ пивѣ, потому что они свое счастье находятъ въ томъ—лишь бы тебя отъ этой пропасти Богъ вынесъ. Конецъ близъ. Надобно готовиться къ страшному отвѣту. Вѣдь тамъ не подвальныхъ потребуютъ книгъ, но совѣсти раскроютъ, а тѣ развѣ на мытарствахъ въ насмѣяніе наше бѣси прочитаютъ, сколько было разлито ерофеичу, водокъ и наливокъ.

Я сердечно радуюсь, что ты теперь почитываешь книги духовныя и находишь въ нихъ душевное услажденіе. Питай, Бога ради, каждодневно душу свою глаголами животными,— и ежечасно изливай сердце свое ко Христу Спасителю, утвер-

ждая всю свою надежду въ немъ, и жива будетъ душа твоя и здравія исполнена. — Попочныя же и разливныя книги пусть читаютъ и счетами похлопываютъ ревнители бахуса— откупщики, послѣ виденъ будетъ каждаго барышъ, когда пріидетъ всеобщій Господь воздать каждому по дѣломъ его. Намѣреніе твое, чтобы, получа паспортъ, удержать его при себѣ, и потомъ вѣжливо отпроситься куда нибудь видомъ благословнымъ очень хорошо—также и мѣста того достичь, въ которое расположенъ безъ предувѣдомленія, не худо. Дай Боже тебѣ все совершить благополучно. Въ разсужденіи же того, о чемъ я говорилъ, вѣрно можно сдѣлать; только для сего надобно будетъ самому тебѣ побывать сюда. Собирайся братецъ (паки повторяю) въ достохвальный путь Христовъ не косня, и небойся ничего. Богъ будетъ съ тобою и всѣ твои надобности къ устроенію твоей жизни исправитъ,—вѣрь этому безъ сомнѣнія. Я остаюсь съ истиннымъ доброжелательствомъ и любовію навсегда нижайшій братъ твой, грѣшный Т. нижайше тебѣ кланяюсь.

5-го Декабря 1815 года

Любезный Брате Отецъ Антоній съ братьями:
Отцемъ Савватіемъ и Иваномъ
возмогайте о Господѣ!

Письмо твое къ душевному удовольствію моему получилъ. Благодарю за оное и сердечно желаю да дастъ вамъ всеблагій Богъ разумъ истинный и силу возмогать противу плоти, міра и всѣхъ козней діавольскихъ; въ чемъ и уповаю не оставитъ васъ Господь.

Книгу преподобнаго Нила я отсюда не послалъ, потому что въ ней замѣтилъ невѣрность по правописанію. Устава съ

скорописной не пиши до меня, а только настоящую книгу списывай. Между собою храните молчаніе, кромѣ нужнаго ничего посторонняго не говорите, да будетъ чистъ умъ вашъ въ молитвахъ. Укоряйте себя мысленно и уничижайте и худшими всѣхъ себя имѣйте и Богъ призритъ на смиреніе ваше и покроетъ отъ всѣхъ искушеній.

Чайекъ за немощь употребляйте въ субботу и въ воскресенье, а во вторникъ и въ четвергъ, если кто изволитъ — травку.—Остаюсь въ надеждѣ на ваши молитвы съ усерднымъ желаніемъ вамъ душевнаго мира, здравія и спасенія испрашивая вамъ Божіе благословеніе,

грѣшный М. .

Ч. 15 Декабря 1820 г.
Москва.

1.*)

Письмо твое получилъ. За увѣдомленіе и за объясненіе о себѣ доволенъ. А что паки пришелъ къ вамъ братъ А. и служитъ къ безпокойству всѣхъ васъ о томъ соболѣзную. Но все приходитъ къ намъ по Промыслу, то и надобно обращать все въ пользу. Какая будетъ выгода воину безъ брани?—Онъ неискусенъ и немужественъ. И монаху безъ борьбы нельзя стяжать души въ терпѣніи и увѣнчану быть отъ Подвигоположника. Не изнемогай духомъ и не унывай въ противностяхъ, но обращайся ко Господу съ смиреннымъ моленіемъ и вѣруй, что пріидетъ къ тебѣ помощь. Я уповаю, что *не оставитъ васъ Богъ искуситися паче силы, но сотворитъ со искушеніемъ и избытіе, еже возмощи вамъ понести.*

Въ сновидѣнія не углубляйся, но исправляй себя упова-

---

*) Два отрывка изъ слѣдующихъ двухъ писемъ къ тѣмъ же лицамъ.

ніемъ на всесильную благодать Христову. Предложеніемъ хранить чувства свои внѣшнія и внутреннія стой всемозможно, и какъ скоро примѣтишь поползновеніе, тотчасъ направляйся паки къ своему началу. Обычай отлагать до утрешняго дня исправленіе препобѣждай вечернимъ испытаніемъ совѣсти и очищеніемъ ея искреннею предъ Богомъ признательностію: „согрѣшихъ тѣмъ и тѣмъ". Въ случаяхъ, какіе встрѣчаются безъ меня поступай: разсуждая, обращаясь къ Спасителю и совѣтуясь съ кѣмъ придется. Мнѣ нельзя всего ограничить правиломъ, особливо на непредвидимыя встрѣчи: для того самъ умудряйся во благое и избирай полезнѣйшее.

Остаюсь съ желаніемъ вамъ отъ Господа здравія и спасенія нижайшій братъ вашъ

грѣшный М.

11-го Генваря 1821 г.
Москва.

Я писалъ къ вамъ о употребленіи чая въ опредѣленное время; но теперь разсуждаю и совѣтую употреблять безъ ограниченія, какъ нужда потребуетъ, или желаніе или посторонній случай.

VI.

*) На требованіе Ваше знать отъ меня „овца ли Вы и моего ли стада?" Симъ чистосердечно Вамъ отвѣтствую: ежели хотите знать—овца ли Вы, то надлежитъ вообразить сущую овцу, въ подлинномъ ея видѣ и качествахъ, и съ нею себя сообразить.

---

*) Изъ письма къ одной изъ помѣщицъ, давшихъ пріютъ Оо. Пустынникамъ на своей землѣ.

Прямая овца не имѣетъ рогъ, не имѣетъ гласа противу пасущаго ее, не бодается, не брыкается и не кусается. На пасущаго не злобится, хотя бы онъ и наказывалъ ее, не противорѣчитъ, не ругается и никакъ никого не злословитъ. Пасущаго же во всемъ слушаетъ, предъ нимъ спокойно и благонадежно ходитъ и изъ предѣловъ его не выступаетъ; особливо чуждаго гласа не слушаетъ и по чуждымъ не ходитъ. Гласа же пасущаго ее такъ слушаетъ и такъ слѣдуетъ ему, что никакого предразсудка не имѣетъ, и, хотя бы на безлачномъ мѣстѣ, хотя бы на болотномъ ее пасъ, не ропщетъ, не злорѣчитъ и не жалуется на него. Вотъ видъ и качества прямой овцы, сколько могъ я ее понять и изобразить.

Смотрите же теперь на себя: овца ли Вы?—Ежели дѣйствительно находите себя овцою, незлобивою и безгласною, то остается Вамъ сказать, чьего Вы стада? — Понеже внѣ стада и безъ пасущаго овца—волку корысть.—Я объ этомъ точно опредѣлить не могу. Сама овца знаетъ, чьего она стада, и кто ея пастырь. Примѣтно, что овца мимо своего двора въ чужой дворъ не проходитъ, а изъ того можно и разумѣть, что она сама знаетъ, къ которому принадлежитъ стаду, кто ея пастырь и который дворъ, „позна волъ стяжавшаго его и оселъ ясли господина своего. Израиль же Мене не позна.—Слыши небо и внуши земле.“

Въ разсужденіи же меня будьте покойны: я на Васъ гнѣва не имѣю ни за что; но съ искреннимъ расположеніемъ, почтеніемъ, любовію и доброжелательствомъ остаюсь навсегда къ Боголюбезной душѣ Вашей

многогрѣшный М.

15-го ч. Августа 1816 года.

VII.

Любезнѣйшій Братъ!

Возмогай о Господѣ,

въ державѣ крѣпости Его! *)

Христосъ Спаситель нашъ рекъ о Себѣ: „*не ищу воли Моея но воли пославшаго Мя Отца* (Ев. Іоан. 5, 30)". И, имѣя въ виду горькую чашу страданія, „*поклонь колѣна моляшеся глаголя: Отче, аще волиши мимонести чашу сію отъ Мене: обаче не моя воля, а твоя да будетъ* (Ев. Луки 22, 43)". „*Сіе да мудрствуется въ васъ еже и во Христѣ Іисусе* (Фил. 2, 5). *Взирая на Него Начальника вѣры, терпѣніемъ да течемъ на предлежащій намъ подвигъ* (Евр. 12, 1. 2)". Укрѣпляя себя молитвою смиреннаго—„по волѣ Твоей, Господи, тако да будетъ о мнѣ"!—

Любезнѣйшій братъ! Будемъ благодарить Бога всегда о всемъ. Въ сердце благодарящее вкапаетъ благодать; также и *сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ* (Пс. 50, 19). Перестанемъ носить въ себѣ двоедушіе и роптать на добродѣтель, для которой созданы и въ особенности призваны: будто она неудобоносима. Правда однѣми нашими силами она несносна, ибо требуетъ въ содѣйствіе благодатной мудрости, мужества, правды и цѣломудрія, а мы въ оныхъ чувствуемъ себя весьма скудными. Такъ что же предпринять? Бѣжать отъ добродѣтели, понося оную хулою, что это несносное бремя, тебя убивающее? А кто оное на тебя возложилъ?—Не Господь ли? Вспомни трехъ отроковъ, ввер-

---

*) Одно изъ писемъ къ О. Игумену Антонію, въ то время когда послѣдній очень скорбѣлъ о возложенномъ на него послушаніи — быть настоятелемъ Малоярославецкаго монастыря.

женныхъ въ пещь; какъ они выдержали себя безвредно, среди ужаснаго пламени, прославляя Бога. Ты же малодушествуешь, и воздѣваешь руки свои куда? Къ людямъ немощнымъ!... Лучше возводи очи свои *въ горы, отнюду же пріидетъ помощь* (Пс. 120, 1). *Лишенъ ли кто изъ васъ премудрости*, говоритъ Св. Апостолъ Іаковъ, *да проситъ съ вѣрою, ничтоже сумняся* (Іак. 1, 6) и—Господь близокъ ко всѣмъ призывающимъ Его. Дастъ благодать просящимъ у Него. И Тому да возвѣщаемъ всѣ печали наши, съ упованіемъ на Него. Отъ людей же, какъ научаетъ Св. Исаакъ Сиринъ, сокрывай все твое состояніе. На кого призираетъ Господь?—Токмо на кроткаго и молчаливаго. Прости за многословіе. Все что пишу, тебѣ самому извѣстно. Да будетъ воля Твоя, Господи, во мнѣ грѣшномъ! Покой обѣщанъ намъ въ будущемъ вѣкѣ, а здѣсь на землѣ—трудъ и искушеніе. *Блаженъ человѣкъ иже претерпитъ* (Іак. 1, 12).

При желаніи тебѣ Свыше отъ Господа помощи въ созиданіе внѣшнее и внутреннее ввѣренной тебѣ Св. Обители, остаюсь, съ братолюбнымъ почтеніемъ прося твоихъ св. молитвъ о мнѣ немощномъ,

недостойный сомолитвенникъ

И. Моисей

10 Сентября 1846 г.
Оптина пустынь.

VIII.

Духовное завѣщаніе

Во имя Пресвятыя, Животворящія, Единосущныя и Нераздѣльныя Троицы: Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Я, нижепоименованный, калужской епархіи козельской Введенской Оптиной пустыни многогрѣшный архимандритъ

Моисей, сподобился получить отъ преблагаго и премилосердаго Господа моего неисчетныя и неизреченныя милости и благодѣянія въ теченіе жизни моей, и ко всему оному удостоился призванія въ иноческое жительство и въ санъ священства, игуменства и архимандритства, ничтоже благо сотворивъ; и что воздамъ Господеви о всѣхъ, яже воздаде мнѣ? Токмо чувствую и приношу Ему неизъяснимую мою благодарность, и смиренно молю благость Его устроить грѣшной душѣ моей спасеніе и даровать благій конецъ, дабы съ благонадежіемъ на неизреченное Его милосердіе и безцѣнныя заслуги Сына Его Господа нашего Іисуса Христа, сподобиться предстать неосужденно на страшномъ и праведномъ Его судѣ и удостоиться деснаго предстоянія со избранными Его. О чемъ прошу и васъ, отцы мои, братія и чада духовная, помолитеся ко Господу, да не лишитъ меня желаемой надежды.

И такъ какъ въ настоящее время чувствую себя въ весьма слабомъ и болѣзненномъ положеніи, и зная безвѣстность кончины жизни моей, заблагоразсудилъ по данному праву завѣщать о состоящемъ при мнѣ имуществѣ, заключающемся большею частію въ святыхъ иконахъ и духовныхъ книгахъ, служившихъ къ окормленію души моей. Стяжанія денежнаго нѣсть у меня, ибо съ начала вступленія моего въ иноческій образъ и до сего дня находился я въ общежительной обители, и не имѣлъ попеченія о стяжаніи имѣній, памятуя данный мною Богу обѣтъ о сохраненіи нестяжанія, и не имѣя нужды ни въ пищѣ ни въ одѣяніи, довольствуясь онымъ отъ общежитія; то и по смерти моей оставшееся бѣлье, платье и прочая келейная принадлежность не принадлежитъ мнѣ, но обители, которое и слѣдуетъ поступить въ общую монастырскую кладовую, для раздачи братіямъ по распоряженію начальства. Святыя иконы живописныя и иконописныя предоставляю въ храмъ сей обители поставить по приличію, гдѣ найдется удобнымъ. Книги духовныя, которыя я

имѣю, снисканныя въ теченіе монастырской жизни и кои почиталъ во всю мою жизнь велимъ богатствомъ, доставлявшимъ душѣ моей нетлѣнную пищу и служащимъ къ пріобрѣтенію вѣчной жизни, оставляю въ монастырскую библіотеку для душевной пользы отцевъ и братій моихъ.

Нагъ изыдохъ изъ чрева матери моея, нагъ и отъиду; то и желаю, чтобы все оное при мнѣ имущество, кромѣ нужныхъ къ покрытію и погребенію тѣла моего вещей, перенесено было изъ келліи моей по назначенію моему, дабы послѣ никому не трудиться въ изысканіи и описаніи моего имѣнія, и чтобы никто не имѣлъ за него отвѣтственности.

Роднымъ же моимъ ни во-что изъ онаго имущества не вступаться. Да я и увѣренъ, что они не войдутъ ни во-что, довольствуясь тѣмъ, чѣмъ Богъ послалъ и благословилъ ихъ; а монашескаго имущества, какъ принадлежащаго обители не восхотятъ ввести въ домы свои, яко огня пожечь могущаго и ихъ достояніе.

Когда угодно будетъ Господу разлучить душу мою отъ тѣла сего, то прошу духовнаго моего отца со всею о Христѣ братіею обители сей предать тѣло обычному христіанскому-монашескому погребенію, и потомъ прошу не оставлять меня поминовеніемъ по чину церковному и въ келейныхъ вашихъ молитвахъ, да проститъ Господь мои согрѣшенія и успокоитъ духъ мой съ праведными.

Ежели я кого въ жизни моей чѣмъ оскорбилъ: словомъ, дѣломъ или помышленіемъ, смиренно прошу у всѣхъ прощенія; а также кто и меня чѣмъ либо оскорбилъ, всѣхъ и во всемъ прощаю.

Сіе духовное завѣщаніе учинено мною въ полномъ умѣ и чистой памяти по собственной своей волѣ. Іюня 6 дня 1862 года. Оптиной пустыни настоятель, архимандритъ Моисей.

IX.

Письмо игумена Антонія *) къ Архимандриту Геннадію. **)

Всечувствительно благодарю васъ за благой совѣтъ вашъ возложить печаль свою на Господа о разлукѣ съ отцемъ моимъ и не скорбѣть о томъ, подобно неимущимъ упованія; чему я совершенно вѣрю. Но какъ въ тѣлѣ нашемъ, если когда единъ членъ отсѣченъ будетъ, то оставшіеся члены невольнымъ образомъ терпятъ боль; подобно сему и послѣ конечной разлуки бываетъ въ духѣ: ибо и Христосъ Спаситель нашъ надъ умершимъ другомъ Лазаремъ прослезился!... Впрочемъ я не столько печалюсь о разлукѣ съ нимъ, сколько благодарю Господа Бога за блаженную кончину его, и за то, что по многолѣтней жизни и за безчисленные труды, въ пользу святой обители подъятые, преселенъ онъ на вѣчный покой со святыми; о чемъ недавно извѣстилъ онъ во снѣ одному благоговѣйному брату нашему, что онъ по великому милосердію Божію водворенъ въ обители преподобно-мучениковъ!... Должно ли вѣрить сему? Но я не сомнѣваюсь въ этомъ, зная отчасти образъ святой жизни его. О чемъ благословите мнѣ нѣсколько строкъ написать вамъ. Блаженныя памяти настоятелю нашему отцу архимандриту Моисею угодно было послѣдніе три года жизни своей избрать меня, недостойнаго, въ свои духовники; я отговаривался отъ сего труднаго для меня избранія, дабы не уподобиться мнѣ Хаму, при выслушаніи отчихъ недостатковъ: но онъ убѣдилъ меня оставить свои предразсудки, и я долженъ былъ повиноваться.

---

*) Брата покойнаго О. Архим. Моисея.

**) Бывшему настоятелю Боровскаго монастыря.

И вотъ онъ во все трехгодичное время ни одной божественной литургіи не совершалъ безъ исповѣди, приходя ко мнѣ въ келью, или призывая къ себѣ; а служилъ онъ каждый воскресный день, каждый праздникъ и въ царскіе дни, и съ какимъ сокрушеніемъ сердца исповѣдывалъ согрѣшенія свои и съ какимъ глубокимъ смиреніемъ преклонялъ свою выю подъ недостойную мою руку, прося прощенія и разрѣшенія, такъ что я, взирая на сіе, всегда умилялся и стыдился предъ людьми именовать себя духовнымъ отцемъ такого великаго старца!... Онъ въ послѣдніе три года жизни своей ходилъ ко всѣмъ церковнымъ службамъ и въ братскую трапезу въ обѣдъ и ужинъ, а для сего уничтожилъ и кухню при своей келліи, и утромъ чаю не употреблялъ, а послѣ обѣда двумя чашками удовлетворялся... Послѣ всего донесу вамъ и о себѣ, что я, отъ безпрерывной боли въ ногахъ, весьма немоществую и въ церковь рѣдко выхожу, и почти всегда читаю въ кельи своей псалтирь по новопреставленномъ своемъ отцѣ, и въ этомъ только имѣю отраду въ духѣ своемъ; а притомъ за многую его ко мнѣ любовь и платить ему нечѣмъ мнѣ, кромѣ молитвы, которую услыши, Господи!

X.

Письмо О. Игумена А. Б.

Благодарю за увѣдомленіе о святой и для многихъ назидательной кончинѣ вашего настоятеля, 40 лѣтъ неуклонно водившаго васъ по пути спасенія. По истинѣ это Моисей нашего времени, приведшій многихъ въ землю обѣтованную, а заповѣди свои сказавшій и завѣщавшій только въ послѣдніе часы своей чистой и тихой жизни. Вмѣсто поученій, онъ являлъ собою примѣръ, какъ хранить уста, и хранивши ихъ

обуздывать и все тѣло. Никто не видѣлъ его во гнѣвѣ или въ ослабленіи: всегда былъ ровенъ и вѣренъ самому себѣ Игуменъ Моисей, святолѣпный старецъ, премудрый и опытный водитель. И велика была къ нему милость Бога и Отца христіанъ, избравшаго его на великій и многотрудный подвигъ настоятельства. Сорокъ лѣтъ стоять на одномъ мѣстѣ, терпѣливо вынося всѣ бури, отъ врага наносимыя, и держать твердо кормило своего корабля—это есть дѣло, превосходящее силы человѣческія: это была сила Божія, благодатная—за смиреніе и чистоту. И въ 40 лѣтъ собрать и содержать около себя, въ своей оградѣ, столько избранниковъ Божіихъ—это есть свидѣтельство собственнаго избранія. Ни одна обитель не могла похвалиться, что вмѣщала въ одно время и Отца Леонида, и Отца Макарія, и Отца Антонія — такихъ великихъ послушниковъ Отца Моисея. Блаженна была обитель, гдѣ сіяло столько свѣта, и блаженно радостно то время, когда нераздѣльно жило и поучало собою это христіанское собраніе!

Къ Оптиной Пустыни проложились дороги и къ ней влеклись монашескія сердца. Сюда пришелъ нѣкогда великій старецъ времени нашего, тогда еще юноша Димитрій, нынѣ преосвященный Игнатій, возстановившій столько обителей; писатель „Слова о смерти“, здѣсь учился монашеству. Здѣсь отдыхалъ краткими отдыхами и великій и сокровенный рабъ Христовъ, Василій Петровичъ Брагузинъ, исполнитель самыхъ трудныхъ заповѣдей Евангельскихъ. Всѣ они были во время Отца Моисея, на его кораблѣ. Оптина Пустынь стала извѣстною во всемъ православномъ христіанствѣ. И кто слышалъ, чтобы отецъ Моисей когда либо похвалился такою достославною извѣстностію? Одни труды, всегда труды и заботы какъ бы не давали мѣста какому либо праздному и личному чувству зайдти въ эту великую душу, посвятившую себя на служеніе Богу и ближнимъ.

На всѣ похвалы О. Моисей отвѣчалъ едва замѣтною улыбкою, которая говорила: не соглашаюсь я съ вами, а сомнѣваюсь. Кому высказывалъ онъ свои успѣхи? Мужъ дѣла, а не словесъ самохвальныхъ. Но и слово его было сладко; встрѣча радовала, привѣтствіе его было драгоцѣнно: такъ всегда было оно обдуманно и нѣжно. Эта прекрасная душа ни предъ кѣмъ не оставалась въ долгу, и кто бы ни былъ, не могъ похвалиться превосходствомъ въ разговорѣ и сношеніяхъ съ О. Моисеемъ.

Простите, что память моя не сохранила всего, что видѣлъ и чему удивлялся я въ незабвенномъ настоятелѣ, цѣломудренномъ О. Моисеѣ.

Простите, что теперь лишь вспомнилъ о своей ошибкѣ: позабылъ называть усопшаго архимандритомъ. Въ памяти моей онъ былъ игуменомъ и прежнее впечатлѣніе было столь сильно, что новое названіе къ нему не прилѣплялось.

Прошу сказать отъ меня благодарность всѣмъ отцамъ и братіямъ за добрыя ихъ ко мнѣ чувства. Прошу ихъ молитвъ. Поздравляю О. Н. съ настоятельствомъ. Конечно, не радуется онъ, но радуется вся обитель.

Простите, Богомолецъ вашъ,

М.... г.... А.

XI.

Надгробное Слово, произнесенное при погребеніи О. Архимандрита Моисея Ректоромъ Калужской Семинаріи Архимандритомъ Герасимомъ *).

Внидеши во гробъ, якоже пшеница созрѣлая во время пожатая или якоже стогъ гумна во время свезенный (Іов. 5, 26).

Сколь ни давно уже предсказана была сими словами блаженная кончина въ глубокой старости многострадальному Іову, однако они и теперь могутъ имѣть свое приложеніе. Вотъ и усопшій о Господѣ братъ нашъ положенъ во гробъ, какъ зрѣлая пшеница—въ житницу, или, подобно колосу, во время сжатому и сложенному въ стогъ, скоро сокроется тѣломъ въ могилѣ, до всеобщаго воскресенія. Руководимый и укрѣпляемый Господомъ, долго развивался онъ и усовершенствовался: то въ лѣсахъ Рославльскихъ, по предварительномъ испытаніи себя въ Саровской и Свѣнской обителяхъ,—то здѣсь на вашихъ глазахъ, подобно плоду наливался, созрѣвалъ и созрѣлъ наконецъ, служа въ преподобіи и правдѣ болѣе 40-ка лѣтъ здѣшней обители, для благоустройства коей такъ много сдѣлано имъ, что память о немъ никогда не умретъ.

Если не непоучительна жизнь и самаго обыкновеннаго человѣка съ его кончиной, то жизнь такого подвижника благочестія, который *отходитъ къ отцамъ своимъ въ миръ и въ старости добрѣй* (Быт. 15, 15), особенно заключаетъ въ себѣ много поучительнаго.

---

*) Скончавшимся въ санѣ Епископа Астраханскаго.

Для общаго нашего назиданія посвятимъ нѣсколько минутъ на краткое обозрѣніе болѣе выдающихся сторонъ этой многолѣтней, благопотребной и подвижнической жизни усопшаго о Господѣ.

Многимъ, конечно, по тяжкимъ, а нерѣдко и самымъ горькимъ, опытамъ жизни извѣстно: сколь опасна пора юности нашей. Не столько вреденъ червь для цвѣтовъ и плодовъ, сколько вредятъ развитію и преуспѣянію юной души увлеченія страсти. *Похоть плоти, похоть очесъ и гордость житейская* (1 Іоан. 2, 16) поминутно почти обольщаютъ и влекутъ въ плѣнъ юное сердце. По этому то, конечно, Апостолъ Павелъ заповѣдуетъ юному ученику своему Тимоѳею, а въ его лицѣ и всѣмъ юношамъ: *бѣгать похотей юныхъ* (1 Тимоѳ. 2, 22). Но усопшій о Господѣ братъ, происходя изъ купеческаго званія, старался подражать—съ юныхъ лѣтъ—евангельскому купцу, который искалъ хорошаго жемчуга, и, найдя его, пошелъ продать все, что имѣлъ, и купилъ его (Мѳ. 13, 45). Говоря безъ притчи, братъ нашъ о Господѣ, понявъ съ юныхъ лѣтъ, *что миръ преходитъ*, а съ нимъ и тройственная *похоть его* (1 Іоан. 2, 16), что *исполняющій* только *волю Божію пребываетъ во вѣкъ* (1 Іоан. 2, 17), *гордость всяку отложше и удобь обстоятельный грѣхъ* (Евр. 12, 1), оставилъ домъ, имѣніе, даже роднаго и нѣжно любившаго его и любимаго отца оставилъ, только бы пріобрѣсти Христа, и такимъ образомъ спасти свою душу, коей ничего нѣтъ ни выше, ни дороже въ семъ мірѣ. И опытъ, какъ нельзя очевиднѣе, подтвердилъ для него непреложную истину словъ пророческихъ: *благо есть мужу, егда возметъ ярємъ въ юности своей* (Плач. Іер. 3, 27). Тогда какъ многіе изъ юношей, и нашего и прежняго времени, увлекались *временною грѣха сладостію* (Евр. 11, 25), и увязая въ сѣтяхъ его, нерѣдко горькими слезами оплакиваютъ свои паденія, отецъ Моисей, чрезъ строго подвижническую жизнь,

вдали притомъ отъ обаятельныхъ соблазновъ, избавился, по милости Божіей, отъ заманчивыхъ вліяній грѣховныхъ, *яко птица отъ сѣти ловящихъ*.

Но и отвергшись отъ міра и благъ его, усопшій о Господѣ братъ нашъ не предался безпечности, подобно юродивымъ дѣвамъ (Мѳ. 25, 3), или многимъ, можетъ быть, изъ насъ, грѣшныхъ: напротивъ зная, что сколь *духъ* ни *бодръ* нашъ, но *плоть немощна* (Марк. 14, 38), старался *бдѣть и молиться*, чтобы, вышедши изъ міра, какъ Израильтяне изъ Египта, не подвергнуться опасностямъ, даже гибели, сопровождавшимъ послѣднихъ въ пустынѣ, за ихъ самонадѣянность, строптивость и непослушаніе. Для лучшаго же обезпеченія себѣ побѣды въ борьбѣ съ плотію, похотствующею на духъ, и съ духомъ злобы, онъ всецѣло предалъ себя руководству опытнаго и дивнаго подвижника благочестія, іеросхимонаха Аѳанасія Свѣнскаго, и водворившись въ Рославльскихъ лѣсахъ Смоленской губерніи, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе старался *совлекаться* тамъ *ветхаго человѣка съ дѣяньми его и облекаться въ новаго:* старался, при содѣйствіи благодати Божіей, подавлять въ себѣ все грѣховное—отъ чувствъ и желаній и помысловъ,—до словъ и дѣлъ, чтобы тѣмъ безпрепятственнѣе сообразовать свою жизнь съ духомъ Евангелія. Примѣръ вполнѣ достойный подражанія тѣхъ, кои, оставивши міръ Бога ради, поступаютъ въ обители для спасенія души своей!....

Легко могло быть, что плѣненный пустыннымъ уединеніемъ и навсегда остался бы онъ тамъ, не взирая ни на усиленные подвиги, ни на жестокость борьбы со врагомъ, который въ полномъ смыслѣ является для живущихъ въ пустынѣ *львомъ рыкающимъ и ищущимъ поглотить ихъ* (1 Петр. 5, 8); тѣмъ болѣе, что *пустыннымъ непрестанное божественное желаніе бываетъ, міра сущимъ суетнаго кромѣ*. Но надъ возлюбленнымъ нашимъ отечествомъ грозная туча тогда со-

биралась съ запада и разразилась въ 1812 году такими страшными громами, что горы и долы застонали, и самая глубокая пустыня, въ коей привиталъ О. Моисей, огласилась шумомъ оружія браннаго. И вотъ юный подвижникъ, волей-неволей, долженъ былъ оставить пустыню Рославльскую и, не слагая съ себя *оружія Божія* (Ефес. 6, 11), пріютиться сначала въ Свѣнской, а потомъ въ Бѣлобережской обителяхъ. Но едва миновала гроза, какъ О. Моисей снова уклонился въ любимую пустыню, чтобы снова тамъ продолжать борьбу съ врагомъ спасенія, и *полагать восхожденіе въ сердцѣ своемъ* (Пс. 83, 6). Скромный и смиренный—онъ не любилъ говорить о подвигахъ своихъ. Но можетъ ли быть, чтобы душа его, яко кринъ, не цвѣла тамъ—въ Рославльскихъ лѣсахъ, находясь въ кругу столь примѣрныхъ подвижниковъ, изъ коихъ одинъ—Ѳеофанъ дивный, изъ подражанія Христу Спасителю, постился однажды, по отзыву покойнаго, чрезъ всю четыредесятницу, ничего не вкушая? Не разъ приходилось намъ слышать отъ старца покойника объ этой порѣ его жизни и—умиляться, при видѣ благодарныхъ слезъ его ко Господу за милости Его и за спасеніе въ пустынѣ этой отъ всѣхъ бѣдъ и напастей. Орломъ въ обновленной юности казался онъ тогда намъ; такъ благодѣтельно дѣйствовало на него воспоминаніе о понесенныхъ тамъ, при помощи Божіей, подвигахъ самоотверженія и послушанія!... И намъ, братія, конечно, не непріятно будетъ оглянуться на пройденное поприще жизни нашей и при случаѣ припомнить, какъ *сила Божія совершалась въ немощахъ нашихъ* (2 Кор. 12, 9), чтобы благословлять, подобно покойнику, Господа на всякое время. И счастливы будемъ мы, если не оставимъ за собою грязныхъ слѣдовъ на поприщѣ этомъ! Иначе воспоминаніе о нихъ, какъ ржа желѣзо, будетъ снѣдать наше сердце и, чего добраго, не обрѣтемъ уже мы нигдѣ тогда *мира въ костьхъ нашихъ отъ лица грѣхъ нашихъ* (Псал.

37, 4), особенно если не покаялись въ нихъ и доселѣ оставляемъ не оплаканными....

Но вотъ настала пора свѣтильнику, сіяющему постомъ и бдѣніемъ въ пустынѣ, быть на свѣщникѣ, *да свѣтитъ всѣмъ, иже въ храминѣ суть* (Мѳ. 5, 15). И Господь избираетъ орудіемъ для этого, блаженной памяти, митрополита Филарета. Проникнутый духомъ подвижничества и любя иночество, онъ пожелалъ въ этой пустыни устроить скитъ. Знакомый уже съ рабомъ Божіимъ Моисеемъ, онъ вызвалъ его сюда изъ Рославльской пустыни и опредѣлилъ: сначала начальникомъ скита, потомъ духовникомъ, а наконецъ ввѣрилъ ему вскорѣ управленіе и самою обителію. И съ этой поры онъ рѣдкимъ свѣтильникомъ былъ для нашего времени—съ дивными сподвижниками своими — Леонидомъ и Макаріемъ, также какъ и онъ горѣвшими и свѣтившими для всѣхъ насъ, не только при жизни, но даже и изъ самаго могильнаго мрака блистающими, какъ молнія изъ черной тучи.....

Не намъ, конечно, и не предъ вами, братія и друзи, сродницы и знаемые, какъ предъ ближайшими свидѣтелями, столь блистательно пройденнаго поприща усопшимъ отцемъ,—собратомъ нашимъ о Господѣ, излагать съ подробностію теперь: что, когда и какъ было сдѣлано имъ, въ теченіе 37-лѣтняго служенія его въ должности настоятеля; о мудрыхъ и зрѣло обдуманныхъ мѣрахъ его, содѣйствовавшихъ болѣе или менѣе благоустройству Оптиной пустыни, повѣдаютъ въ свое время, какъ отчасти уже и повѣдали, болѣе насъ опытные, а *похвалу его исповѣстъ церковь* (Сир. 44, 14). Въ настоящія минуты достаточно припомнить намъ о его дивной вѣрѣ, которая, подобно звѣздѣ путеводной, руководила имъ во всѣхъ его начинаніяхъ и дѣлахъ. О его великодушіи и кротости, съ коими носилъ онъ немощи немощныхъ изъ васъ: „по навожденію вражескому иногда проносили мое *имя, яко зло*, и чернили клеветами,—малодушные изъ бра-

тіи. Но правда свѣтлѣе солнца: защитивъ себя предъ начальствомъ отъ извѣтовъ, я охотно прощалъ ненавидящихъ и обидящихъ меня, и тѣмъ обезоруживалъ ихъ и плѣнялъ сердца ихъ въ любовь". Такъ, обливаясь слезами, онъ разъ самъ говорилъ намъ, благословляя при этомъ Господа, давшаго ему широту сердца. И въ эти минуты въ очахъ его свѣтилось такое младенческое незлобіе, что, кажется, самое холодное, черствое сердце плѣнилось бы имъ и пожелало усвоить себѣ это качество дивное. Не оставимъ безъ вниманія и его состраданіе и сердоболіе къ нуждающимся: кто изъ приходившихъ сюда—въ крайней нуждѣ—за помощію, не получалъ отъ благодѣтельной десницы покойнаго пособіе благовременное? Прислушайтесь къ говору этой многолюдной толпы, наполняющей храмъ и ограду обители, и вы узнаете, что покойникъ, не взирая на то, что богатъ былъ, по собственному же его выраженію, только *нищетою*, очень многимъ изъ среды ея благодѣтельствовалъ. А это умѣнье управлять братствомъ изъ разныхъ званій, не одинаковой степени образованія, умѣнье всѣмъ и каждому указать приличное мѣсто, занятіе, такъ чтобы всѣ и каждый, смотря по возможности, старались содѣйствовать благу обители? А эта рѣдкая заботливость старца—подвижника сдѣлать—чрезъ переводы и изданія — общедоступными для всѣхъ и каждаго нѣкоторыя изъ такихъ святоотеческихъ твореній, о коихъ очень многіе даже изъ иноковъ знали только по имени, не взирая на ихъ назидательность? Это наконецъ безкорыстіе, съ какимъ разсылалъ онъ творенія эти, по переводѣ нѣкоторыми изъ вашей же среды на современный намъ языкъ, по духовно-учебнымъ заведеніямъ? Не указываютъ ли онѣ, съ одной стороны, на его наблюдательный умъ, съ участіемъ слѣдившій за потребностями современнаго иночества и съ искреннею готовностію изобрѣтавшій средства удовлетворить

онымъ, съ другой—на его духовную опытность и *благочестіе*, которое *на все полезно* (1 Тим. 4, 8)?

И такъ видите, братія, что и въ наше время человѣкъ, проникнутый любовію къ Господу, много можетъ сдѣлать, при помощи Божіей, для блага ближнихъ. Пусть же примѣръ этой поучительной жизни отца и брата нашего о Господѣ не пройдетъ для насъ даромъ. Взирая на блаженное успеніе его, предваренное принятіемъ великаго ангельскаго образа, послѣ неоднократнаго пріобщенія Святыхъ и Животворящихъ Христовыхъ Таинъ, будемъ подражать его вѣрѣ въ Промыслъ Божій, его духу подвижническому, сопровождаемому кротостію и незлобіемъ, безкорыстіемъ и благочестіемъ, его благоразумію и осмотрительности, съ коими твердо шелъ онъ путемъ жизни, избѣгая крайностей. Съ другой стороны, помня, что никто не можетъ похвалиться *чисто сердце имѣти, хотя бы и единъ день былъ житія его на землѣ* (Іов. 14, 3), пожалѣемъ о томъ, что и высокая душа усопшаго о Господѣ омрачалась иногда, по немощи человѣческой, нѣкоторыми недостатками, какъ свѣтлое солнце — тучами: тѣмъ болѣе, что при гробѣ и близь отверстой могилы—самое приличное мѣсто, по указанію христіанской любви,—для благословеній и теплыхъ молитвъ о упокоеніи преставльшагося въ нѣдрахъ Авраама, Исаака и Іакова, а не для осужденія, или малодушныхъ жалобъ, если бы кому либо и могли онѣ придти на память теперь. Аминь!

XII.

О пустынножительствѣ въ Рославльскихъ лѣсахъ.

Въ Рославльскихъ и смежныхъ съ ними Брянскихъ и Жиздринскихъ лѣсахъ съ половины прошедшаго столѣтія до

двадцатыхъ годовъ настоящаго подвизалось весьма много замѣчательныхъ отшельниковъ; такъ что въ продолженіи семидесяти и болѣе лѣтъ пустынножительство здѣсь непрерывалось. Между православными иноками всегда были и всегда будутъ любители безмолвнаго уединеннаго житія. Но въ указанное нами время во второй половинѣ прошедшаго вѣка и въ началѣ нынѣшняго и въ указанныхъ лѣсахъ пустынножительство возникло, усилилось и процвѣтало, вслѣдствіе особенныхъ историческихъ причинъ, о которыхъ находимъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ.

Восемьнадцатое столѣтіе въ Россіи ознаменовалось цѣлымъ рядомъ распоряженій правительства, весьма стѣснительныхъ для монашества. Говоримъ это не объ указахъ Петра I и Екатерины II, которыми ограничивался свободный переходъ изъ монастыря въ монастырь и запрещалось постригать несовершеннолѣтнихъ, мужей отъ живыхъ женъ, бѣглыхъ солдатъ, крестьянъ, безъ увольненія помѣщиковъ и т. д.; эти справедливыя распоряженія были вызваны господствовавшими въ то время въ монастыряхъ безпорядками, которые и слѣдовало прекратить. Но вмѣстѣ съ мѣрами, которыя должны были пресѣчь злоупотребленія въ монастыряхъ, издавалось не мало такихъ правительственныхъ распоряженій, которыя дѣлали невозможнымъ свободное процвѣтаніе монастырей и подавляли духъ монашества. Указомъ 1703 г. Петръ I запретилъ строить новые монастыри; а духовнымъ регламентомъ и указомъ 1724 г. обращалъ монастыри въ пріюты для больныхъ солдатъ, или уволенныхъ отъ службы и неспособныхъ къ работѣ. При Бирнѣ въ 1734 г. предписано было не постригать никого, кромѣ вдовыхъ священнослужителей и отставныхъ солдатъ; вслѣдствіе чего въ иныхъ монастыряхъ некому стало совершать богослуженія, въ другихъ оставались только дряхлые и неспособные ни къ работѣ, ни

къ богослуженію. *) Наконецъ въ 1764 г. послѣдовалъ указъ объ отобраніи церковныхъ и монастырскихъ имуществъ въ вѣдѣніе государства и о штатахъ денежнаго жалованья духовенству. Извѣстно, что еще въ 16 вѣкѣ нѣкоторые преподобные иноки—нестяжатели находили, что монастыри не должны владѣть населенными имѣніями. Но въ 1764 г. отобраніе монастырскихъ имуществъ въ казну сопровождалось такими распоряженіями, что этимъ былъ нанесенъ монашеству въ Россіи тяжкій ударъ, отъ котораго оно и доселѣ отчасти не оправилось. Изъ 953 существовавшихъ тогда мужескихъ и дѣвичихъ монастырей вовсе упразднено 568. Изъ оставшихся за тѣмъ 385 монастырей, только 225 штатнымъ монастырямъ, въ замѣнъ отнятыхъ имѣній, назначалось пособіе отъ казны. Остальнымъ 160 заштатнымъ монастырямъ, по отобраніи отъ нихъ всего недвижимаго ихъ имущества, предоставлялось содержаться на собственныя ихъ средства, **) т. е. какъ знаютъ. Нужно ли говорить, что эти заштатные монастыри внезапно очутились въ самомъ крайнемъ нищенскомъ состояніи. И изъ третьеклассныхъ и второклассныхъ монастырей многіе, бывшіе до того времени въ цвѣтущемъ состояніи, начали приходить въ упадокъ. Никогда въ русскихъ монастыряхъ не было такой частой смѣны настоятелей, какъ именно въ концѣ 18 столѣтія. Настоятели, одинъ за другимъ, отказывались отъ своей должности, не имѣя силъ изобрѣтать достаточныя средства къ поддержанію вѣренныхъ имъ обителей. Особенно для монастырей чувствительно было умаленіе числа братій. Даже въ духовномъ регламентѣ узаконялось, чтобы по самой нуждѣ не менѣе тридцати братій было въ монастырѣ, „понеже малымъ братствомъ повседнев-

---

*) См. Исторію Русской Церкви Преосв. Филарета. Періодъ пятый. Москва 1848 г. стр. 180—184.

**) См. Исторію Россійской Іерархіи. Арх. Амвросія. Москва 1810. Часть II. Стр. LXXIX—CVI.

ную божественную службу и общежительство яко же подобаетъ отправляти невозможно". А по штатамъ 1764 г. только въ 15 первоклассныхъ монастыряхъ положено по 33 человѣка, въ 4 пустыняхъ по 30 ч., въ 41 второклассномъ монастырѣ по 17 ч., въ 100 третьеклассныхъ по 12 ч., въ 154 же заштатныхъ по 7 ч. (со включеніемъ настоятеля). При такомъ ограниченномъ числѣ братій и при крайней скудости средствъ, въ большей части монастырей оказалось невозможнымъ поддерживать надлежащіе порядки. Наконецъ послѣ 1764 г. монастыри на долгое время не могли удовлетворять благочестивую потребность многихъ, желавшихъ принять монашеское постриженіе. Въ 1762 г. монашествующихъ, мужескаго и женскаго пола, числилось 12,444. А по штатамъ 1764 г. число это сокращено болѣе чѣмъ на половину: въ штатныхъ монастыряхъ мужескихъ и женскихъ полагалось 3858 ч. и въ заштатныхъ 1247; и, пока оставшіеся заштатомъ не войдутъ въ оный, запрещено было вновь представлять къ постриженію.

Послѣдствія показали, какъ мало соотвѣтствовали эти распоряженія настроенію народнаго духа. При общемъ вызванномъ ими упадкѣ монастырей, въ русскомъ народѣ въ то время крѣпко держалось усердіе къ монашеской жизни, которое, надѣемся, и не изсякнетъ, пока будетъ существовать православная Русь. Любителей монашеской жизни было много во всѣхъ сословіяхъ, но такъ какъ въ тогдашнихъ монастыряхъ они не находили себѣ мѣста, или не могли удовлетвориться тогдашнею жизнью монастырскою, то многіе изъ нихъ удалялись изъ Россіи въ Аѳонскіе и Молдавскіе монастыри, а другіе укрывались въ лѣсахъ.

Въ 1743 г., когда рясофорный послушникъ Платонъ Величковскій (впослѣдствіи знаменитый Архимандритъ Паисій) пришелъ въ Валахію, и потомъ черезъ три года когда онъ прибылъ на Аѳонъ, онъ и въ Валахійскихъ и Аѳонскихъ

монастыряхъ засталъ уже многихъ выходцевъ изъ Россіи. Нѣкоторые изъ нихъ (какъ напримѣръ Василій Полянномерульскій, Мисаилъ, Онуфрій, Ѳеодосій и др.) уже не малое время тамъ подвизались и славились, какъ опытные духовные старцы. Въ концѣ 50-хъ годовъ у Паисія на Аѳонѣ собралось братство изъ 64 человѣкъ, большею частью русскихъ. По введеніи же штатовъ 1764 г., число выходцевъ изъ Россіи стало сильно увеличиваться, такъ что въ то время отъ Св. Синода были безчисленныя публикаціи объ отысканіи скрывавшихся. *) Впослѣдствіи въ монастыряхъ Архимандрита Паисія Величковскаго, по свидѣтельству Ѳеофана Арх. Новоезерскаго, бывшаго въ Валахіи въ 1778 г., собралось братій изъ всѣхъ націй до 1000 ч., въ числѣ которыхъ особенно много было русскихъ. При томъ должно замѣтить, что Паисіевское братство отличалось не одною численностью, но и нравственными достоинствами; видно, что въ то время изъ Россіи удалялись не кое-какіе, а многіе изъ лучшихъ иноковъ и мірскихъ людей, замѣчательныхъ по высотѣ и чистотѣ своихъ духовныхъ стремленій. Многіе изъ этихъ выходцевъ окончили свою жизнь вдали отъ своего отечества; а нѣкоторые Промысломъ Божіимъ возвращены были въ Россію, одни въ 1779 г. (послѣ Кучукъ-Кайнарджійскаго мира), другіе въ 1787, а больше всего — въ 1801 г., вслѣдствіе всемилостивѣйшаго манифеста, изданнаго Императоромъ Александромъ I по вступленіи своемъ на престолъ. И эти то иноки, возвратившіеся въ Россію изъ Аѳонскихъ и Молдавскихъ монастырей и усовершенствовавшіеся тамъ въ монашеской жизни подъ руководствомъ опытныхъ наставниковъ, возобновили и возстановили многія русскія обители, вдохнули

---

*) См. „Брянскій Свѣнскій Успенскій монастырь“, Москва. 1866 г. стр. 77.

въ русское монашество новую жизнь и тѣмъ оказали Русской Церкви великую, незабвенную заслугу.

Кромѣ этого движенія въ заграничные православные монастыри, въ 18-мъ вѣкѣ, среди русскаго монашества, неблагопріятными для него обстоятельствами было вызвано другое движеніе. Изъ тѣхъ, чьи духовныя потребности не могли найдти себѣ удовлетворенія вслѣдствіе тогдашнихъ монастырскихъ порядковъ, не всѣ имѣли возможность удалиться изъ Россіи. Такіе люди скрывались въ пустынныхъ лѣсахъ и въ лѣсной глуши проходили иноческую жизнь.

Сохранились отрывочныя свѣдѣнія, что въ то время появились пустынножители въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что настоятель Миголовской или Миголощской пустыни (Новгородской губ.) Маркъ, по упраздненіи этой обители и обращеніи ея въ приходскую церковь, удалился на пустынный островъ и тамъ подвизался до конца своей жизни въ безмолвномъ уединеніи. *) Пришлось намъ слышать, что въ концѣ прошедшаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія были пустынники въ Тверской губ. (въ Зубцовскомъ уѣздѣ), въ Вологодской и въ другихъ губерніяхъ; но особенно пустынножительство въ тѣ времена усилилось въ лѣсахъ Брянскихъ, Жиздринскихъ и Рославльскихъ, покрывающихъ сѣверозападный уголъ Орловской губерніи, западную часть Калужской и юговосточную Смоленской губерніи.

Здѣсь еще въ началѣ 16 столѣтія подвизался Преп. Герасимъ Болдинскій: онъ сначала поселился въ Дорогобужскомъ округѣ, въ дикомъ лѣсномъ мѣстѣ, гдѣ кромѣ змѣй и дикихъ звѣрей никого не было, и по временамъ только

*) См. статью священника Іоанна Модестова: „Пустынникъ Маркъ". Странникъ 1860. Ноябрь, стр. 229—232.

скрывались разбойники; а потомъ на рѣкѣ Жиздрѣ въ пустынномъ лѣсу основалъ Введенскую обитель. *)

Въ началѣ 18 в., съ 1717 г. по 1721 г., въ дремучихъ Брянскихъ лѣсахъ проходилъ уединенное жительство инокъ Серапіонъ, въ 1721 г. назначенный строителемъ новооснованной Бѣлобережской пустыни **), въ которой и скончался 15 ноября 1741 г., принявъ передъ кончиной великую схиму съ именемъ Симеона.

Между тѣмъ пустынножительство не прерывалось и около обителей, расположенныхъ въ Орловскихъ лѣсахъ. Въ жизнеописаніи Ѳеодора Санаксарскаго повѣтствуется, что, когда онъ пришелъ въ Площанскую пустынь (это было въ 1747 г.), настоятель назначилъ ему имѣть пребываніе близь обители въ лѣсу, гдѣ были келліи, построенныя прежде жившими тамъ, Бога ради, пустынниками.***) Объ этихъ Площанскихъ пустынникахъ не сохранилось свѣдѣній. Въ „Описаніи Богородицкой Площанской пустыни“ (С.П.Б. 1855, стр. 4.) упоминается только пустынножитель монахъ Ефремъ, скончавшійся около 1757 г.

Въ тридцатыхъ годахъ 18 в. Площанскій іеромонахъ Іоасафъ удалился въ Брянскіе лѣса и жилъ тамъ нѣсколько лѣтъ въ безмолвномъ уединеніи. Возвратившись въ свою обитель по просьбѣ Площанскаго настоятеля. О. Тихона, О. Іоасафъ въ 1741 г. сдѣлался его преемникомъ; но только 6 лѣтъ управлялъ обителью, а въ 1746 г. опять удалился въ любимые имъ Брянскіе лѣса, гдѣ и прожилъ около

---

*) См. Русскіе Святые, чтимые всею Церковью, или мѣстно. Преосв. Филарета Архіепископа Черниговскаго. Черниговъ. 1863. Мѣсяцъ Май. Стр. 26—29.

**) См. историческое и современное обозрѣніе общежительной мужской Брянской Бѣлобережской пустыни. Орелъ. 1863 г. стр. 10—11.

***) См. жизнь О. Ѳеодора, бывшаго настоятелемъ Санаксарскія обители. Москва 1847 г. стр. 8.

двадцати лѣтъ. И съ этого-то времени пустынножительство въ Брянскихъ и смѣжныхъ съ ними Рославльскихъ и Жиздринскихъ лѣсахъ не прерывалось уже, какъ мы сказали, до 20-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія.

Въ Брянскихъ уединенныхъ лѣсахъ О. Іоасафъ не могъ вовсе укрыться отъ людей. Къ нему стали приходить многіе, желавшіе пользоваться его мудрыми духовными совѣтами. Изъ числа приходившихъ къ нему, многіе желали сдѣлаться учениками благочестиваго подвижника и остаться съ нимъ жить, принявъ монашеское постриженіе, которое въ то время было очень трудно получить въ монастыряхъ. Могъ ли сердобольный отецъ отказывать въ постриженіи тѣмъ, которые желали принять монашескій образъ не ради внѣшняго оффиціальнаго его значенія, а ради душевнаго спасенія по внутреннему влеченію къ монашеской жизни. Изощривъ Богомысліемъ душевныя очи, О. Іоасафъ проницательно усматривалъ способныхъ къ пустынножительству, и, постригая ихъ, отсылалъ въ монастырь, или оставлялъ при себѣ. Но это возбудило негодованіе духовенства ближнихъ селъ: подали на О. Іоасафа жалобу въ консисторію, обвиняя его въ противозаконныхъ дѣлахъ и между прочимъ въ томъ, что постригаетъ всѣхъ безъ дозволенія, не имѣя на то права. По сему прошенію ему запрещено было постригать, но и послѣ этого предписанія консисторскаго онъ постригъ еще нѣсколько человѣкъ и тѣмъ подалъ поводъ къ новымъ жалобамъ на себя. Изъ консисторіи вышелъ указъ, чтобы взять его и привести въ Сѣвскъ, какъ нарушителя законовъ.

Его взяли изъ Брянскихъ лѣсовъ и повезли въ Сѣвскъ мимо Площанской пустыни. Въ то время случилось быть въ ней тогдашнему Епископу Сѣвскому и Брянскому, который узнавши, что везутъ О. Іоасафа, пожелалъ его видѣть и приказалъ привести къ себѣ. Приведенъ былъ старецъ, изнуренный строгою иноческою жизнью, со впалыми глазами, въ

оковахъ, отъ тяжести которыхъ онъ едва передвигалъ ноги. Преосвященный, тронутый видомъ старца, не могъ удержаться отъ слезъ; онъ велѣлъ его освободить и оставить въ пустыни. Съ того времени О. Іоасафъ остался въ монастырѣ, но не долго жилъ по возвращеніи изъ Брянскихъ лѣсовъ. Здоровье его было разстроено скорбями, трудами, постомъ и преклонными лѣтами, и быстро приближался конецъ его жизни. Онъ скончался въ 1766 году на 74 своей жизни, подвизавшись въ монашествѣ 50 лѣтъ *).

Послѣ О. Іоасафа въ Брянскихъ лѣсахъ поселился, неизвѣстно въ какомъ году, монахъ Варнава (изъ военныхъ) съ ученикомъ своимъ м. Иларіономъ. Онъ жилъ въ лѣсу близь с. Боцкина (имѣнія М. И. Похвиснева), Брянскаго уѣзда.

Въ 1775 г. поселился въ Брянскихъ лѣсахъ Площанскій іеромонахъ Адріанъ съ монахомъ Іоною и двумя послушниками. Поступивъ первоначально въ Площанскую пустынь около 1768 г., Адріанъ съ великою ревностію въ продолженіи четырехъ лѣтъ проходилъ тамъ монастырскія послушанія; но такъ какъ очень желалъ принять монашеское постриженіе, а въ то время во всей Орловской епархіи не было монашескихъ вакансій, то онъ рѣшился въ 1772 г. перейдти въ московскій Симоновъ монастырь, гдѣ былъ постриженъ, потомъ посвященъ въ іеромонахи. Въ 1775, возвратившись въ Площанскую пустынь, онъ пожелалъ избрать безмолвное пустынное житіе и, съ соизволенія настоятеля, съ м. Іоною и двумя послушниками поселился въ дремучихъ и непроходимыхъ въ то время Брянскихъ лѣсахъ, гдѣ и подвизался слишкомъ восемь лѣтъ. Но вскорѣ сосѣдніе жители стали рубить лѣсъ и тѣмъ принудили Адріана переселиться на другое мѣсто, болѣе удобное для пустынножительства. Онъ

---

*) См. Описаніе Богородицкой Площанской Пустыни. С.-Петербургъ. 1855. Стран. 22—25.

поселился верстахъ въ десяти отъ келліи вышеупомянутаго старца Варнавы, подвизавшагося съ однимъ только ученикомъ въ совершенномъ безмолвіи. Сосѣдство новопоселившагося отшельника О. Адріана было въ тягость О. Варнавѣ, потому что къ О. Адріану приходили многіе міряне и монахи, ради пользы душевной, и онъ принималъ всѣхъ съ христіанскимъ радушіемъ и дозволялъ жить у себя иногда по недѣлѣ. Эти странники нерѣдко нарушали безмолвіе Варнавы, такъ что онъ рѣшился переселиться верстъ за сто отъ пустынки Адріановой. Но наступившая голодная осень принудила Варнаву снова поселиться въ сосѣдствѣ Адріана и жизнь отшельниковъ опять потекла мирно и богоугодно. Недолго впрочемъ они наслаждались спокойствіемъ. Въ одну ночь напали на нихъ разбойники, немилостиво били и мучили старцевъ и ограбили ихъ келліи. Господь сохранилъ жизнь Адріана, но Варнава долженъ былъ принять вѣнецъ мученическій: онъ не перенесъ нанесенныхъ ему побоевъ и черезъ десять дней скончался и погребенъ близъ келліи, въ которой подвизался въ пустынномъ лѣсу. Въ настоящее время лѣсъ этотъ уже разчищенъ; могила старца запахана, но не забыта; по временамъ священникъ с. Боцкина служитъ на ней панихиду. „Господь судилъ мнѣ, пишетъ іеромонахъ С—й О—въ, побывать на мѣстѣ подвиговъ этого страдальца отшельника; преданіе о немъ еще свѣжо между тамошними жителями. Мѣсто, гдѣ стояла его келья, какъ то особенно показалось мнѣ привлекательнымъ; и я готовъ былъ воскликнуть: во истину благодать Божія живетъ и до нынѣ на мѣстѣ семъ“. Иконы и другія священныя изображенія, предъ которыми имѣлъ обыкновеніе совершать молитвенное правило свое о. Варнава, украшаютъ теперь собою притворъ Боцкинской церкви.

Ученикъ о. Варнавы монахъ Иларіонъ, по кончинѣ своего старца, переселился въ с. Богданово, Рославльскаго уѣзда,

и жилъ тамъ сначала въ лѣсу, потомъ подъ кровомъ благочестиваго крестьянина Купрѣенкова, а впослѣдствіи, по случаю нѣкоторыхъ недоразумѣній со стороны Богдановскаго помѣщика, переправился на противоположный берегъ рѣки Десны, въ с. Заболотье, Ельнинскаго уѣзда, и нѣкоторое время подвизался въ 4 верстахъ отъ этого села, въ Крутицкомъ бору, близъ деревни Крутицы. Наконецъ, по убѣжденію своего духовника, священника с. Заболотья, О. Луки, пріютился въ его домѣ; гдѣ и скончался около 1821 г. Похороненъ при Пятницкой приходской церкви. На могилѣ его, какъ говорятъ, и теперь стоитъ голубецъ. Преданіе объ особенномъ трудолюбіи О. Иларіона до сихъ поръ еще живо въ с. Боцкинѣ, первомъ мѣстѣ его монашескихъ подвиговъ *).

Отецъ Адріанъ и ученики его, послѣ страдальческой смерти О. Варнавы, оставили Орловскіе лѣса и переселились въ Смоленскіе предѣлы, гдѣ по усмотрѣнію Божію нашли благодѣтелей, которые приняли ихъ съ усердіемъ и поставили для нихъ пустынныя келліи. Но пребываніе ихъ было здѣсь недолговременно. Многіе благоговѣйные и благочестивые помѣщики избрали О. Адріана своимъ духовникомъ, священники же мѣстные, за это возъимѣли на него великое негодованіе, полагая, что онъ получаетъ много денегъ за исповѣдь, и обратились съ доносомъ на О. Адріана сперва къ свѣтскому начальству, а потомъ къ Смоленскому Епископу Парѳенію. Преосвященный вызвалъ къ себѣ старца и допросивъ его, дозволилъ ему жить въ Смоленской епархіи только съ такимъ условіемъ, чтобы онъ формально поступилъ въ Смоленское епархіальное вѣдомство. Но такъ какъ Смоленскіе монастыри въ то время нуждались въ монахахъ, то ста-

*) Свѣдѣнія объ О. Варнавѣ и О. Иларіонѣ собраны отъ разныхъ лицъ и намъ сообщены О. Сергіемъ Ѳедотовымъ, бывшимъ инокомъ Брянскаго Свѣнскаго монастыря, нынѣ О. Намѣстникомъ Минскаго монастыря.

рецъ опасался, что духовное начальство принявъ его и учениковъ его въ свое вѣдомство, не дозволитъ имъ пустынножительствовать, а противъ ихъ воли опредѣлитъ ихъ въ какую нибудь обитель. По этому О. Адріанъ рѣшился перейдти въ С.-Петербургскую епархію подъ покровительство монахолюбиваго митрополита Гавріила и по его благословенію помѣстился съ своими учениками въ Коневской пустыни, и вскорѣ назначенъ былъ настоятелемъ этой обители, которая обязана ему вполнѣ своимъ внѣшнимъ, а наипаче внутреннимъ благоустройствомъ. Послѣ десятилѣтняго управленія обителью, О. Адріанъ сложилъ съ себя начальство и въ 1800 г. перешелъ въ московскій Симоновъ монастырь, гдѣ принялъ схиму съ именемъ Алексія и скончался въ 1812 году.

Изъ учениковъ Адріановыхъ особенно извѣстны монахи: О. Іона, Василискъ и Зосима Верховскій.

Іона въ одно время съ Адріаномъ полагалъ начало монашеской своей жизни въ Площанской пустыни, и, сблизившись съ нимъ тамъ, навсегда остался его другомъ, сподвижникомъ и вѣрнымъ ученикомъ, и всюду слѣдовалъ за Адріаномъ, куда онъ не переходилъ, такъ что совокупная жизнь ихъ, начавшаяся въ Площанской пустыни, продолжалась въ Брянскихъ и Рославльскихъ лѣсахъ и въ Коневской обители, и окончилась въ московскомъ Симоновомъ монастырѣ. Здѣсь о. Іона, въ санѣ іеромонаха и принявъ схиму, скончался въ 1821 и погребенъ рядомъ съ своимъ старцемъ.

Василискъ, уроженецъ Тверской губерніи, изъ крестьянъ, сперва подвизался съ другими отшельниками въ пустынныхъ лѣсахъ близъ Темниковской обители (Тамбовской епархіи), потомъ поселился въ Брянскихъ лѣсахъ, гдѣ и подвизался лѣтъ десять, сперва при о. Адріанѣ, а по переходѣ его въ Коневскую обитель, года три въ совершенномъ одиночествѣ; послѣ того по благословенію своего старца перешелъ въ 1790 г. въ Коневскій Скитъ, гдѣ жилъ около десяти лѣтъ съ другимъ

ученикомъ Адріановымъ О. Зосимою Верховскимъ. О. Зосима еще въ 1786 и 1787 г. посѣщалъ Брянскіе лѣса и проживалъ нѣсколько времени сперва у О. Адріана, потомъ, по переселеніи его въ Коневецъ, у о. Василиска, а послѣ находился въ Коневской обители года три. подъ руководствомъ о. Адріана; и наконецъ, когда о. Василискъ поселился въ Коневскомъ Скиту, о. Зосима опять соединился съ нимъ и съ тѣхъ поръ остался на всегда его ученикомъ и другомъ. Когда же о. Адріанъ сложилъ съ себя настоятельство и пожелалъ поселиться на покой въ московскомъ Симоновомъ монастырѣ, тогда, отъѣзжая изъ Коневца, далъ благословеніе Василиску и Зосимѣ пойдти въ Сибирскіе предѣлы, что они и исполнили. Въ Сибири они подвизались 24 года; Василискъ тамъ и скончался 29 декабря 1824 года и погребенъ въ Туринскомъ Николаевскомъ дѣвичьемъ монастырѣ. Зосима же, потерпѣвъ въ Сибири многія скорби и гоненія, по кончинѣ своего старца переселился въ Москву и въ маститой старости отошелъ въ вѣчный покой 24 октября 1833 года въ основанной имъ пустынной Одигитріевской дѣвичей общинѣ, въ 60 верстахъ отъ Москвы въ Верейскомъ уѣздѣ.

Въ жизнеописаніи Старца Василиска повѣствуется, что, когда по переселеніи О. Адріана въ Коневецъ онъ проходилъ уединенное и безмолвное житіе въ Рославльскихъ лѣсахъ, другіе пустынники, тамъ жившіе, весьма почитали. любили и уважали его; и онъ по временамъ посѣщалъ ихъ; къ дальнимъ ходилъ и по мѣсяцу у нихъ гостилъ. Ближніе же по очередно другъ къ другу по праздникамъ сходились и вмѣстѣ совершали всенощное моленіе ко Господу Богу; и всѣ собравшіеся вмѣстѣ ничѣмъ инымъ не занимались во весь тотъ день, какъ только чтеніемъ и дружелюбною бесѣдою. А хозяинъ одинъ уже пекся о приличномъ угощеніи. Далѣе повѣствуется, что, когда Василискъ въ 1790 г. вынужденъ былъ оставить свое пустынное пребываніе въ Рославльскихъ

лѣсахъ, оставшіеся тамъ пустынножители провожали его съ великою скорбію и слезами.

Изъ этого расказа видно, что въ то время Брянскіе и Рославльскіе лѣса были населены многими пустынниками. Къ сожалѣнію только о немногихъ изъ этихъ современныхъ Василиску пустынникахъ сохранились нѣкоторыя свѣдѣнія.

На планѣ спеціальнаго размежеванія 1796 г. въ лѣсныхъ дачахъ помѣщиковъ Броневскихъ, Рославльскаго уѣзда, близь сельца Якимовичей, значится урочище: „ровъ монаховъ.“ Около этого оврага, проходившаго дремучимъ лѣсомъ, по всей вѣроятности, были пустынныя келліи о. Адріана и Василиска. Здѣсь же, на южной окраинѣ этого оврага, около 1783 г. поселился монахъ Никита, уроженецъ г. Орла.

О. Никита подвизался сперва въ двухъ верстахъ отъ Бѣлобережской пустыни въ лѣсу, гдѣ и до нынѣ указываютъ мѣсто его подвиговъ; потомъ, когда его пустынная келлія была сожжена какимъ-то недоброжелательнымъ человѣкомъ, поступилъ въ братство Бѣлобережской пустыни; послѣдніе же годы своей жизни, болѣе десяти лѣтъ, провелъ опять въ вожделѣнномъ для него пустынномъ уединеніи въ Рославльскихъ лѣсахъ, гдѣ и скончался 29 марта 1793 года. Ученикъ о. Никиты, о. Досиѳей, за неимѣніемъ гроба, положилъ почившаго старца въ пчелиный улей, въ которомъ О. Никита и былъ погребенъ, близъ своей келліи во рву. Но такъ какъ въ этомъ рву почти всегда стояла вода, то, лѣтъ черезъ 7 послѣ кончины О. Никиты, О. Досиѳей, по какому то откровенію, откопалъ гробъ старца, чтобы перенести его на другое, болѣе возвышенное мѣсто. При этомъ оказалось, что гробъ старца (т. е. улей) былъ цѣлъ, одежда на немъ цѣла и самъ онъ нетлѣненъ; на одной ногѣ, ходачекъ (лапоть) сплетенный изъ липовыхъ лыкъ ученикомъ О. Никиты, превратился въ прахъ; а на другой ногѣ, такой же ходачекъ, сплетенный самимъ старцемъ, уцѣлѣлъ. При откры-

тіи гроба было много монаховъ и священникъ с. Луговъ о. Іоаннъ. О. Никиту изъ пчелинаго улья переложили въ новый гробъ и, отслуживъ по немъ панихиду, похоронили на полу—горѣ на сѣверной окраинѣ рва. При погребеніи былъ больной монахъ, страдавшій желудкомъ; выпилъ изъ гроба воды и исцѣлѣлъ. Лѣтъ черезъ 15 (послѣ кончины) о. Никиту по какому-то случаю вторично отрывали: опять оказался нетлѣненъ. На могилѣ его лежатъ два камня; одинъ очень великъ. Память объ о. Никитѣ доселѣ чтится во всей окрестности и на его могилѣ, по просьбѣ богомольцевъ, не рѣдко служатся панихиды мѣстнымъ священникомъ.

Ученикъ о. Никиты монахъ о. Досиоей, родомъ изъ г. Карачева, постриженецъ Площанской пустыни, поселился въ Рославльскихъ лѣсахъ еще при о. Адріанѣ, и прожилъ здѣсь болѣе 40 лѣтъ. Въ 1827 г. онъ перешелъ въ новоустроенный Скитъ при Оптиной Пустыни и скончался здѣсь 22 декабря 1828 г. 75 лѣтъ отъ роду.

Товарищъ и ученикъ о. Досиоея монахъ Дорофей, изъ Карачева, лѣтъ 60, если не болѣе, подвизался въ Рославльскихъ лѣсахъ и въ маститой старости скончался 13 сентября 1866 г. *)

---

*) О Дороѳей, этотъ послѣдній изъ Рославльскихъ пустынниковъ, коротко знавшій обстоятельства жизни прежнихъ отшельниковъ, передавалъ священнику с. Якимовичей, о. Павлу Петровичу Бѣлавенцу, что о. Никита жилъ въ Рославльскихъ лѣсахъ не менѣе 10 лѣтъ. Тоже самое подтверждала намъ почтенная старица Надежда Ѳеодоровна Броневская, слышавшая объ о. Никитѣ отъ своей свекрови Александры Аѳанасьевны Броневской, покровительницы пустынныхъ старцевъ, жившихъ въ ея лѣсахъ и не рѣдко собиравшихся въ ея усадьбѣ. (А. А. Броневская скончалась въ 1853 г., болѣе 80 лѣтъ отъ роду). Основываясь на такихъ достовѣрныхъ свидѣтеляхъ, мы должны признать неточнымъ и недостовѣрнымъ разсказъ помѣщенный въ Домашней Бесѣдѣ 1862 (вып. 25-й стр. 599) и въ Странникѣ 1865 г. (Августъ стр. 70) о томъ, будто о. Никита только за полгода до своей кончины поселился въ Рославльскихъ лѣсахъ. Разсказъ этотъ, очевидно, основанъ на какомъ нибудь недоразумѣніи.

Въ числѣ знаменитыхъ отшельниковъ любителей безмолвія, подвизавшихся въ Рославльскихъ лѣсахъ, вмѣстѣ съ о. Никитою поминается Іаковъ. Въ какіе именно годы онъ тамъ подвизался и когда онъ скончался, въ точности неизвѣстно. Также другихъ подробностей о его жизни не знаемъ. Отъ Рославльскихъ старожиловъ сохранилась только память о томъ, что онъ былъ *болящій* и что ему однажды явилась Царица Небесная.

Въ Рославльскихъ же лѣсахъ нѣкоторое время жилъ замѣчательный подвижникъ іеродіаконъ и схимонахъ Мельхиседекъ, постриженикъ Бѣлобережской Пустыни, который послѣ истинно скитальческой жизни изъ пустыни въ пустыню, почилъ о Господѣ въ 1840 г. въ Жиздринскихъ лѣсахъ, въ 12 верстахъ отъ с. Мокраго, въ имѣніи С. И. Мальцева.

Еще извѣстно, что въ лѣсахъ принадлежавшихъ помѣщикамъ Броневскимъ жили пустынники: монахъ Селевкій бывшій гвардейскій офицеръ, выключенный Императоромъ Павломъ изъ службы за то, что отрѣзалъ одной дѣвицѣ косу за ея невѣрность; похороненъ въ 7 верстахъ отъ усадьбы Броневскихъ въ лѣсу Гр. Безбородко; монахъ Ѳеофилактъ, подвизавшійся на крутомъ, обрывистомъ берегу р. Десны; монахъ Илія, Сергій и Матѳей, о которыхъ ничего неизвѣстно, кромѣ именъ ихъ, сохранившихся въ памяти Рославльскихъ старожиловъ. Наконецъ близъ усадьбы Броневскихъ жилъ юродивый (имени его не помнятъ), бывшій почтовый чиновникъ, выключенный изъ службы за украденную у него казенную сумму. Жилъ на горѣ; съ горы катался по снѣгу; ночи проводилъ на кладбищѣ; собиралъ кошекъ, которыя его царапали и пр. Жизнь его подобна была жизни юродивыхъ Христа ради, прославляемыхъ Св. Церковью. Гдѣ скончался, неизвѣстно.

Въ Соловецкомъ Патерикѣ (изданномъ въ С. Петербургѣ въ 1873 г.) упоминается о старцѣ высокой жизни Арсе-

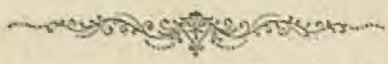
ніи, пришедшемъ съ Аѳона и подвизавшемся въ Брянскихъ лѣсахъ, у котораго былъ ученикъ Георгій. По времени оба пустынника перешли въ Псковскій уѣздъ, къ Никандровой обители. Здѣсь Георгій принялъ отъ своего старца монашество съ именемъ Герасима. Похоронивъ своего наставника, Герасимъ одинъ подвизался въ постѣ и молитвѣ. Впослѣдствіи въ 1823 г. перешелъ въ Соловецкій монастырь, гдѣ и почилъ о Господѣ 28 октября 1848 г., имѣя отъ рожденія 108 лѣтъ.

Память о пустынножителяхъ Брянскихъ и Рославльскихъ сохранилась и въ названіи нѣкоторыхъ урочищъ въ этихъ мѣстностяхъ. Такъ близъ с. Рѣковичъ, имѣнія кн. Мещерскихъ, Брянскаго уѣзда, есть урочище *Монахи*, несомнѣнно такъ названное въ память отшельниковъ здѣсь подвизавшихся. (Въ 2-хъ верстахъ отъ с. Рѣковичъ скончался въ 1822 г. пустынникъ Арсеній старшій). Далѣе с. Рѣковичъ, въ лѣсахъ окружающихъ с. Лютну, Брянскаго же уѣзда, жили пустынножители, подъ руководствомъ старца, о которомъ сами сказывали, но котораго никто не видалъ. Эти рабы Божіи приходили въ сельскую церковь на Пасху и послѣ службы удалялись въ свою пустынь. Сохранилось имя только одного изъ нихъ: Софроній. Въ 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія пустынники эти вмѣстѣ съ своимъ старцемъ переселились,—неизвѣстно куда. Сохранившіяся о нихъ свѣдѣнія сообщены священникомъ Брянской Троицкой церкви, о. Стефаномъ, со словъ покойнаго его родителя.

Въ 1805 г. въ Рославльскихъ лѣсахъ поселился іеромонахъ Аѳанасій (въ мірѣ Александръ Степановъ) московскій уроженецъ, изъ канцелярскихъ чиновниковъ (сынъ дьячка г. Калуги), постриженецъ Оптиной Пустыни. Первоначально поступилъ въ Пѣсношскій монастырь (московской епархіи *)

*) Сохранилось извѣстіе, что о. Аѳанасій еще до поступленія въ Пѣсношскій монастырь проводилъ жизнь отшельническую въ безмолвныхъ мѣстахъ. См. Брянскій Свѣнскій монастырь. Москва. 1866 ст. 93.

и принадлежалъ къ числу 12 человѣкъ, которые были отпущены Пѣсношскимъ настоятелемъ старцемъ Макаріемъ, вмѣстѣ съ ученикомъ его о. Авраамiемъ, для возстановленія пустынной Обители Оптиной, и въ 1796 г. принялъ въ ней постриженіе; въ 1797 г. рукоположенъ во іеродіакона, а въ 1802 г. во іеромонаха и назначенъ духовникомъ. Горя желаніемъ безмолвной жизни, онъ собрался было сперва на Аѳонъ и уже получилъ увольненіе, но, услыша о Рославльскихъ пустынножителяхъ, отправился къ нимъ и поселился съ ними. Объ этомъ О. Аѳанасіи мы уже говорили въ жизнеописаніи О. Архимандрита Моисея.



ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Предисловіе. . . . . I—IV

Глава 1-я. Дѣтство и ранняя молодость (1782—1811 г). . . . 1

Глава 2-я. Пребываніе въ Рославльскихъ лѣсахъ (1811—1821 г). 17

Глава 3-я. Пребываніе въ Скиту при Оптиной Пустыни (1821—1826 г) 44

Глава 4-я. Настоятельство (1826—1862 г). 51

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Письмо монахини Досиѳеи, и краткое извѣстіе о ней. 183

II. Нѣсколько писемъ О. Архимандрита Александра. . . 188

III. Три свидѣтельства, выданныя Тимоѳею Путилову. . . 195

IV. Собственноручная записка О. Игумена Моисея. . . . 197

V. Письма его къ брату Александру Ивановичу и (впослѣдствіи) О. Антонію и прочимъ 199

VI. Письмо къ Е. Д. Таптыкиной 217

VII. Письмо къ О. Игумену Антонію. 219

VIII. Духовное завѣщаніе О. Архимандрита Моисея 220

XI. Письмо О. Игумена Антонія (брата О. Моисея). . . . 223

X. Письмо О. Игумена Антонія Бочкова 224

XI. Надгробное слово, произнесенное при погребеніи О. Архимандрита Моисея. 227

XII. О пустынножительствѣ въ Рославльскихъ лѣсахъ. . . 233

2006283312